

На Востоке

Иван Иванович
Федюнинский

SHOUT **IT**
SHARE

- Федюнинский Иван Иванович

Федюнинский Иван Иванович

На Востоке

Федюнинский Иван Иванович

На Востоке

{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Аннотация издательства: Эта книга о мужестве и доблести воинов-дальневосточников, в рядах которых автор, впоследствии генерал армии, участвовал в боевых действиях с белокитайцами в период спровоцированного ими военного конфликта на КВЖД, а затем и против японских милитаристов на Халхин-Голе. Рассчитана на массового читателя.

С о д е р ж а н и е

Часть первая. Двойным ударом на удар

Глава первая. Особое задание

Глава вторая. Разгром

Глава третья. Капитуляция

Глава четвертая. Доверие оправдали

Часть вторая. На берегах Халхин-Гола

Глава первая. На земле монгольской

Глава вторая. И грянул бой

Глава третья. Баин-Цаганское сражение

Глава четвертая. На восточном берегу Халхин-Гола

Глава пятая. Перед решающим наступлением

Глава шестая. Час расплаты настал

Глава седьмая. Мирные дни

Примечания

Часть первая.

Двойным ударом на удар

Глава первая.

Особое задание

Ранним утром 16 ноября 1929 года наш поезд прибыл на железнодорожную станцию Мациевская, расположенную в нескольких километрах от китайской границы.

Поступила команда быстро выгрузиться, немедленно покинуть станцию и замаскироваться в окрестностях. Каждому батальону нашего 106-го Сахалинского стрелкового полка был указан свой район.

Во второй половине дня командиров подразделений собрали в штабе, расположенном в небольшой рощице у подножия сопки. Командир полка М. И. Пузырев кратко, в общих чертах,

познакомил с обстановкой и поставил боевые задачи.

Я возвратился в свою 6-ю стрелковую роту, проверил, как разместились взводы, и только собрался заняться уяснением задачи, оценкой обстановки и выработкой решения, как прибежал посыльный.

- Вас срочно вызывает командир полка, - доложил он.

Пока добирался до штаба, конечно, поволновался. Чувствовал, что не простой это вызов, что ждет меня и мою роту какое-то новое особое задание, иначе бы не вызывал командир полка к себе командира роты. Тем более что я только недавно пришел с совещания от него.

Все мы в тот день находились в возбужденном состоянии. Да и как иначе? Назревали события необычайной важности. Наконец-то мы готовились дать по-настоящему решительный отпор наглым провокациям белокитайцев. Долго мы их терпели - вот и осень на исходе, а ведь еще с лета Дальний Восток и Забайкалье стали одним из районов, где международный империализм активизировал свою враждебную деятельность против Советского Союза, готовя открытое выступление против нашей страны. Становилось ясно, что подстрекаемая империалистическими державами белокитайская военщина может в любой момент спровоцировать вооруженный конфликт. Радио и печать почти ежедневно приносили тревожные вести о событиях на границе, на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД){1}.

Китайско-Восточная железная дорога построена Россией в 1897 - 1903 годах по контракту, заключенному в соответствии с русско-китайским договором 1896 года. На ее строительство Россия израсходовала 375 млн. рублей золотом. Работы по прокладке КВЖД способствовали экономическому оживлению северо-восточных районов Китая, притоку сюда населения, возникновению и росту городов. С момента вступления в эксплуатацию КВЖД служила укреплению исторических связей между русским и китайским народами. Во время русско-японской войны 1904 - 1905 годов по КВЖД шло снабжение русской армии в Маньчжурии. В результате поражения царской России в войне южное ответвление КВЖД от Чанчуня до Дальнего по Портсмутскому мирному договору 1905 года отошло к Японии и было названо Южно-Маньчжурской железной дорогой (ЮМЖД). После Великой Октябрьской социалистической революции КВЖД оказалась в руках иностранных интервентов и белогвардейцев и использовалась ими для борьбы против Советской России. В 1918 году в зону КВЖД вошли японские войска. Япония и Соединенные Штаты Америки, заключив соглашение об осуществлении надзора

за дорогой, создали так называемый Межсоюзный комитет, к которому затем присоединились Англия и Франция. На Вашингтонской конференции 1921 - 1922 годов вопрос о КВЖД стал предметом острых разногласий между империалистическими державами.

В мае 1924 года в Пекине было подписано советско-китайское соглашение, по которому КВЖД рассматривалась как чисто коммерческое предприятие, управляемое совместно СССР и Китаем. Однако уже с 1925 года китайские власти, подстрекаемые империалистическими кругами других стран, встали на путь нарушения этого соглашения, совершили ряд провокаций на КВЖД и границе с советским Дальним Востоком.

10 июля 1929 года нам сообщили, что в 8 часов по местному времени в Харбине китайской полицией занято здание центрального телеграфа КВЖД. Начались аресты советских служащих. Китайскими властями было объявлено о закрытии представительства советских учреждений, а управляющему дорогой и его помощнику предложено выехать за пределы Китая. Белогвардейцы, находящиеся в Маньчжурии, усиленно вооружались.

Произвол китайских властей вызвал гнев у советских людей, у воинов Красной Армии. Волна возмущения и протеста против безумства китайских милитаристов, затевавших провокации против Советского Союза, росла по всей стране. Миллионы трудящихся заверяли партию и правительство в том, что по первому зову заводы и села дадут боевые полки и батальоны, по первому приказу к дальневосточной границе выйдут новые красноармейские корпуса.

На провокации китайских властей Советское правительство ответило нотой от 13 июля 1929 года, подписанной заместителем наркома иностранных дел Л. М. Караханом. В ней говорилось:

10 июля утром китайские власти произвели налет на КВЖД и захватили телеграф по всей линии, прервав телеграфное сообщение с СССР... Дубань (губернатор. - И. Ф.) дороги Люй Чжунхуан предъявил управляющему КВЖД Емшанову требование передать управление дорогой лицу, назначенному Дубанем... Управляющий дорогой Емшанов отказался выполнить это незаконное требование... Он был насильно отстранен. Начальники служб были отстранены и заменены белогвардейцами. По всей КВЖД закрыты и разгромлены профсоюзы и кооперативные организации рабочих, арестовано более двухсот граждан СССР... Емшанов и Эйсмонт высланы из пределов Китая{2}.

Советское правительство высказалось за мирное разрешение

конфликта, понимая, что маньчжурские правители действовали не самостоятельно, что их подталкивали некоторые империалистические страны. Однако у советских границ продолжали сосредоточиваться маньчжурские войска, приведенные в полную боевую готовность. Вместе с ними располагались отряды недобитых белогвардейцев.

15 июля была объявлена новая нота СССР, в которой излагалось требование в трехдневный срок удовлетворить законные права Советского Союза. Однако палач китайской революции нанкинский правитель Чан Кайгаи ответил так:

Мы хотим сначала взять в свои руки КВЖД, а потом приступить к обсуждению остальных вопросов.

Советское правительство в ноте от 17 июля заявило о том, что оно отзывает из Китая своих представителей, прекращает с ним сообщение и предлагает представителям Китая в СССР немедленно покинуть пределы Союза,

Однако и после этого враждебные действия белокитайских властей не прекратились. На КВЖД продолжались аресты советских граждан.

20 июля дипломатические отношения между Китаем и СССР были прерваны, советские консульские учреждения отозваны из Китая, а китайским консульствам предложено покинуть нашу страну.

Между тем в Маньчжурию подтягивались войска. Кроме того, белокитайцы продолжали усиленно укреплять пограничные районы. К рытью окопов привлекалось местное население. На границу прибыли китайские броневики. Маньчжурия превращалась в плацдарм, откуда международный империализм готовился нанести удар по СССР.

Естественно, Советское правительство не могло равнодушно смотреть на враждебную деятельность китайских правителей. Возникла необходимость срочно принять меры по обеспечению безопасности наших восточных границ.

В сложившейся ситуации, как я позже узнал, было решено создать единое руководство частями Красной Армии, противостоящими Китаю.

6 августа 1929 года Реввоенсовет СССР издал приказ, в котором говорилось:

1. Объединить все вооруженные силы, ныне расположенные на территории Дальнего Востока, в армию, присвоив ей наименование Особая Дальневосточная армия.

2. Командующим Особой Дальневосточной армией назначить товарища Блюхера.

3. Товарищу Блюхеру немедленно вступить в исполнение

своих обязанностей{3}.

Выбор на Блюхера пал не случайно. Василий Константинович - сын ярославского крестьянина, рабочий-металлист, прославленный герой гражданской войны, награжденный тремя орденами Красного Знамени, среди которых орден за номером 1, прошел славный боевой путь от солдата до командарма.

Жители Дальнего Востока с радостью встретили приезд Василия Константиновича в Хабаровск. Именно в этом краю в годы гражданской войны гремела его боевая слава. Здесь его знали, помнили.

Прибытие Блюхера на Дальний Восток вызвало большой резонанс за рубежом. Он уже был известен как выдающийся полководец, человек твердой воли.

Да простит меня читатель за слишком пространную цитату, но она как нельзя лучше отражает взгляды определенных международных кругов на назначение В. К. Блюхера. Английский журнал Чайна ревью в передовой статье под заголовком Галин возвращается на Дальний Восток писал:

Одним из наиболее резких контрастов в нынешнем китайско-русском конфликте является возвращение на Дальний Восток генерала Блюхера, известного в Китае под именем Галина. Прибытие Галина создает положение, которое может оказаться небывалым в истории. В случае войны Россия будет иметь командуящим ее военными силами, действующими против Китая, человека, бывшего руководящим деятелем в армии этого государства и с более безукоризненным, из первоисточников, знанием о силах противника. Проведя более десяти лет на Дальнем Востоке, Галин хорошо знает Дальний Восток и Китай. Без сомнения, принятие командования вооруженными силами России на Дальнем Востоке Блюхером создает новую обстановку в русско-китайском конфликте{4}.

Василий Константинович в самом деле хорошо знал Китай, ибо в 20-е годы под именем генерала Галина долгое время был главным военным советником при национально-революционном правительстве Китая, возглавляемом Сунь Ятсеном.

И этому блестящему советскому военачальнику китайские власти хотели противопоставить маршала Чжан Сюэяна, который всерьез возомнил себя полководцем, способным нанести поражение Красной Армии на советском Дальнем Востоке. Перед Китаем стояли нерешенные внутренние проблемы, а китайские милитаристы носились со своими сумасбродными планами агрессии против своего северного соседа.

К концу лета 1929 года в мукденской армии было уже около 300 тыс. человек. Кроме того, в Маньчжурии находились

белогвардейские формирования, насчитывавшие 70 тыс. человек. Китайские войска располагались близ границы на четырех основных стратегических направлениях, с таким расчетом, чтобы создать угрозу жизненно важным коммуникациям и районам Восточной Сибири и Дальнего Востока{5}.

Во второй половине августа провокации на нашей дальневосточной границе усилились. С китайской стороны почти непрерывно гремели выстрелы. Однако наши войска на огонь не отвечали. Советские воины строго соблюдали приказ командования армии № 14 Не стрелять!. Когда же белокитайцы совершали нападения на пограничные заставы или позиции советских войск, мы давали им отпор, но границу не переходили. Выдержку и терпение советских воинов белокитайцы, видимо, приняли за слабость. Они начали прощупывать границу более крупными силами.

Части нашей дивизии получили приказ выйти на государственную границу (наш полк оставался пока на месте, в Песчанке). Они расположились в маленьком приграничном городке Борзя. Как рассказывали мои товарищи из 108-го Белореченского полка, их очень удивила жизнь в густом населенном пункте. Куда ни зайдешь, всюду китайцы. Все лавки и столовые принадлежали им. Будто этот городок был не наш, а китайский. Но по улицам китайцы ходили как-то осторожно, словно бы побаивались наших воинов. Однако их никто не трогал. Красноармейцы обращались с ними вежливо.

Обстановка на границе между тем накалялась. 108-й полк передислоцировался поближе к месту возможных инцидентов. Действительно, вскоре и ему пришлось отражать нападение белокитайцев. Так, 16 августа один взвод полка отбил атаку большой группы китайских солдат в районе поселка Абагайтуевский и севернее города Маньчжурия.

Еще более крупная стычка произошла 18 августа. О ней я узнал от своих товарищей из 108-го полка. Ранним утром из района Чжалайнора начался обстрел нашей пограничной заставы. Пограничники на огонь не ответили. Начальник заставы доложил в штаб:

Наступают белокитайцы от Чжалайнора ротой. Правее накапливаются значительные силы. Огонь противника нашей заставе вреда не нанес. Продолжаем наблюдение. Вынуждены отстреливаться.

К 11 часам намерение белокитайцев становится ясным: вторгнуться на советскую территорию. За первой ротой противника появились вторая, третья. Это уже целый батальон. Такими силами белокитайцы и решили вести наступление.

Пограничной заставе одной не справиться.

На помощь пограничникам поспешили части Красной Армии с артиллерией. Завязался жаркий бой. Ударили батареи противника, у Чжалайнора показался бронепоезд. Наши части получили приказ отрезать врага, заняв его окопы на китайской стороне. Красноармейцы действовали дерзко, решительно. Частью сил сдерживая белокитайцев с фронта, наши подразделения совершили быстрый маневр и вышли в тыл врагу. Белокитайцы были разбиты. Наши войска получили приказ отойти на свои позиции и продолжать охрану границ.

Суровый урок, который преподала Красная Армия белокитайцам, не пошел им впрок. Китайская военщина не унималась. Провокаторы ежедневно обстреливали советских пограничников и с 1 сентября стали систематически перебрасывать через границу диверсионные банды. Они терроризировали наше население, угоняли скот, поджигали дома. В начале сентября нашу границу перешла банда Мохова. Бандиты были вооружены не только винтовками. У них имелось два пулемета. Они ворвались в село Благодатное верхом на захваченных у крестьян лошадях. В Благодатном бандиты тоже грабили бедняков и середняков, отбирали у них лошадей, телеги. Но долго не задержались там, боясь подхода подразделений Красной Армии.

Совершая свои грабительские рейды по селам, моховские белобандиты называли себя или пограничниками, или красноармейцами, или отрядом уголовного розыска, стремясь подорвать авторитет Советской власти. Однако никто им, конечно, не верил. В деревне Ивановка местные крестьяне чуть было не захватили бандитов. Те бежали, бросив свое имущество, китайские деньги, бланки и подписанные документы со штампами и печатями белогвардейских организаций города Харбин.

Эта банда позже была уничтожена вместе с ее атаманом Моховым. Но таких банд было множество. И число их продолжало расти. Часто в распоряжение частей нашей дивизии перебежали, главным образом ночью, китайские солдаты и русские рабочие из Маньчжурии. Они рассказывали о тяжелом положении мирного населения Маньчжурии, о бесчинствах и грабежах белокитайских солдат, о росте дороговизны, о том, что белогвардейские газеты ведут злобную пропаганду против Советского Союза, печатают насквозь лживые и гнусные материалы о Красной Армии, о ее бойцах и командирах.

Глядя на наших воинов, перебежчики сравнивали их с китайскими солдатами. Они говорили, что китайское войско и

белогвардейцы вооружены неважно, в основном русскими трехлинейными и японскими винтовками. В кавалерии лошадей мало, все больше мулы. Кавалеристы вооружены только винтовками и револьверами, шашек нет.

Но, несмотря на это, китайское войско, по-видимому, мечтало о победе. И аппетиты у китайских правителей, особенно у военщины, разгорались. Они строили далеко идущие планы. Об этом сказал в своем обращении к войскам Особой Дальневосточной армии В. К. Блюхер. Это обращение мы прочитали в газете Тревога 10 сентября 1929 года. В нем говорилось:

Все эти враждебные действия нельзя рассматривать иначе, как сознательную провокацию. По-видимому, они замышляют нечто большее, чем творимое на КВЖД и налеты на границы. Ставя об этом в известность войска армии, я призываю всех к величайшей бдительности.

Еще раз заявляю, что наше правительство и в данном конфликте придерживается политики мира и принимает все зависящие меры к разрешению его мирным путем.

На провокацию необходимо отвечать нашей выдержкой и спокойствием, допускать впредь, как и раньше, применение оружия исключительно только в целях собственной самообороны от налетчиков{6}.

Бойцы и командиры нашего полка были хорошо информированы об этих событиях. О провокациях белокитайцев писали газеты, о них мы рассказывали в политинформациях, разъясняя миролюбивую политику нашей страны, направленную на сдерживание агрессора и решение конфликта мирным путем.

Убеждать же кого бы то ни было в том, что это не является проявлением слабости, а лишь желанием избежать военных действий и напрасного кровопролития, не требовалось.

Сомневавшихся в силе Красной Армии в наших рядах не находилось.

Вот что, например, 9 сентября 1929 года военный комиссар нашего 106-го Сахалинского стрелкового полка доносил начальнику политотдела дивизии о настроениях личного состава в связи с событиями на КВЖД:

В связи с последними событиями на КВЖД настроение красноармейцев и комсостава повышенное - боевое.

Сегодня утром на совещании командно-политического состава была зачитана телеграмма начпуарма{7}, после чего из среды красноармейцев было несколько возгласов: Мы знаем, что последняя нота китайского правительства есть очередная провокация...

После зачитания этой телеграммы красноармейцам последние тоже высказали свое мнение: Нам ждать нечего больше, надо наступать.

Полковая школа вынесла резолюцию по этому поводу, в которой отмечается, что провокационные замыслы китайского правительства мы и так знали, а эти факты, совершившиеся на Пограничной, подтверждают нам их провокацию.

Многие красноармейцы заявили о том, что на провокационные действия китайского правительства мы должны усилить свою бдительность и в нужный момент должны быть готовы дать должный отпор{8}.

Особенно крупную провокацию белокитайцы совершили 2 октября 1929 года. Под покровом темноты две роты пехоты и группа всадников противника перешли границу и углубились на нашу территорию. Они были обнаружены конными разъездами между сопками Фронтая и Кальсина. Завязалась перестрелка. Не принимая боя, противник начал отходить в район сопки No 7 и No 2.

Командир 108-го стрелкового полка получил приказ - в 2 часа выслать отряд под командованием комбата Алексеева с задачей, двигаясь в направлении разъезда 86, сопка Бепо, обойти сопку No 1 с тыла, внезапным ударом захватить ее и воспрепятствовать отходу белокитайцев. После выполнения задачи вернуться в свое расположение. Отряд насчитывал 200 штыков и 25 сабель. Он был разбит на три группы. Одновременно была выдвинута к сопке Бепо сводная рота, которой было приказано занять сопку, а после выполнения задачи отрядом Алексеева прикрывать его отход.

Я подробно описываю действия наших подразделений, поскольку это были первые наиболее серьезные стычки с белокитайцами, и мы впоследствии тщательно изучили их ход и исход, опыт наших командиров, приобретенный в боях с врагом.

Итак, отряд вышел на выполнение боевой задачи. Впереди двигалась разведка от погранзаставы под командованием начальника заставы Маркина. Ей было поручено обследовать сопку Бепо и местность вокруг нее, снять сторожевые посты противника на пути к сопке No 1.

Комбат Алексеев также выслал группу разведчиков во главе с командиром взвода Несимовичем. Они обнаружили, что на подступах к сопке No 1 противник выставил охранение, а его оборонительная позиция расположена на самом гребне высоты. Она состояла из трех линий окопов, имелось несколько хорошо оборудованных блиндажей, которые соединялись ходами сообщения. Словом, оборона довольно сильная.

Получив такие данные, комбат Алексеев решил развернуть

отряд на южных скатах сопки No 1 и отсюда ударить по врагу. Все три группы быстро заняли исходные позиции и изготовились для атаки. По сигналу комбата бойцы броском выдвинулись на гребень высоты, сняли посты, перерезали телефонный провод, связывающий находящиеся здесь подразделения с крепостью Любенсян.

Стремясь ошеломить врага, отряд атаковал стремительно. Оправившись, китайцы открыли ураганный огонь, однако из блиндажей{9} не выходили, стреляли оттуда. По нашим атакующим цепям открыла огонь артиллерия противника из крепости. Видимо, обороняющиеся сумели каким-то образом сообщить туда. Но это не остановило наших воинов. Они действовали смело, решительно, забрасывали блиндажи гранатами. Вот выскочил вперед командир взвода Ким-Ю-Ген. Он хорошо владел китайским языком. Подбежав к одному из блиндажей, из которого велся особенно сильный огонь, он крикнул по-китайски, чтобы ему открыли дверь. Солдаты противника, очевидно, приняли его за своего офицера, спешившего укрыться, выполнили приказание Ким-Ю-Гена. Наши воины ворвались в блиндаж. В бою командир взвода был смертельно ранен, но воинский долг он выполнил до конца.

Атаки на других участках возглавляли коммунисты Чернецов, Сабинин, Моисеев, Макорейкин и другие. Они все время были впереди, личным примером вдохновляли воинов. Храбро сражался секретарь ротной партячейки командир взвода К. Д. Запарин. Он погиб как герой.

Огнем, штыком, гранатой крутили советские воины противника. Раненые не покидали поля боя. Получив ранение в плечо, командир роты Лещинский продолжал руководить действиями подчиненных. И только когда подразделение возвратилось к месту своего расположения, он согласился ехать в госпиталь.

Выполнив задачу, отряд под прикрытием копной I руины начальника погранзаставы Маркина и сводной роты Ермакова стал организованно отходить по заранее разработанному плану. И тут коммунист Конягин услышал стон раненого.

Может быть, красноармеец, - подумал он. - Может, о помощи просит.

Конягин немедленно вернулся обратно, хоть понимал, что рискует.

Так и есть: в окопе остался раненый красноармеец. В темноте его никто не заметил. Конягин помог ему выбраться из окопа и вместе с ним догнал товарищей...

Однажды в дивизию приехал командир 18-го стрелкового

корпуса С. С. Вострецов. Он решил побывать в передовых подразделениях у разъезда 86, на самой границе с Китаем. Разъезд небольшой - всего три железнодорожных пути, несколько маленьких деревянных домиков. До конфликта на КВЖД он был тихим пограничным пунктом, на котором для проверки останавливались поезда и потом через пограничную арку уходили в Китай.

И вот этот тихий, мирный разъезд 86 стал местом кровавых столкновений. Здесь белокитайцы часто устраивали провокации.

С разъезда хорошо просматривались китайские окопы, блиндажи, другие укрепления. На них-то, очевидно, и хотел взглянуть Вострецов. То ли китайцы каким-то образом пронюхали, что на разъезде находится красный командир высокого ранга, то ли просто задумали очередную провокацию, - только они внезапно открыли огонь по нашей территории, а на ближайшей высоте появились их подразделения. Комкор Вострецов приказал находящимся поблизости артиллеристам дать несколько выстрелов по сопке. Снаряды легли точно. Белокитайцев как ветром сдуло. Огонь с китайской стороны прекратился.

Комкор поблагодарил артиллеристов за меткую стрельбу и весь личный состав Белореченского полка за отличную службу.

Да, настроение у личного состава нашей дивизии было боевое. Красноармейцы и командиры горели стремлением как следует проучить китайских милитаристов, ударить по ним так, чтобы навсегда отбить охоту нападать на нашу страну. Сотни тысяч рабочих и крестьян изъявляли желание вступить добровольцами в нашу Особую Дальневосточную, чтобы в ее рядах сражаться с белокитайцами, защищая интересы Страны Советов.

Как нам говорили, сплошной поток писем шел в политуправление ОДВА и лично командарму В. К. Блюхеру. В них люди разных профессий обращались с просьбой зачислить их в ряды Особой Дальневосточной. Даже юноши китайцы, проживающие в Советском Союзе, хотели добровольно сражаться с китайскими милитаристами.

Посылая письма в части и подразделения, советские люди призывали бойцов стойко защищать завоевания социалистической революции. Многие письма трудящихся предварительно обсуждались на цеховых собраниях рабочих или на заседаниях заводских и городских комитетов профсоюзных организаций.

В нашей дивизии служил бывший рабочий красноармеец Алексей Орлов. Однажды ему пришлось письмо от рабочих

Московской фабрики Красный Октябрь такого содержания:

Дорогой товарищ Орлов! Мы, рабочие и служащие Красного Октября, шлем тебе пролетарский привет и гордимся, что ты, как рабочий нашей фабрики, охраняешь наше социалистическое Отечество. Мы у станков крепим наше социалистическое хозяйство, но, если нужно будет, мы вместе с вами железной стеной станем на защиту Страны Советов. Привет всем бойцам шестого взвода. Посылаем вам много подарков.

В ответных письмах воины нашей дивизии заверяли рабочих и крестьян, что они с честью выполняют свой долг.

А на границе по-прежнему было тревожно. Противник сосредоточил в районе городов Лахасусу и Фугдин большие силы, он подтянул сюда 9-ю пехотную бригаду, которая заняла оборону в населенных пунктах северо-восточнее Лахасусу. В районе Могонхо расположились подразделения береговой обороны врага. Вдоль берега реки Сунгари белокитайцы возвели оборонительные сооружения для пехоты и артиллерии, которые прикрывались кораблями Сунгарийской флотилии.

Из этого района противник и готовился нанести удар. Но наши войска опередили его. Под командованием героя гражданской войны начальника штаба ОДВА А. Я. Лапина они нанесли 12 октября сильный удар и разгромили белокитайские части. Укрепления Лахасусу были разрушены.

Но и после этого китайские милитаристы не успокоились. Вскоре в районах городов Маньчжурия и Чжалайнор они сосредоточили крупные силы. И вот на состоявшемся несколько часов назад совещании командир полка М. И. Пузырев рассказал нам в общих чертах, что предстоит сделать дивизии и полку, выполняя замысел командования ОДВА по разгрому противника.

Конечно, всего, по понятным причинам, он тогда не мог сказать, да и не все знал. Только позже, оценивая те события с позиции и других должностей, и солидного боевого опыта, я до конца уяснил важность и значение проведенной нами операции.

К тому времени советскому командованию был известен замысел врага. Разведка доносила, что враг вот-вот начнет операцию, по плану которой главная группировка, сосредоточенная в районах городов Маньчжурия и Чжалайнор, намеревалась нанести внезапный удар, дойти до Байкала и перерезать Транссибирскую магистраль. Враг собирался взорвать на ней железнодорожные туннели и отрезать тем самым советский Дальний Восток от западной части страны. Одновременно 1-я Мукденская кавалерийская дивизия, усиленная пехотными частями и отрядами русских белогвардейцев, действуя из района Мишаньфу, должна была перейти границу и перерезать

железную дорогу Хабаровск - Владивосток.

В середине ноября, готовя наступление крупными силами, белокитайцы провели разведку боем на различных участках границы.

Теперь уже каждому было ясно, что за этим последуют боевые действия. В сообщении ТАСС так и говорилось:

Учитывая создавшуюся на Дальнем Востоке обстановку, командование Особой Дальневосточной армии принуждено было принять со своей стороны контрмеры по защите наших границ и для обеспечения охраны пограничного населения и нашего тыла{10}.

Советские войска, приведенные в боевую готовность, были выдвинуты к границе. Забайкальская группа ОДВА под командованием С. С. Вострецова к этому времени сосредоточилась в районе станиц Даурия, Борзя, поселок Абагайтуевский. В группу входили 35-я и 36-я стрелковые дивизии, 5-я Кубанская кавалерийская бригада, 26-я легкобомбардировочная эскадрилья, 18-й корпусной саперный батальон, 1-я железнодорожная рота, отдельный Бурят-Монгольский кавалерийский дивизион, бронепоезда № 66, 67, 68. В Читинском лагере в резерве стояли 21-я Пермская стрелковая дивизия и рота танков МС-1.

Правда, наши части в большинстве своем были укомплектованы по штатам мирного времени. К примеру, 21-я Пермская стрелковая дивизия была территориальной, и ее из района Перми подтянули к границе, когда назревал конфликт. Одним словом, ОДВА численно уступала противнику почти в три раза.

Объявляя о решении советского командования проучить агрессора, командир полка остановился во время совещания на политических задачах военных действий. Они преследовали цель установления мира у советских границ.

До нас довели разосланную политотделом 18-го стрелкового корпуса в войска накануне наступления Директиву о политическом обеспечении операции в районах Маньчжурия - Чжалайнор.

Приведу строчки из нее, ибо в них можно найти разъяснение тех задач, которые стояли перед нашими войсками:

Ни на шаг не отступая от настойчивого курса на мирное разрешение конфликта, не изменяя общих оборонительных задач ОДВА, РВС армии решил предпринять активно оборонительные действия и, упредив противника, разгромить его группирующиеся силы. Успех этой операции будет иметь совершенно исключительное политическое значение, выражающееся в

деморализации китайских войск на всех участках, в переломе настроения беднейшей части китайского населения в нашу пользу, в создании вполне положительного общественного мнения в Маньчжурии для ускорения разрешения мирным путем затянувшегося конфликта. Вместе с тем это будет новой и яркой демонстрацией и превосходства Красной Армии над противником{11}.

Далее в директиве указывалось, что помимо разгрома вооруженных сил противника войскам предстоит разрушить все укрепления и сооружения, важные в военном отношении, разгромить и уничтожить здания тюрьмы и полицейских участков, а всех арестованных освободить.

Особое внимание в директиве обращалось на необходимое в обеспечении образцового поведения красноармейцев на захваченной территории. Об этом говорилось так:

Обеспечить самое выдержанное и корректное отношение ко всем слоям населения, и особенно к трудящимся... Категорически запретить присвоение военными даже самых мелких вещей, а также всяких покупок на территории противника.

Незадолго до второго в этот день и столь необычного вызова в штаб я довел эту директиву до личного состава вверенной мне 6-й стрелковой роты и теперь сам еще находился под ее впечатлением.

В штаб прибыл, признаюсь, во взволнованном, возбужденном состоянии. Командир полка встретил тепло, выслушал рапорт, пригласил к походному столу, установленному посреди штабной палатки. Я успокоился, снял перчатки, поправил шинель. Приятно было очутиться в тепле после целого дня, проведенного на морозе. А мороз, надо сказать, достигал в тот день 20 градусов.

М. И. Пузырев начал без предисловий, запали в память его четкие, рубленые фразы:

- Вашей роте предстоит ответственное дело... Подразделение - лучшее в полку, потому уверен - справитесь.

Я подтянулся, уставившись на небольшой походный стол, на котором была разложена топографическая карта района предстоящих действий.

Командир полка продолжал:

- Приказываю... скрытно выдвинуться к разъезду Абагайту и разрушить железнодорожные пути, затем обойти станцию Маньчжурия, перерезать железную дорогу и нарушить сообщение со станцией Хайлар... Главная задача - лишить противника возможности маневрировать силами и средствами... Все ясно?

- Ясно...

Я уже собрался уходить, однако Пузырев остановил.

- Одну минуту. Возьмите вот это, - сказал он и достал из командирской сумки свой компас.

В то время компасы и бинокли были большой редкостью, почти не имели мы и топографических карт, поэтому меня тронуло внимание командира. Трудно бы мне пришлось ночью на незнакомой местности.

Возвращаясь к себе, я думал над тем, что сказал командир полка. Он назвал роту лучшей в полку, а давно ли это стало так...

До перевода в 106-й Сахалинский стрелковый полк, входивший в состав 36-й стрелковой дивизии, я служил в Даурии. Назначение было неожиданным. Прибыл в Песчанку, где дислоцировался полк, и сразу представился командиру. Пузырев принял сердечно, приветливо, поинтересовался семейным положением, где и в какой должности служил раньше. Беседа окрылила меня, подняла настроение. Кому из военных не известны тревоги, связанные с переводом на новое место службы. На первых порах все кажется чужим, неприветливым. Так и хочется вернуться обратно. На сей же раз со мной подобного не произошло. Теплая встреча сняла тяжесть разлуки с прежними сослуживцами. Правда, легкой жизни командир полка не сулил, скорее, наоборот: предупредил о больших трудностях, с которыми придется встретиться.

- Не буду скрывать, - сказал он, - рота досталась вам тяжелая. Подобрались в ней, как мы привыкли говорить, трудные бойцы. С боевой подготовкой дела плохи, с дисциплиной тоже... Предшественник ваш пытался поправить дела, но ему это не удалось. Надеюсь, что вы сумеете.

Я не знал, что ответить. Категорически заявить, мол, выведу роту в передовые, не мог. Это походило бы на бахвальство, а хвастаться не привык. Пасовать - тоже не в моих правилах. Помедлив, сказал:

- Постараюсь сделать все, что можно.

Ответ, видимо, пришелся командиру полка по душе. Он улыбнулся:

- Вот и хорошо. Желаю удачи. Помощь понадобится, не стесняйтесь, приходите ко мне.

Со смешанным чувством отправился в роту. С одной стороны, владело желание оправдать надежды командира полка вывести ее если не в передовые, то хотя бы из отстающих, с другой - брало сомнение: а получится ли? Мой предшественник, очевидно, тоже старался, да не вышло. А почему выйдет у меня? Я гнал прочь эту мысль, настойчиво внушал себе: Ты должен справиться, обязательно должен, Ведь не зря же именно тебя назначили

командовать этой ротой. Значит, надеются.

Первое знакомство с личным составом подразделения оставило неплохое впечатление, я бы сказал, даже ободряющее. Красноармейцы как на подбор рослые, красивые, физически крепкие. С такими, казалось, горы свернуть можно. Вот только что скрывалось за этими внешними качествами, оставалось для меня загадкой, которую и предстояло разгадать. Но под силу ли это одному? Найдутся ли в роте надежные помощники? Подобные вопросы волновали меня до тех пор, пока не познакомился ближе с политруком Т. Бабушкиным, командирами стрелковых взводов И. Лукиным, Л. Суховольским, И. Шамшуровым и командиром пулеметного взвода П. Коневым. Первые же дни совместной работы показали, что на этих людей можно опереться. Они горели желанием вывести роту из прорыва. Нельзя не сказать добрых слов о политруке Бабушкине. Это был грамотный, вдумчивый политработник. Он ничего не решал поспешно, старался внимательно вникнуть в существо дела, разобраться, а уж потом принимал решение.

За дело мы взялись дружно, однако, как ни старались, на первых порах мало что удавалось. Нарушения дисциплины продолжались, но даже не это самое скверное. Тревожило какое-то равнодушие личного состава роты к учебе. Я долго ломал голову, как зажечь людей, как пробудить у них стремление учиться и служить лучше. Немало было проведено собраний, бесед, однако все они пока оказывались малодейственными. Слова мои не очень-то доходили до бойцов. Нужна была какая-то встряска.

И вот однажды - было это в воскресенье - я сидел в своей комнате и глядел на плац городка. День стоял погожий, ярко светило солнце. Дело близилось к обеду. Как обычно, из казармы нашей роты вышли воины, собрались группами, закурили. Послышался смех. До построения оставалось еще несколько минут, и я решил выйти к красноармейцам, побеседовать просто так, как говорят, по душам, не задавая какой-то определенной целью. Подошел, поздоровался, спросил о настроении.

- Отличное, - ответил красноармеец Бобров. - Погодка-то какая, прямо мечта.

- Верно, - говорю, - погода как по заказу.

- А мы и заказали ее, - ответил Бобров. - Написали всевышнему прошение. Мол, так и так, не хватит ли хмуриться небу, не довольно ли дуть ветрам, а то не ровен час надорвутся. Вот он и внял нашей мольбе.

Красноармейцы засмеялись.

- Давай ври дальше.

- А чего мне врать, сам видишь - результат налицо. Так стояли, перебрасываясь шутками. Уловив хороший настрой подчиненных, как бы между прочим сказал:

- Гляжу на вас, ребята, и понять не могу, что же это получается? Люди в роте - один лучше другого, а плетемся в хвосте. Просто не верится. Ведь стоит вам только захотеть - и были бы первыми не только в полку, но и в дивизии.

Бойцы мои приумолкли, стали прислушиваться, а я продолжал:

- Мало того, что сами в отстающих, полк назад тянем. И какой полк! Вы же наверняка знаете его историю, традиции. Они складывались в жарких боях с врагом в годы гражданской войны...

- Вроде что-то говорили, - неуверенно отозвались красноармейцы.

И тут я понял, что история части, ее боевой путь совершенно незнакомы моим подчиненным, а ведь именно с этого должна начинаться служба красноармейца в полку. Значит, кто-то упустил, забыл о столь важном деле, а мне и в голову до сих пор не могло прийти, что подобное возможно.

И решил я поправить эту оплошность. В тот же день выбрал свободное время и коротко рассказал бойцам о том, как создавался полк, как защищал он молодую Советскую Республику. А рассказать было о чем.

В тяжелый для молодой Советской Республики 1919 год 29 июня в Симбирской губернии (ныне Куйбышевская область) было закончено формирование первого стрелкового полка первой особой бригады.

Сразу же после формирования он в полном составе отправился на Восточный фронт. Первые горячие сражения с частями Колчака - первые успехи в боях. После разгрома Колчака полку была поставлена задача уничтожить кулацкую банду есаула Белова, действующую в районе города Атбасар. И эту задачу выполнили с честью. Вскоре банда перестала существовать.

26 июля 1920 года полк передислоцировался в Забайкалье. Здесь он уничтожил банду Донского, а спустя год сражался с отрядами белого барона Унгерна.

Рано утром 5 июня 1921 года банды Унгерна напали на поселок Басийский, где была расположена школа полка. Завязался бой. Свыше полутора тысяч белогвардейцев с несколькими орудиями оттеснили горсточку курсантов. Через час к месту боя прибыл с небольшим подкреплением командир полка Лысов. Страстным большевистским словом и личным примером он увлек бойцов на врага. Противник не выдержал дружной атаки

красноармейцев, отступил и ушел в сопки. На помощь отважно сражавшимся курсантам пришли 80 крестьян из окрестных деревень. Вооружены они были охотничьими ружьями, вилами, рогатинами. Комполка Лысов объединил крестьян с курсантами и снова атаковал врага. И опять заставил его отступить.

Па другой день к месту боев прибыли 2-й и 3-й батальоны полка. Бандитов изгнали с территории Советской страны, однако полного их уничтожения добиться не удалось. Полк получил приказ перейти границу и вместе с другими частями Красной Армии помочь молодым отрядам Монгольской Народной Республики окончательно ликвидировать банды барона Унгерна. Это ответственное задание он выполнил блестяще.

В годы мирной учебы личный состав полка настойчиво овладевал оружием и техникой, приемами ведения боя. В подразделениях выращено немало настоящих мастеров военной дела.

Я назвал имена лучших красноармейцев.

Конечно, то, что я пишу сейчас, лишь краткое, лишенное эмоциональности изложение той памятной для меня и, уверен, для всего личного состава роты беседы.

Между прочим, иногда говорят, что одной беседой никого не перевоспитаешь и дела не поправишь. В принципе это, конечно, так. Но вот та беседа удалась - и оказалась весьма и весьма действенной.

Закончив рассказ, оглядел подчиненных. Они стояли молча. Видимо, каждый думал о чем-то своем. О чем? Этого я не знал, но чувствовал, что мой рассказ затронул их сердца.

А утром из доклада дежурного я узнал, что в роте даже после отбоя продолжалось собрание. Возникло оно стихийно. Это было, собственно, продолжение нашей беседы. Говорили на нем бойцы о дальнейшей своей жизни, об отношении к боевой учебе и службе. И решили все, как один, бороться за первое место в полку и дивизии.

О нашей беседе с красноармейцами, об изменении их настроения я рассказал политруку, командирам взводов. Посоветовал побольше отмечать людей, не оставлять без внимания ни одного самого маленького успеха красноармейца, самого крошечного доброго дела.

- В общем - не скупиться на доброту, - вставил политрук Бабушкин. Помните, у Максима Горького есть такие слова: Людям слишком часто и настойчиво говорят, что они плохи, почти совершенно забывая, что они при желании своем могут быть и лучше. По-видимому, так получилось и с личным составом нашей роты: приросла к ней дурная слава. Бойцам стали говорить

только плохое, не замечая ничего хорошего. Люди, естественно, приуныли, а некоторые на все махнули рукой, свыклись.

С того дня все мы, ротные руководители, старались подмечать в людях сильные стороны, развивать их, помогали избавиться от недостатков. Воспитывали бойцов доверием, сложными заданиями, рассказывали им о героических делах старшего поколения, победившего в неравных боях гражданской войны.

Не будет преувеличением сказать, что личный состав менялся буквально на глазах.

И вот настал момент, когда командир полка уверенно назвал нашу 6-ю роту лучшей в полку. Да что там назвал - он доверил ей ответственное и сложное задание, от выполнения которого зависел успех действий не только полка, но и дивизии...

Уяснив задачу и оценив обстановку, я выработал решение и собрал командиров взводов, чтобы довести до них боевые задачи. Сразу предупредил, что действовать будет нелегко. Степь и сопки, отсутствие ориентиров, темная и очень холодная ночь, резкий ветер - все это обернется против нас. Но мы обязаны все преодолеть и оправдать доверие командования.

Предстояло всесторонне подготовить роту к предстоящим действиям, довести до сознания каждого бойца их ответственность.

Ночью мы сделали последние приготовления. Я, конечно, не спал, но не только от волнения, которое было вполне естественным перед первым боем, - даже о коротком отдыхе подумать было нельзя.

Разумеется, в эту ночь не сомкнули глаз и политрук Бабушкин, и командиры взводов. Задолго до рассвета я заслушал доклады командиров подразделений о полной готовности к действиям и направил связного к командиру полка. Тот прислал короткий ответ: Действуйте. Верю в вас!

В полной темноте, соблюдая тишину, мы двинулись в путь. На рассвете, когда сопки еще окутывал густой туман, рота подошла к разъезду.

Я прислушался. Стояла мертвая тишина. Выслал вперед двух дозорных, приказал разведать противника. Через несколько минут красноармейцы вернулись. Старший доложил о том, что дорога охраняется часовыми. Подразделение охраны спит в казарме.

- Снять часовых, - распорядился я. - Командиры взводов - ко мне! Задача...

Замысел был прост. Едва разведчики сняли часовых, мы плотным кольцом окружили казарму. Враг, застигнутый врасплох,

почти не оказал сопротивления. Мы быстро обезоружили его.

Теперь предстояло как можно скорее разобрать полотно железной дороги, разрушить связь. Мы захватили с собой кое-какой шанцевый инструмент, но его оказалось мало. Что делать?

Я приказал поискать в казарме ломы, кирки, топоры, пилы.

И вдруг разведчики доложили о приближении поезда. В предрассветной дымке возникли огоньки сигнальных фонарей. Мимо нас промчался маньчжурский экспресс.

- Досадно, - воскликнул я, - не сумели его остановить...

- Не горюйте, командир, - успокоил политрук. - Мы сделали все, что в наших силах. А поезд этот не уйдет.

И действительно, он далеко не ушел, на подступах к Хайлару был задержан нашими кавалерийскими частями.

Упущенный поезд словно подхлестнул всех. Заскрежетали ломы, завизжали пилы, которые, к нашему счастью, мы нашли в казарме. Один за другим падали телеграфные столбы, полетели под откос рельсы, шпалы. За каких-нибудь полчаса путь был разобран, связь нарушена.

Медленно занимался рассвет. На горизонте стала вырисовываться гряда гор. Там находились китайские укрепления.

И вдруг горы словно ожили. Эхом прокатился по ним грохот выстрелов. Над нами засвистели пули.

Неужели обнаружили? - подумал я. - Надо закрепляться. Наверняка предпримут контратаку.

Рота стала окапываться, но противник так и не успел атаковать. Со стороны границы до нас донесся гул канонады. Началась артиллерийская подготовка. С минуты на минуту должны были ринуться на врага главные силы.

Теперь нам предстояло развернуть фронт обороны роты, чтобы встретить внезапным огнем отходящего врага. Атаки мы отбили. Рота прочно удерживала разъезд в своих руках.

Неожиданно в наших боевых порядках появилась легковая машина. Из нее вышел рослый мужчина в полушубке нараспашку. На гимнастерке сверкали ордена Красного Знамени. Поражало его удивительное хладнокровие. Посвистывали пули, рвались снаряды, а он словно не замечал опасности.

Это был комкор Степан Сергеевич Вострецов, возглавлявший Забайкальскую группу войск Особой Дальневосточной армии.

Я подбежал к нему, намереваясь доложить о наших действиях. Но он опередил меня вопросами:

- Кто вы? Что за подразделение?

- Командир шестой стрелковой роты сто шестого полка Федюнинский. Имею задачу... - И я подробно доложил, что мы

сделали и делаем.

- Хорошо, - сказал Вострецов. - Правильно действуете. А теперь... Видите вон те сопки?

- Вижу.

- Возьмите их и держите крепко.

Через минуту машина умчалась дальше, туда, где решался успех боя.

Я быстро поставил задачу командирам взводов. Указал объекты атаки, направления дальнейшего наступления.

Взводы уже изготовились для атаки, когда у нас в тылу послышался шум двигателей и вскоре из-за сопки вынырнули два танка МС-1. Я жестом приказал им остановиться. Командиры танков доложили, что отстали от своего подразделения и не знают, что делать.

- Поддержите атаку роты, - распорядился я и указал задачи.

Заметил, что бойцы мои сразу повеселели. С танками идти на врага вернее.

И вот атака началась.

Противник открыл интенсивный огонь, однако красноармейцы действовали сноровисто, дерзко и решительно. С ходу ворвались в первую траншею у подножия сопки. Здесь оказалось несколько блиндажей. Перекрытия их состояли из рельсов и бетона. Как потом выяснилось, строились блиндажи под руководством немецких инструкторов. При расчетах была допущена ошибка: на подступах к укреплениям образовались большие, не поражаемые огнем пространства. Это и позволило нам атаковать почти без потерь. Выявился и второй серьезный просчет. Дымоходы от печей, расположенных в блиндажах, поднимались вертикально вверх. Это позволило бросать в блиндажи гранаты через трубы печей. Оставшиеся в живых китайские солдаты стали поспешно покидать блиндажи и сдаваться.

Обходя захваченные нами позиции, я не мог не отметить, сколь тщательно строили китайцы свои оборонительные сооружения. Они, видимо, считали оборону основным видом боевых действий, полагая, что если в начале наступления не добьются успеха, то постараются измотать силы наших войск в боях на укрепленных позициях, а уже затем нанесут решительный удар. В районах Маньчжурии и Чжалайнора китайцы возвели мощные фортификационные сооружения, подготовили оборону и в противотанковом отношении: отрыли широкие, до 4 метров, рвы, в промежутках между ними установили минные поля, камнемётные фугасы. Инженерные сооружения прикрывались ружейно-пулеметным огнем. Правда, маскировка их оставляла

желать много лучшего, и этим, конечно, воспользовалось наше командование. Разведка быстро установила расположение и характер вражеских укреплений.

Общая глубина полосы оборонительных сооружений составляла от 2 до 5 километров. Сооружения располагались, как правило, в линию, круговая оборона отсутствовала. Надо сказать, что укрепления были достаточно мощными. Артиллерийские снаряды малого калибра вреда им никакого не причиняли.

Решающая роль в обороне отводилась ружейно-пулеметному огню и бомбометам. Артиллерийские орудия вели огонь, как правило, с закрытых позиций, беспорядочно. Маневр ни живой силой, ни огневыми средствами в ходе боя не проводился. Разведка велась плохо или совсем не велась. Взаимодействие между подразделениями отсутствовало, что позволяло громить их по очереди, расчлняя боевые порядки и совершая обходы и охваты.

В ходе боев противник не организовал ни одной контратаки, ни одного контрудара. Китайские солдаты оказывали сопротивление нашим воинам, не выходя из окопов и блиндажей.

В окопах белокитайцы устраивались основательно, по-видимому, рассчитывали сидеть в них долго. В добротных, утепленных блиндажах мы обнаружили запасы муки, чумизы, риса и других продуктов питания. Словом, подготовился враг основательно, но это не помогло ему удержаться на занимаемых позициях. Наше командование определило уязвимое место в обороне противника. Главный удар был нанесен в промежуток между маньчжурским и чжалайнорским укреплениями. Это позволило изолировать их и разгромить по частям.

Однако вернемся к событиям 17 ноября. После захвата сопки перед 6-й ротой была поставлена задача занять высоты около железной дороги и тем самым перерезать пути отхода противника от станции Маньчжурия. Командир батальона передал в мое распоряжение 12 пулеметов и часть личного состава пулеметной роты И. Г. Тазова.

- Что с вашим командиром? - поинтересовался я у прибывших ко мне пулеметчиков.

- Погиб, - ответили мне, и я услышал печальный рассказ о том, как это случилось.

Рота столкнулась с многократно превосходящими силами противника. Завязался жестокий бой. В разгар его у наших воинов кончились патроны, и тогда Тазов приказал срочно отвести замолчавшие пулеметы в безопасное место. Сам же остался лицом к лицу с врагом с небольшой группой красноармейцев. Бойцы, возглавляемые им, дали достойный отпор врагу. Не одну атаку

отбили они. Тазов умело и уверенно руководил боем, враги видели, что в открытом бою советских воинов не одолеть. Тогда к Тазову подкрался белокитаец и бросил гранату. Так погиб красный командир И. Г. Тазов, до конца выполнив свой долг перед Родиной. Посмертно он был награжден орденом Красного Знамени.

Все 12 пулеметов роты Тазова и 6 пулеметов, имевшихся у нас ранее, я сосредоточил на главном направлении возможного прорыва маньчжурской группировки к Чжалайнору вдоль железной и шоссеиной дорог. И, как показали события, поступил правильно.

Ночь на 18 ноября выдалась холодной. Дул резкий, пронизывающий ветер. Мороз пробирал до костей. Питались сухим пайком, горячую пищу доставить нам, находившимся в тылу врага, оказалось невозможно. Хлеб так замерз, что его пришлось рубить топором.

Чтобы хоть как-то обогреть личный состав, приказал развести на обратных скатах высоты костры. Однако противник тут же открыл по этому району артиллерийский огонь, и их пришлось потушить.

Во второй половине ночи из-за туч появилась луна. Стали вырисовываться контуры местности. Приглядевшись, я различил железную и идущую рядом с ней шоссеиную дороги из Маньчжурии на Чжалайнор.

Вскоре донесся шум моторов и обрывки фраз. Вдоль полотна двигалась какая-то бесформенная масса людей. Я приказал командиру отделения Чирцову с группой бойцов уточнить, что это за колонна. Через несколько минут он доложил:

- Товарищ командир, китайцы стремятся вырваться из окружения.

- Приготовиться к бою, - приказал я.

Мы находились в 300 - 400 метрах от дороги и могли в упор расстреливать противника из всех 18 пулеметов.

Не подозревая об опасности, вражеские войска шли в направлении Чжалайнора. Когда они достигли высот и оказались перед нашими позициями, ночную тишину разорвали пулеметные очереди. Море свинца обрушилось сверху на головы врагов. Удар был неожиданным и сокрушительным. Среди белокитайцев началась паника. До нас донеслись крики и стоны. Часть подразделений, которые уже прошли высоты, побежали в сторону. Пришлось несколько пулеметов перебросить на это направление, чтобы преградить путь врагу. Я решил лично возглавить эту группу пулеметчиков, ибо положение складывалось там, прямо скажем, угрожающее. Обезумевшие массы солдат панически

бежали на наши позиции.

Кинжальный огонь остановил толпу. Не давая врагу опомниться, мы ударили в штыки. Жаркой была схватка, безграничны доблесть и мужество наших воинов. Каждый сражался, как герой, и враг запросил пощады.

Пленных сразу обезоружили и собрали в одном месте, чтобы при первой возможности отправить в тыл. Раненым оказали помощь.

Те же подразделения противника, которые вырвались из-под нашего огня и, казалось, уже достигли станции Маньчжурия, попали под фланговый удар нашего Бурят-Монгольского кавалерийского дивизиона, которым командовал Л. А. Бусыгин. Конница врезалась в толпы бегущих китайских солдат. Вскоре и здесь все было кончено.

В середине дня, когда закончился бой, приехал С. С. Вострецов. Я доложил о выполнении задачи.

- Это твоя работа? - спросил он, показывая на поле боя, усеянное трупами врагов.

- Это работа красноармейцев, которыми я командую, - ответил ему.

Ответ ему понравился, и он попросил рассказать, как было.

Доложил все по порядку, стараясь ничего не упустить. В конце добавил, что мы подбили четыре автомашины с офицерами, которые после неудачного прорыва возвращались в город Маньчжурия. Среди взятых в плен оказался начальник полиции Маньчжурской провинции. У него воины отобрали портфель с важными документами. Я передал портфель командиру корпуса.

Выслушав меня внимательно, Вострецов сказал:

- С документами я разберусь.

Потом, много позже, когда закончились события на КВЖД, меня по случаю награждения орденом Красного Знамени пригласили на прием к командиру корпуса Вострецову.

Степан Сергеевич подарил мне полевую сумку и именной револьвер. Мне было очень приятно получить подарок от такого заслуженного и известного военачальника. Это был поистине бесстрашный командир, человек большого мужества, храбрости и выдержки, могучей энергии и твердой командирской воли. В годы гражданской войны Вострецов храбро сражался на Западном и Восточном фронтах, командуя полком, дивизией, группой войск. Первый орден Красного Знамени Степан Сергеевич получил за мужество и отвагу, проявленные в боях за освобождение Челябинска в июле 1919 года. Через год его наградили вторым орденом Красного Знамени за героизм в боях против белополяков.

Особенно отличился С. С. Вострецов при штурме спасена и освобождении Приморья в 1922 году. В то время он командовал группой войск Народно-революционной армии Дальневосточной республики. В этих боях широко раскрылись его незаурядный талант командира и умение руководить войсками. За боевые заслуги он был награжден третьим орденом Красного Знамени.

Четвертый орден Красного Знамени Степану Сергеевичу вручили за ликвидацию банды генерала Пепеляева в Охотско-Аянском районе. Командуя экспедиционным отрядом, он действовал дерзко и решительно.

Степана Сергеевича отличали хорошее знание военного дела, ясность ума, решительность. Он не боялся брать на себя ответственность. Требовательность к себе и к подчиненным сочеталась с душевной простотой и доступностью.

В частях дивизии рассказывали о таком эпизоде. Приняв командование 18-м стрелковым корпусом (это было 13 октября 1929 года), он сразу же выехал в войска для знакомства с ними. Комкор тщательно проверял боевую подготовку личного состава, подолгу беседовал с командирами, со знанием дела вникал во все вопросы жизни и боевой деятельности частей и подразделений.

В 35-й стрелковой дивизии он приказал перековать лошадей, поскольку соединению предстояло действовать на местности, покрытой льдом, а у коней были подковы без шипов. Перед отъездом комкор поинтересовался, как выполняется его приказ. Вместе с комдивом пошли посмотреть. Молодой кузнец, видимо еще малоопытный, изо всех сил дергал и хлестал упиравшегося коня, стараясь завести его в станок.

- За что вы наказываете лошадь, разве она в чем-нибудь виновата? - спросил Вострецов.

Боец смущенно посмотрел на командира:

- Не хочет идти.

- Такого не может быть.

Степан Сергеевич подошел к лошади, взял ее за узду, ласково погладил, успокоил и без всякого труда завел в станок. Собравшиеся бойцы и командиры с нескрываемым любопытством смотрели за действиями комкора, за тем, как он искусно управлялся с конем. Вострецов не спеша проверил подковы, гвозди, взял молоток и начал перековывать лошадь. Делал он это ловко, умело, будто всю жизнь занимался такой работой. Закончив, позвал старшего коваля.

- А ну, принимай работу, только посмотри, может быть, что не так? - сказал он.

Старший коваль придирчиво осмотрел подкованного коня.

- Отлично сработано, лучше не подковать! - сказал он с

восхищением. - Вот бы мне такого кузнеца в помощники.

- Польщен вашей похвалой. Но, к сожалению, принять ваше предложение не могу, - с улыбкой сказал Степан Сергеевич. - Другие дела ждут меня.

Стоявшие рядом бойцы и командиры громко засмеялись. Когда Вострецов ушел, они еще долго обменивались мнениями. Простота, деловитость комкора и удивили, и покорили их. Прославленный герой, грудь в орденах, пост высокий занимает, а не чурается никакой работы. Словом, командир из народа, свой человек. С таким в огонь и в воду не страшно.

И действительно, бойцы и командиры глубоко уважали комкора Вострецова.

Глава вторая.

Разгром

Я рассказываю о боевых делах своей роты, но хочу подчеркнуть, что в первый же день операции удача сопутствовала не только нам, но и нашим соседям.

107-й стрелковый полк перешел в наступление в 7 часов. Комполка Л. А. Бакуев намеревался атакой с фронта и охватом обоих флангов занять сопку № 9 и к 10 часам выйти к сопке Железная. Наступление полка поддерживали дивизион артиллерийского полка и танковая рота. Однако танкисты не вышли своевременно на исходный рубеж, и это замедлило продвижение стрелковых подразделений. К 12 часам, когда танковая рота подошла, полку удалось нарастить силу удара и овладеть сопкой № 9. Развивая успех, полк вышел на линию сопки Жаба и Кольцо, которыми в середине дня овладел 108-й полк.

Активно действовала и наша авиация. Она наносила бомбоштурмовые удары по позициям противника. Летчики 26-й отдельной легкобомбардировочной эскадрильи, 25-ю и 6-го отдельного авиаотрядов, несмотря на плохую погоду и трудности в ориентировке на местности, точно выходили на цели и метко сбрасывали бомбы, причиняя врагу значительный урон.

В результате умелых действий к исходу дня 17 ноября 1929 года наши войска полностью окружили противника в районе города Чжалайнор и станции Маньчжурия.

Нельзя не подчеркнуть, что в первый же день наступления бойцы и командиры нашего полка продемонстрировали высокое боевое мастерство, образцы мужества и храбрости. Отважно сражался с врагом командир роты А. В. Белявин, бывший рабочий из Перми. В 1917 году он добровольцем ушел в Красную гвардию, а затем - в Красную Армию, навсегда связав с ней судьбу. Это был смелый и инициативный командир. Хладнокровием и

бесстрашием он вдохновлял подчиненных на подвиги, вселял в них веру в свои силы, в успех боя.

Несмотря на ранения, остались в строю отделенный командир Шигин, красноармеец Сартанов и многие другие. Санитар роты Саверский под сильным огнем врага вынес с поля боя трех раненых. Когда выносил четвертого, пуля противника настигла его.

В напряженную минуту ротный писарь красноармеец Деньгин заметил, что рядом с командиром роты упала брошенная белокитайцем граната. Деньгин подскочил к командиру, свалил его на землю и накрыл собой... Граната разорвалась, но командир и красноармеец остались живы.

Примеров мужества и отваги в первый день боя было множество. Каждый воин старался образцово выполнить свой долг.

На 18 ноября задача нашему 106-му Сахалинскому полку осталась прежней: вместе с частями других соединений создать прочное внутреннее кольцо окружения маньчжурской группировки, которая насчитывала свыше 9000 солдат и офицеров. Основные силы нашей дивизии продолжали наступать на Чжалайно́р.

В течение дня 18 ноября белокитайцы неоднократно пытались вырваться из окружения, однако подразделения нашего полка стойко удерживали занимаемые рубежи. В 15 часов противник начал наступление в направлении сопки Каменистая. Его артиллерия открыла ураганный огонь по нашим позициям. Завязался жестокий бой, часто переходящий в рукопашный. На отдельных участках врагу удалось потеснить наши подразделения. Казалось, он вот-вот прорвет кольцо окружения. Но этого не случилось. По приказу командира дивизии во фланг белокитайцам ударил Бурят-Монгольский дивизион. Лихой атакой советские кавалеристы сломали боевые порядки врага, он не выдержал натиска и начал поспешно отходить. Дивизион устремился в преследование и с ходу овладел высотой Суркино, имевшей важное значение.

Активные боевые действия вели 18 ноября и другие части нашей дивизии. 107-й стрелковый полк перешел в наступление в 7 часов на участке сопки Стремя и Железная. При поддержке полковой артиллерии и дивизиона 36-го артиллерийского полка он медленно, но уверенно продвигался вперед. Уже к середине дня полк подошел с запада к окраинам Чжалайно́ра.

108-й стрелковый полк начал наступление немного позже - в 9 часов 30 минут. Развернувшись у сопки Мать и Сын, он, при поддержке танковой роты и авиации, ринулся на противника.

Белокитайцы оказывали упорное сопротивление, но остановить продвижение советских войск не смогли.

В это время 5-я Кубанская кавалерийская бригада К. К. Рокоссовского, перерезав железную дорогу, вышла в тыл чжалайнорской группировке врага. Белокитайцы не раз контратаковали части кавбригады во фланг, но безуспешно.

В 12 часов 18 ноября 108-й полк при поддержке 5-й кавалерийской бригады занял Чжалайнор, взяв в плен около 500 солдат и офицеров врага и трофеи.

Попавшие в окружение китайские части снова попытались вырваться из кольца через позиции 35-й стрелковой дивизии. Часть этих войск была уничтожена, а остальным удалось просочиться в незанятые промежутки между частями дивизии. Помог удачный выбор момента удара. Враг нанес его во время перегруппировки частей дивизии. Поэтому штабу дивизии не удалось своевременно организовать преследование. Командованию группы пришлось выделить для этой цели часть сил 5-й кавбригады.

Бой в Чжалайноре продолжался целый день. Остатки гарнизона врага укрылись в шахтах, в подвалах зданий и оказывали упорное сопротивление. Их пришлось буквально выковыривать из этих укрытий.

В Чжалайноре произошел любопытный эпизод. Когда наши войска штурмовали город, вражеский самолет ошибочно сбросил вымпел, адресованный командиру 17-й бригады, в расположении наших войск. В сообщении говорилось, что из Хайлара на помощь окруженным спешат части 5-й смешанной бригады.

Наше командование приготовилось встретить подкрепление врага в районе станции Цаган. Однако, как выяснилось позже, послание командиру 17-й бригады имело одну цель - поддержать моральное состояние окруженных. Никакая помощь из Хайлара в Чжалайнор не шла, никто не собирался выручать гарнизон, оказавшийся в кольце. Этот факт лучшим образом характеризует нравы милитаристских генералов.

Взятие Чжалайнора явилось крупной победой наших войск, и далась она, эта победа, нелегко. Здесь мне хотелось бы не ограничиваться своими впечатлениями и сослаться на свидетельства других очевидцев.

Вот что рассказал о штурме Чжалайнора командир Бакуев:

При занятии первых укрепленных высот противника он оказал сильное сопротивление. Три наших батареи били по высотам, куда мы шли в атаку. Но артиллерийский огонь не устрашал белокитайцев, отстреливались они храбро. Наш полк вел бой за первое укрепление около трех часов. Благодаря

поддержке танков развязка была ускорена. Когда бойцы увидели, что танки ползут по блиндажам белокитайцев, они бросились вперед, и блиндажи были заняты.

В этом бою пал смертью храбрых командир роты Богданов. Пуля сразила его, когда он бросился в атаку.

Отступивший с первых высот противник бежал и укрепился на очередном рубеже, но и оттуда был выбит. К 15 часам мы заняли исходное положение для наступления на Чжалайнор. В 16 часов началась атака. Противник открыл сильный артиллерийский огонь, он пристрелял командный пункт и позиции нашей артиллерии. Едва мы приблизились к позициям белокитайцев, как попали под перекрестный пулеметный огонь. Однако уже стемнело, и мы обошлись без потерь. Вскоре Чжалайнор был в наших руках. Здесь мы могли оценить работу нашей артиллерии, от огня которой враг понес большие потери. Нас удивляло упорство, с которым дрались китайские солдаты. Лишь впоследствии выяснилось, что китайские офицеры запугали их выдумками о зверствах командиров и бойцов Красной Армии.

Обороняя Чжалайнор, белокитайцы шли на самые различные уловки: ставили артиллерийские орудия под навесы, затаскивали на крыши зданий пулеметы. Они знали, что наши части по зданиям мирных жителей огонь не ведут, и поэтому считали себя в безопасности. Но просчитались. Советские воины снайперскими выстрелами поражали расчеты пулеметов, стремительными маневрами заходили в тыл и внезапно захватывали огневые позиции артиллерийских подразделений.

Когда мы вошли в Чжалайнор, то увидели неприглядную картину: кругом все было разбито и разграблено. На улицах валялось оружие врага, снаряжение, патроны, возле домов - различное имущество, а точнее, ненужное барахло, которое не понадобилось грабителям в форме китайской армии. Куда ни глянь, двери в зданиях сорваны, окна разбиты. Клуб разрушен, библиотека разграблена, электростанция и водокачка взорваны. Население осталось без воды и света. Жители попрятались в шахты, подвалы домов. Многие убежали в сопки. Стремясь уйти от возмездия, китайские офицеры и солдаты переодевались в гражданскую одежду и выдавали себя за мирных жителей.

Советское командование начало наводить порядок. Па другой день после окончания боев жители, и в первую очередь рабочие, стали возвращаться в свои дома. Проходя мимо наших красноармейцев, они боязливо съеживались, некоторые просто дрожали от страха. Они, видимо, ожидали, что сейчас советские солдаты начнут над ними издеваться, так по крайней мере им внушали белогвардейские газеты, китайские агитаторы. Но,

убедившись, что красноармейцы их не трогают, а, наоборот, дружелюбно жмут руки, жители осмелели, воспрянули духом. Они сами подходили к нашим воинам, завязывали беседы. Рабочие рассказывали о своей тяжелой жизни, жаловались на жестокое обращение с ними администрации угольных копей и китайских солдат.

Командование нашей группы оказало помощь рабочим-китайцам, выдало им муку, керосин.

Пораженные образцовым поведением бойцов Красной Армии, местные купцы заявили нашему командованию: Нам стыдно за свою армию. Она нас ограбила и позорно бежала. С вашим приходом восстановлен порядок.

Не только местные жители, но и пленные были несказанно удивлены гуманным отношением к ним. Когда их вместо расправы накормили обедом, они совсем воспрянули духом. Им прочитали письмо китайских солдат, которые раньше попали в плен. В нем говорилось:

Друзья и братья!

Нас обманывали. Наши офицеры говорили, что красные войска не берут в плен, а убивают, грабят мирных жителей, насилюют женщин.

Неправда! Мы убедились, что собой представляет Красная Армия. Красная Армия не воюет с трудящимися Китая.

Красная Армия защищает свою страну и угнетенные народы всего мира.

Здесь, в СССР, они строят свое государство, которым управляют рабочие и крестьяне. Своих помещиков и буржуев они прогнали 12 лет назад.

Мы, пленные китайские солдаты, не думали, что с нами будут так хорошо обращаться. Но у нас все есть: светлое помещение, сытный обед, хорошее отношение красноармейцев.

Мы сейчас убедились, что проливали свою кровь за богатеев Чжан Сюэляя и Чан Кайши продают нашу страну по частям империалистам всех стран, а китайские рабочие и крестьяне вынуждены влачить жалкое существование.

Ради чего мы воюем? Ради того, чтобы сытно жили милитаристы.

Братья и друзья! Бросайте воевать с Красной Армией, последуйте примеру русских рабочих и крестьян. Гоните в шею капиталистов и помещиков{12}.

На другой день пленные пошли на работу. Они охотно разрушали блиндажи, которые сами же строили по приказу своих начальников. Многие китайские солдаты говорили, что хотели бы служить в Красной Армии. Им, конечно, отказали. Но главный

итог состоял в том, что они начали все больше понимать, кто стоит и борется за трудовой народ и кто его враг.

Советские командиры, политработники, да и красноармейцы проводили с китайскими рабочими беседы. Знакомили их с жизнью в нашей стране, рассказывали, что дала народу Советская власть.

В клубе состоялся вечер смычки Красной Армии с рабочими копей, о котором подробно впоследствии написал в сборнике На удар двойным ударом{13} присутствовавший на этом мероприятии товарищ Зубенко. В клубе собралось свыше двух тысяч рабочих-китайцев. Они рассказали о своем тяжелом, бесправном положении, об изнурительном труде.

После собрания все вместе смотрели кинофильм Броненосец Потемкин. Затем бойцы пригласили китайских рабочих к себе на ужин. Так кончился первый интернациональный вечер смычки.

Первые же встречи бойцов Красной Армии с китайским населением произвели огромное впечатление на рабочих и крестьян, развеяли клевету, которую распространяли белогвардейские и белокитайские газеты о большевиках, красноармейцах.

Рабочие в знак благодарности вручили 5-й Кубанской кавалерийской бригаде знамя и адрес, в котором писали:

Красным кубанцам от рабочих Чжалайнонских копей. Мы, рабочие Чжалайнонских копей, в составе 400 человек, выражаем свою признательность частям Красной Армии за их хорошее, заботливое к нам отношение. За все время нахождения в Чжалайнонре частей Красной Армии не было ни одного случая мародерства или грубого отношения к нам красноармейцев. В знак своей признательности и благодарности преподносим вам, красным кубанцам, знамя и сей адрес{14}.

После взятия Чжалайнора все внимание советских войск было сосредоточено на разгроме противника в районе станции Маньчжурия. Как стало известно, командующий Забайкальской группой комкор С. С. Вострецов предложил китайским войскам сложить оружие. Но генерал Лян Чжу-цзян отклонил ультиматум. Позже стало известно, что он рассчитывал на помощь резервов, которые должны были подойти из глубины.

Около 5 часов 19 ноября белокитайцы предприняли очередную попытку прорваться на участке Бурят-Монгольского кавалерийского дивизиона и нашего 106-го Сахалинского стрелкового полка.

Бой завязался жестокий. Численное превосходство было на стороне врага. Он, как говорится, лез напролом. Ценой больших потерь ему удалось потеснить подразделения Бурят-Монгольского

кавалерийского дивизиона к разъезду Абагайтуй. Под сильным давлением врага отошли несколько назад левофланговые подразделения нашего полка. Однако успех противника был кратковременным. К 8 часам дружной контратакой подразделения кавдивизиона и 106-го стрелкового полка восстановили положение.

Во второй половине дня командир дивизии Е. В. Баранович перебросил из района Чжалайнора на разъезд Абагайтуй стрелковый батальон 107-го полка, который поступил в распоряжение командира нашего полка. Это было значительное усиление. Естественно, мы почувствовали себя увереннее.

Бой не прекращался в течение всего дня. Белокитайцы стремились прорвать кольцо окружения то на одном, то на другом участке. Не скрою, порой нам приходилось туго. Противник располагал большими силами, но тем не менее мы выдержали его бешеный натиск и сами перешли в контратаку. Кольцо окружения сжималось. Важную роль в этих боях сыграли танки. Позже командир 108-го полка Соловьев писал, что своими действиями танки оказывали большую моральную поддержку бойцам, своим огнем и видом вносили полную деморализацию в ряды противника... В очистке блиндажей во многом помогли те же танки.

Наши командиры и бойцы значительно превосходили врага и в тактическом мастерстве, и в мужестве, и в стойкости. Каждая минута, каждый час боя рождал новых героев. Помню, всю дивизию облетела весть о подвиге красноармейца Петра Никифорова. В ночь накануне наступления командиру взвода Алешину было приказано провести разведку в тылу противника. Взяв с собой красноармейца Никифорова, Алешин вышел на задание. Поиск в тылу противника на незнакомой местности всегда опасен. А тут еще надо учесть особенности местности, где, куда ни глянь, толпятся сопки, похожие одна на другую.

Под покровом ночи разведчикам удалось скрытно подобраться к указанным командованием объектам и собрать необходимые данные. Однако на обратном пути они неожиданно встретились с большой группой белокитайцев. Противник открыл огонь. Наши воины стали отстреливаться, однако силы были неравными. Алешин получил тяжелое ранение в грудь. Красноармеец Петр Никифоров бросился к командиру и сразу определил, сколь опасна рана. Что делать? Как спасти его? Белокитайцы уже близко. Вот они на расстоянии броска гранаты. Никифоров затаился. Еще немного, еще... Очевидно, враги посчитали, что разведчики убиты. Но тут-то Петр Никифоров и пустил в ход карманную артиллерию... Оставшиеся в живых

китайские солдаты отошли.

Взвалив на плечи командира, Никифоров понес его в полк. Нота была нелегкой, к тому же воин был ранен в обе ноги, но он не оставил раненого... Уже на своей территории Никифоров потерял сознание. Его нашел конный разъезд. Красноармеец лежал лицом вниз в окровавленном обмундировании, широко разбросав руки. А рядом с ним был раненый Алешин. Когда Никифорова привели в сознание, он первым делом спросил:

- Жив командир?

- Жив, - ответили ему.

- Хорошо, - проговорил он и улыбнулся.

Обоих воинов отправили в даурский госпиталь. В свою часть Никифоров вернулся с орденом на груди.

Пример мужества, бесстрашия, как правило, показывали коммунисты и комсомольцы. В нашей дивизии добрая слава шла о Косте Абрамове - секретаре комсомольского бюро. Он всегда был в гуще бойцов, в учебных классах, на стрельбище, в поле на тактических учениях. Абрамов живо интересовался успеваемостью комсомольцев, организовывал помощь отстающим. Когда стояли на границе, не проходило ни одной ночи, чтобы Абрамов вместе с командирами не побывал в полевых караулах и не проверил, как несут службу комсомольцы. С началом боев дрался в первых рядах, показывая личный пример.

За мужество и отвагу, проявленные в боях, К. Абрамов был награжден орденом Красного Знамени. Забегая вперед, хочу заметить, что после разгрома белокитайцев на КВЖД он окончил Военно-политическую академию имени Толмачева (ныне имени В. И. Ленина). В годы Великой Отечественной войны Абрамов был членом Военного совета одной из армий. Мне в те годы не раз приходилось встречаться с ним. И приятно было видеть, что он оставался таким же жизнерадостным, энергичным, каким знал я его в двадцать девятом...

Могу привести и другие примеры мужества, отваги, сообразительности и смекалки наших воинов.

Командир отделения нашего полка Медведко получил задачу нарушить телеграфную связь с Чжадайлорой. В тыл пробрались успешно, достигли линии связи, но тут наткнулись на большую группу белокитайцев. Противник открыл сильный огонь. Однако Медведко выдвинул отделение на выгодный рубеж и под прикрытием огня подчиненных, пренебрегая опасностью, спилил телеграфный столб. Белокитайцы бросились в атаку, но были остановлены метким огнем. В перестрелке Медведко был тяжело ранен, но боевую задачу выполнил до конца.

В другом бою отличился комсомолец Касаткин. В ходе атаки

рота попала под сильный пулеметный огонь из блиндажа. Бойцы залегли. Тогда Касаткин попросил разрешения у командира уничтожить пулемет. Воин подполз к огневой точке врага и забросал ее гранатами. Пулеметы замолчали. Путь роте был открыт.

В эти дни подвиг стал нормой поведения каждого воина-комсомольца. Политработники заботились о популяризации этих подвигов, о том, чтобы имена героев были известны каждому бойцу. Об этом говорили на политинформациях и во время коротких бесед, проводимых в передышки между боями.

Запомнился один такой рассказ. 3-я рота, в которой служил курсант-стажер Хомячков, получила приказ овладеть сопкой Железная. По сигналу командира воины атаковали врага. Ни мороз, ни жгучий ветер, ни интенсивный пулеметный и ружейный огонь белокитайцев не могли сдержать их боевого порыва.

Курсант Хомячков шел на врага в первых рядах атакующих, увлекая за собой бойцов отделения. По его команде воины забросали траншею противника гранатами и с винтовками наперевес ринулись на белокитайцев. Сопротивление было сломлено. Подразделение начало преследование противника и овладело сопкой Железная.

Вдруг на пути встал хорошо подготовленный к обороне блиндаж штаба одной из бригад армии генерала Ляна. Хомячков быстро оценил обстановку. Он понял, что перед ним численно превосходящий противник, однако превосходство свое ему будет реализовать трудно из-за тесноты блиндажа. К тому же дерзость и решительность сделают свое дело.

С криком ура отделение курсанта Хомяčkова бросилось на врага. Бойцы забросали блиндаж гранатами и ворвались в него. Оставшиеся в живых китайские и белогвардейские офицеры сдались. Оказалось, что было их там около 50 человек. Забегая вперед, отмечу, что так же мужественно, умело дрался Хомячков и в 1939 году в боях на Халхин-Голе с японскими захватчиками. Там он уже командовал ротой.

...В ночь на 20 ноября части нашей дивизии совершили перегруппировку с целью решительного наступления на город Маньчжурия. Около 4 часов подразделения 107-го и 108-го стрелковых полков, переброшенные из-под Чжалайлора, где они выполнили поставленную задачу, заняли исходное положение.

До наступления оставались считанные минуты. Однако противник опередил нас. Около 6 часов он предпринял очередную попытку прорвать кольцо окружения. Большая группа белокитайцев нанесла удар по левому флангу нашего полка и потеснила обороняющиеся там подразделения. Тогда Пузырев

приказал Бурят-Монгольскому дивизиону, приданному нашему полку, атаковать врага в районе сопок Синяя и Слива, чтобы заставить его распылить свои силы. Советские кавалеристы блестяще выполнили свою задачу. Словно вихрь налетели они на белокитайцев и заставила их в беспорядке бежать назад, в город Маньчжурия. Прорыв был ликвидирован.

Однако враг не успокоился. Видимо, потеряв надежду на помощь извне, решил всем составом гарнизона вырваться из кольца. Операцию начал без разведки. Разбившись на несколько колонн, белокитайцы двинулись на юг и юго-восток, унося и увозя с собой награбленное у своих же соотечественников добро. Надо сказать, что китайское командование, в частности генерал Лян, правильно выбрало направление для прорыва. Оно нашло те участки местности, где мы не могли выставить крупные силы. С юга и юго-востока к Маньчжурии примыкает довольно высокий массив хребта Баюоржин с ограниченным числом перевалов, которые находятся к тому же на значительном удалении от нашей границы.

Ию и на этот раз врагу не удалось осуществить свои замыслы. Метким огнем, лихими конными атаками наши войска рассеяли колонны белокитайцев, вынудив их повернуть обратно. В этом бою отличились 73-й и 74-й полки 5-й Кубанской кавалерийской бригады. На полном скаку они врезались в колонну противника, насчитывающую не менее 3 - 4 тыс. человек и разгромили ее. Сотни солдат и офицеров врага нашли смерть от острых шашек отважных советских кавалеристов. Оставшиеся в живых в панике бежали в город Маньчжурия, под прикрытие укреплений.

Глава третья.

Капитуляция

Неудачная попытка прорыва решила судьбу Маньчжурского гарнизона. Генерал Лян Чжуцзян понял, что дальнейшее сопротивление бесполезно. И когда войска нашей Забайкальской группы к 11 часам 20 ноября заняли исходное положение для последнего штурма маньчжурских укреплений, поступило известие, что на разъезд 86 прибыли японский консул и дубань провинции для ведения переговоров о капитуляции. Комкор С. С. Вострецов приказал передать им (подробности я узнал из личного архива С. С. Вострецова), что советская сторона будет вести переговоры с командованием белокитайских войск, поскольку с Японией у нас конфликта не было.

В 13 часов командующий Забайкальской группой Вострецов и начальник политотдела корпуса Зайцев в сопровождении нескольких человек выезжали в сторону города Маньчжурия. Стрельба как с китайской, так и с нашей стороны прекратилась.

Не доезжая километра три до города, командующий увидел машину с белым флагом. Это были дубань и начальник штаба генерала Ляна. Дубань хорошо говорил по-русски, так что можно было обойтись без переводчика.

Вострецов потребовал немедленно сложить оружие. В ответ на это дубань и начштаба попросили сутки на размышление.

- Нет, даю всего два часа, - сказал Вострецов.

Такой короткий срок смутил дубаня. Но, видя непреклонность советского командира, он попросил перенести переговоры в другое место, а не вести их здесь, в чистом поле. Дубань предложил зайти хотя бы в железнодорожную будку, находящуюся в ста метрах. Вострецов согласился. Они направились в будку. В ней все было поломано, искорежено, даже не на что присесть. Видимо, сюда попал снаряд.

- Двух часов нам не хватит для того, чтобы подготовить гарнизон к сдаче, сказал дубань.

Вострецов пристально посмотрел на него. Тот держался как-то неестественно, отводил глаза в сторону. Было ясно, что вопрос о сдаче ими уже давно решен, но дубань с чисто азиатской хитростью старался по каким-то соображениям оттянуть его выполнение.

- Нет, только два часа - не больше, - твердо повторил Вострецов и предложил немедленно поехать в Маньчжурию, в штаб генерала Ляна, чтобы там окончательно договориться о порядке сдачи гарнизона.

Машина направилась в город Маньчжурия. На улицах уже было полно народу. Тут и китайцы, и вступившие в город красноармейцы наших 36-й и 21-й стрелковых дивизий. Автомобили подъехали к зданию, в котором жил и работал дубань. Охранявшие дом полицейские старательно отдавали честь советским командирам и низко кланялись. Дубань позвонил в штаб генерала Ляна. Но там его не оказалось.

- Где Лян? - строго спросил Вострецов начальника штаба.

- Мне неизвестно, - уклончиво ответил тот.

- Немедленно найдите и привезите сюда.

Начальник штаба вышел из комнаты, сел в машину и уехал.

Дубань пригласил Вострецова и Зайцева в большой зал, обставленный на европейский манер, и предложил выпить чаю. Но прежде чем сесть за стол, Вострецов приказал двум сопровождавшим его командирам из 21-й дивизии организовать надежную охрану здания. Те немедленно удалились выполнять приказ.

Прошло около часа, а начальник штаба Ляна не возвращался. Наконец он прибыл и сказал, что генерала нигде найти не

удалось. Вострецов догадался, что Лян скрылся в японском консульстве. Так оно и было. Комкор вновь приказал разыскать Ляна. Но шло время, а тот не появлялся. В город уже приехали командарм Блюхер и работники штаба Забайкальской группы. Ляна все не было. Разгневанный Вострецов твердо заявил дубаню:

- Если не найдете Ляна и не доставите сюда, могут быть неприятности для ваших офицеров.

Дубань понял, что шутки плохи. Он вызвал ответственного чиновника и приказал ему ехать в японское консульство. С ним отправился и работник нашего штаба Вейкин. Через час Лян все же прибыл. Начались переговоры. Генерал Лян оказался представительным мужчиной. Среднего роста, шатен, умные, вдумчивые глаза. Держался с достоинством, однако на все вопросы отвечал уклончиво. Я приведу беседу Вострецова с Ляпом, текст которой нашел в архиве комкора.

- Какое количество войск в гарнизоне, сколько и какого оружия, запасы? спросил Вострецов.

- Точно не знаю, ведь боя были. Не успели подсчитать, - ответил Лян.

- В японском консульстве с вами находились ваши офицеры. Куда они дели оружие?

- Кажется, сдали.

- Какое и сколько?

- Около десяти маузеров.

- А другое оружие в консульство не сдавали?

- Вроде нет.

Лян был неискренен. Сотрудник нашего штаба побывал в японском консульстве. Там оказалось 48 маузеров, 2 пулемета германской системы и около 4 тыс. патронов. Когда об этом сказали генералу Ляну, он удивленно пожал плечами: дескать, это ему не ведомо.

Начальник политотдела Зайцев спросил Ляна:

- Почему вы допускаете грабежи?

- Армия вышла из повиновения, - ответил он.

- Взгляните на Красную Армию.

- Чувствуется превосходство.

Вскоре командующему доложили, что капитулировавшие китайские солдаты и офицеры гарнизона собраны. Вострецов и Зайцев направились на площадь, чтобы выступить перед пленными. Разгромленное китайское воинство представляло собой разношерстную толпу. У многих офицеров были сорваны погоны. Большинство пленных с опаской поглядывали на советских командиров. После того как им сказали, что их жизнь в безопасности, пленные стали низко раскланиваться,

подобострастно улыбаться, и, когда объявили, что их командующий генерал Лян тоже в плену, многие не поверили, просто не укладывалось у них в голове, что такой большой начальник, чуть ли не бог для них, мог оказаться в плену.

- Красная солдат шибко воюй, большой капитан забирай.

Так оценивали враги доблесть и мужество советских воинов.

Здесь хотелось бы сказать несколько слов о дальнейшей судьбе китайского генерала Ляна. Лян выделялся среди мукденских генералов незаурядными воинскими способностями. Очевидно, потому его и назначили командующим группой войск, которой предстояло нанести удар по Советскому Союзу.

После пленения генерал Лян находился в Даурии, а когда советско-китайский конфликт был урегулирован, выехал в Мукден, где его принял Чжан Сюэлян и вручил награду за стойкость и мужество. Словом, Ляну воздали большие почести, а потом, в феврале 1930 года, отравили. Мукденская клика расправилась с ним своим старым,- испытанным способом.

После капитуляции Маньчжурского гарнизона наш полк вошел в город. Этот небольшой, но оживленный городок, выросший возле железнодорожного узла, находился в нескольких километрах от советской границы. Население его тогда было около 10 тыс. человек, много русских, осевших там еще с времен строительства КВЖД. Бросилось в глаза обилие магазинов и вывесок различных контор иностранных торговых фирм. Как торговый центр, Маньчжурия обслуживала Чжалайнорский каменноугольный бассейн и частично Восточную Монголию.

В годы гражданской войны сюда эмигрировало много всякой белогвардейской нечисти. Этот сброд поселился в так называемом Зареченском поселке, который стал к моменту конфликта на КВЖД настоящим осиным гнездом. Здесь еще задолго до конфликта формировались бандитские шайки, группы контрабандистов. Пленение Маньчжурского гарнизона застало белогвардейцев врасплох. Правда, верхушка успела удрать в Харбин еще летом, предчувствуя серьезные события. Впрочем, и те, что остались, представляли активную силу белогвардейцев. Пришлось их разоружить.

Хочу сразу оговориться. Мероприятия командования Забайкальской группы войск в Маньчжурии сводились только к разоружению китайских войск и белогвардейцев. Вопросы управления в городе взял на себя Общественный комитет из представителей местного населения.

Когда мы вошли в город, нам представилось ужасное зрелище. На улицах валялись трупы лошадей, громоздилась разбитая мебель, кружился пух распоротых подушек, повсюду

были разбросаны женское белье, детская обувь, разбитые хрустальные люстры, солдатские полушубки, рубахи, брюки, фуражки. Тротуары были усыпаны битым стеклом, На мостовой грудями лежали винтовки, тесаки, пики, гранаты.

Красноармейцы ходили по городу, собирали разбросанные вещи и несли к коменданту. Все, что они находили - часы, браслеты, золотые серьги, кольца, ожерелья, - все немедленно сдавали. Ни один красноармеец, ни один командир не позволил взять себе даже самую мелочь.

Как нам рассказывали, перед вступлением советских войск в Маньчжурию в городе началась паника. Офицеры бросали свои подразделения и удирали кто куда. Солдаты бежали вслед за ними, умоляя спасти их. Не получив помощи, они стреляли в своих командиров, а затем врываются в дома, лезли в подвалы, прятались в сараях, били окна, поджигали строения. Брошенные кони металась по улице и сбивали людей. Запылала железнодорожная станция, взлетела в воздух водокачка.

Затем начался повальный грабёж. Прикладами винтовок солдаты вышибали двери и окна магазинов, винных лавок, ресторанов, срывали замки с ломбардов. Они хватали все, что попадало под руку. Многие стали переодеваться в штатскую одежду, напяливали на себя роскошные шубы, пальто, лакированные ботинки. Они бегали по улицам, стучали в дома. Предлагали за бесценок награбленные дорогие вещи.

Солдаты проникали в публичные дома, а то прямо на улицах ловили и насиловали женщин и девушек, малолетних девочек.

Потом все это воинство, которое хотело завоевать Советский Союз, укрылось в казармах, стадо ждать прихода частей Красной Армии.

Мы, то есть несколько командиров нашего полка, побывали в одной из казарм. Еще с порога на нас дохнуло смрадом и пылью. Дышать было нечем. Вместо коек в казарме возвышались трехэтажные нары. На верхний ярус было не так-то просто забраться - он находился под самым потолком, - а подставок или лесенок мы не видели. Но солдаты как-то все-таки умудрились забираться туда. В казарме было несколько сот солдат. Они валялись на нарах кто в чем, некоторые лежали в верхней одежде.

- Ну и казарма, - сказал кто-то из командиров, - у нас лошадей в лучших условиях содержат.

Зашли в центральную комнату. Солдаты кивали, протягивали руки, некоторые становились на колени и кланялись. Трудно было представить более пришибленного человека, чем китайский солдат. Воспитанный на палочной дисциплине, он в каждом красноармейце видел большого капитана, который может

безнаказанно бить его. Наше поведение - улыбки, дружественное отношение - вызывало у пленных откровенное удивление.

- Красная капитана хо (хорошо)! - восклицали одни.

- Будут ли нас расстреливать и когда? - спрашивали другие через переводчика.

Получив успокоительный ответ, китайские солдаты осмелели и стали задавать множество вопросов.

- Бьет ли красный капитана своих солдат?

- Всегда ли кушают у вас такую похлебку, какую нам давали?

О Советской власти пленные не имели никакого представления. Да и откуда они могли знать, когда читать газеты китайским солдатам запрещалось. Впрочем, грамотных в их среде почти не было.

За сутки пленные достаточно хорошо освоились с новой обстановкой, но некоторый налет недоверия все же оставался. На вопросы переводчика большинство из них отвечали очень скупой или отделивались односложными да, нет, не знаю.

Когда одной группе пленных предложили возвратиться обратно в китайскую армию - все категорически отказались.

- Наша воюй не хочет.

- Наша иди обратно, когда война кончай.

И вот эти забитые, политически неграмотные солдаты во время боя стойко оборонялись, не покидали окопов, часто стреляли до последнего патрона. Ими руководила не храбрость, не желание во что бы то ни стало выполнить поставленную задачу, а инстинкт самосохранения. Офицеры внушали им: Сдадитесь в плен - вас русские будут мучить, резать, убивать. Если вздумаете сдаться в плен - тут же получите пулю в спину.

Как мы узнали позже, в частях и подразделениях китайской армии шла усиленная идеологическая обработка солдат. Им показывали сфабрикованные рисунки кошмарных большевистских пыток, рассказывали истории о зверствах, которым якобы подвергается каждый китайский военнослужащий, попавший в плен.

В пропагандистских листовках китайское командование напоминало об участии войск царской России в подавлении боксерского восстания в 1900 году.

На основании опроса пленных, изучения документов штаб нашей 36-й дивизии подготовил специальный документ, в котором содержались выводы, сделанные по итогам боевых действий с 17 по 20 ноября 1929 года. В документе, в частности, отмечалось, что китайские военнослужащие систематически подвергались идеологической обработке, в которой важное место занимала националистическая пропаганда. Суть ее состояла в

лживом отождествлении политики Советского Союза с политикой царской России. Китайским солдатам пытались доказать, что правительство Советской России, как и царское правительство, посягает на национальные права Китая.

Эти утверждения от начала до конца носили клеветнический характер. Однако они были главным тезисом китайской пропаганды и требовали от тех, кто ее вел, немало труда. Еще бы. Приходилось сочинять целые легенды о некоем посягательстве Советского Союза на Китай, китайские пропагандисты делали вывод о необходимости ведения войны против северного соседа.

Цель этой деятельности белокитайских властей состояла в том, чтобы скрыть от своего народа, и особенно от армии, правду, держать их в невежестве. Штаб нашей дивизии подчеркивал в выводах: Низкий культурный уровень китайского солдата, ограниченность его классового самосознания, неприспособленность к политической жизни, муштра и палочная дисциплина - все это создает такое положение, что в своей массе китайский солдат, независимо от классовой дифференциации, представляет из себя послушный человеческий материал, легко воспринимающий все, что ему преподносят.

Итак, Маньчжуро-Чжалайнорская операция закончилась. Докладывая Народному комиссару обороны К. Е. Ворошилову о выполнении поставленной задачи, В. К. Блюхер писал 20 ноября;

Чжалайнор занят 18 ноября. Вторым ударом занят г. Маньчжурия 20 ноября. Бой за Чжалайнор длился двое суток. Противник, несмотря на превосходство нашей техники и полное окружение, оказывал небывалое по упорству сопротивление.

Чжалайнор и Маньчжурия были противником настолько укреплены, что полевая и гаубичная артиллерия не пробивала верхних перекрытий окопов и блиндажей. Несмотря на это, разгромлены полностью 15-я и 17-я смешанные бригады противника. В результате боев взято свыше 8 тысяч пленных и около тысячи раненых солдат. В числе пленных захвачен командующий Северо-Западным фронтом генерал Лян Чжуцзян со своим штабом и около 250 офицеров. Противник потерял убитыми около полутора тысяч.

Нами взята почти вся имеющаяся артиллерия, два бронепоезда, большое число военного имущества, снаряжение, орудия и прочее.

...Наши войска дрались отлично, проявляя высокую доблесть и героизм. Настроение войск отличное.

Для выполнения поставленной задачи по разгрому круп-поп вражеской группировки в районах Маньчжурии и Чжалайнора Забайкальской группе войск потребовалось всего четыре дня.

В течение 17 и 18 ноября группа наших войск под командованием начальника штаба ОДВА А. Я. Лапина провела еще одну операцию - разбила врага в районе города Мишаньфу. Были разгромлены штабы 1-й Мукденской кавалерийской дивизии и 1-й стрелковой бригады. Противник потерял убитыми около 1500 человек, наши части взяли семь полковых знамен и много оружия. В этой операции отличились части 1-й Тихоокеанской дивизии под командованием А. И. Черепанова и 9-й отдельной кавалерийской бригады Д. А. Вайнерха.

После разгрома противника под Мишаньфу командующий группой Л. Я. Лапин доносил командарму Особой Дальневосточной:

Преодолевая большое расстояние, наши войска выбросили противника из осинового гнезда - Мишаньфу с большими для него потерями. Возложенная на нас задача блестяще выполнена. В столкновениях наблюдалась исключительная доблесть всех бойцов и командиров; члены нашей партийной и комсомольской организаций бросались вперед в опасные места.

За умелое руководство боевыми действиями Лапин Альберт Янович был награжден четвертым орденом Красного Знамени.

Однако на этом события на КВЖД не закончились. Китайское правительство не спешило урегулировать конфликт. Советское командование решило двинуть свои войска на Хайлар. В то время это был крупный центр торговли в Западной Маньчжурии. От него к юго-западу шел торговый караванный путь в Монголию, а на север - тракт в Трехречье и к нашим границам. Город расположен в песчаной котловине на реке Имингол, неподалеку от впадения ее в реку Аргунь. В 6 - 7 километрах к западу и юго-западу от Хайлара находится гряда песчаных пологих высот, которые китайское командование использовало для создания Хайларского оборонительного района.

Хайларская операция являлась заключительной частью Маньчжуро-Чжалайнорской операции. Она имела цель - движением в глубь территории Маньчжурии оказать давление на мукденское правительство и заставить его быстрее разрешить создавшийся конфликт.

В ночь на 25 ноября командующий Забайкальской группой поставил нашей дивизии следующую задачу: наступать двумя полками вдоль железной дороги в направлении Хайлара, запясть район станции Хорхонтэ, Вангунь, Хайлар. В авангарде выдвигался батальон нашего 106-го полка под командованием Подушкина. К 18 часам он достиг станции Вангунь, пройдя расстояние около 100 километров. Движение осуществлялось вне соприкосновения с противником. Вскоре на станцию Вангунь

прибыл головной эшелон основных сил дивизии. Здесь стало известно, что части белокитайцев покинули Хайлар, лишь отдельные группы противника бродят западнее города.

Было принято решение ускоренным маршем следовать на Хайлар. В 21 час головной батальон Подушкина двинулся к Хайлару. Вместе с ним на автомашине выехал комкор С. С. Вострецов. Марш проходил в трудных условиях - ночью, по незнакомой местности, по плохим дорогам. Подобного в нашей боевой практике еще не было. Тем не менее батальон организованно, без задержек вступил в Хайлар. Утром прибыл туда весь наш полк, а затем и другие части дивизии.

В Хайларе мы увидели примерно ту же картину бесчинств белокитайских войск, что и в Маньчжурии. На улицах города и в пригородах - трупы зверски убитых железнодорожников, кучи брошенного награбленного имущества. Командование Забайкальской, группы отдало приказ навести в Хайларе порядок, наладить снабжение населения водой, возратить жителям награбленные китайскими солдатами ценности.

В течение нескольких дней наши воины завоевали полное доверие местных жителей, хотя до прихода наших частей у населения Хайлара, питавшегося информацией из харбинских газет, было самое превратное представление о Красной Армии. С первых же дней пребывания дивизии в городе политотдел развернул широкую работу. Еще на станции, прямо у воинских эшелонов, был проведен летучий митинг. Населению разъяснили цели и задачи наших войск. Это сыграло большую роль. Если до этого и был у кого-то страх перед Красной Армией, то прошел или, во всяком случае, стал меньшим. А вскоре, уже на большом общегородском митинге, был заслушан и утвержден план мероприятий созданного в городе Общественного комитета, в котором прежде всего нашли отражение вопросы защиты интересов бедноты.

Дифференцированно проводилась работа среди рабочих, служащих, торговцев. Для жителей города и красноармейцев демонстрировались советские фильмы. На собраниях и лекциях разъяснялась жителям города сущность политики Советской власти, цели и задачи Красной Армии. Но самое большое воздействие на местное население все же оказывало безупречное поведение наших красноармейцев, твердый порядок, установленный в городе советским командованием.

Постепенно жизнь в городе входила в нормальное русло. Открывались магазины, начали работать учреждения, функционировать гражданские власти. Возвращались жители, которые, запуганные враждебной пропагандой, перед

вступлением в город наших войск ушли в сопки. Местные власти продолжительное время распространяли небылицы о Красной Армии, раздувая слухи о каких-то выдуманных зверствах и насилиях. Жителям внушали, что большевики у них все заберут. Поэтому, если, мол, придут красные, прячьтесь сами и убирайте все ценное. Разумеется, были и такие, кто клюнул на эту удочку. Их, сбитых с толку враждебной пропагандой людей, мы встретили позднее, когда вели разведку из района Хайлара в направлении Большого Хингана.

Возвращаясь с задания ночью, мы наткнулись на несколько землянок. Решили заглянуть в гости. Мне хотелось воспользоваться возможностью обогреть солдат. Вошли в землянку. Обитатели ее были перепуганы невероятно. Одна из женщин истерично закричала:

- У нас ничего нет! Все взяли китайцы! Остался только нож!

Однако наше поведение успокоило обитателей землянок. Они видели, что красноармейцы не собираются их обижать, напротив, стремятся помочь, чем могут, делятся хлебом с голодными женщинами и детьми. Мы постарались объяснить, что представляет собой Красная Армия.

Да, многое пришлось перенести жителям Хайлара. Особенно издевались белогвардейцы и китайцы над советскими подданными и железнодорожными рабочими, угоняли с собой женщин и детей, всячески глумились над ними.

Красная Армия вернула покой населению, обеспечила его безопасность. Многочисленные письма различных организаций и жителей городов, в которые вошли наши части, позволили командующему ОДВА В. К. Блюхеру сказать на заседании Реввоенсовета СССР:

Мы не имеем ни одной жалобы на наших красноармейцев на плохое отношение их к населению. Наоборот, в Маньчжурии были доказательства личной симпатии со стороны китайцев к Красной Армии, так как им было ясно, что она защищает мирное население.

Глава четвертая.

Доверие оправдали

С занятием Хайлара, по сути дела, была решена судьба конфликта на Китайско-Восточной железной дороге. Победа Красной Армии заставила мукденских и нанкинских дипломатов говорить с нами совершенно другим языком, ускорила ведение переговоров.

Уже 22 ноября Наркоминдел получил телеграмму от Чжан Сгоэляна о согласии принять требования СССР, выдвинутые еще в начале конфликта - в первой ноте. А 1 декабря в Никольск-

Уссурийск прибыл представитель китайского правительства Цай для предварительных переговоров с представителем Наркоминдела. Через день он подписал предварительный протокол об урегулировании конфликта. 5 декабря 1929 года Чжан Сюэлян утвердил Никольск-Уссурийский протокол.

23 декабря в Хабаровске было подписано советско-китайское соглашение, по которому китайское правительство взяло на себя такие важнейшие обязательства: восстановление прежнего положения на КВЖД, разоружение белогвардейцев и высылка их главарей из Маньчжурии. Ни одно унижительное условие не поставила наша страна Китаю. Блестящие победы ОДВА были использованы Советским правительством исключительно в целях укрепления мира. Этим мы доказали пролетариату всего земного шара, какая огромная разница между империалистическими государствами, порабощающими китайский народ; и СССР, уважающим права и независимость угнетенных народов.

8 января 1930 года по Китайско-Восточной железной дороге началось нормальное движение поездов.

Итак, Особая Дальневосточная армия одержала важную победу. Трудно передать всеобщую радость и ликование наших бойцов и командиров, В войсках появилась песня, которая сразу стала очень популярной, несмотря на то что слова ее были просты и бесхитростны. Бойцы пели о стойкости Красной Армии, о ее несокрушимой мощи.

Особая Дальневосточная армия с честью оправдала доверие партии и народа. В своем приказе, который доводился до нас, командиров, Нарком обороны К. Е. Ворошилов отмечал, что она дала сокрушительный отпор китайским наемным войскам и белобандитам. Красноармейцы, командиры и политработники доблестно отстаивали политику Советского Союза, его права, защищали его границы. Когда им приходилось отбивать нападение, они сражались как достойные носители боевых традиций Красной Армии,

Сочетая энтузиазм, мужество, героизм и беззаветную преданность делу пролетарской революции с высокой боевой выучкой последних лет, доблестно сражались все рода войск. Коммунисты и комсомольцы были впереди, во главе частей, показывали пример исполнения боевого долга перед пролетарской революцией.

В тяжелых боях против белокитайцев воины ОДВА проявили высокие морально-боевые качества. И в этом большую роль сыграла хорошо поставленная партийно-политическая работа. Партполитработа в армии имела особый характер, вытекающий из сложностей политической обстановки. Основное своеобразие

конфликта на КВЖД заключалось в том, что, не находясь в состоянии войны, мы вынуждены были вести боевые действия. Всей системой политической и партийной работы надо было добиться того, чтобы красноармейцы и командиры отчетливо поняли необходимость проведения мощного удара по врагу как средства скорейшего достижения мира для Советской страны. Одной из важнейших задач было также: не дать империалистам осуществить свой план использования конфликта на КВЖД как предлог для втягивания СССР в войну, как удобный случай сорвать строительство социализма в нашей стране.

Анализируя с высоты своего жизненного и профессионального опыта проделанную в те дни нашими политорганами работу, считаю, что она была построена продуманно по содержанию и форме и потому оказалась действенной и эффективной.

Политорганы ОДВА совершенно правильно определили политическое значение проводимых операций как средства, позволяющего быстро ликвидировать конфликт. Они учитывали, что наш боевой успех деморализует китайских генералов, создаст перелом в настроении китайского трудового населения и будет способствовать скорейшему разрешению конфликта мирным путем. В своих документах политорганы подчеркивали, что удачные действия наших войск являются демонстрацией силы Страны Советов и боевой готовности нашей Красной Армии. Особенно это было важно в связи с тем, что нашу последовательную мирную политику, нежелание развязывать военные действия китайские милитаристы, подстрекаемые империалистами крупных буржуазных государств, расценивали как нашу слабость.

Партийно-политическая работа была тесно увязана с задачами, решаемыми подразделениями, частями, соединениями. Политорганы, партийные и комсомольские организации быстро реагировали на изменения в обстановке, принимали действенные меры по мобилизации воинов на разгром врага. Поэтому боевой дух красноармейцев и начсостава был все время очень высоким и устойчивым. Личный состав прекрасно понимал сущность конфликта, храбро сражался с врагом, безупречно вел себя на его территории.

Важное значение для воспитания высоких морально-боевых качеств у воинов ОДВА имела тесная связь с рабочими фабрик и заводов, коллективами учреждений, колхозниками. Трудящиеся Страны Советов окружили Особую Дальневосточную вниманием и заботой.

В частях и соединениях побывали делегации рабочих из

Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Днепропетровска, Владимира, Рязани, Омска и других городов. Посетили они и нашу 6-ю стрелковую роту. Надолго запомнился этот день. Рабочие интересовались жизнью и учебой воинов. Они побеседовали с красноармейцами, а потом был организован взаимный отчет: рабочие рассказали о ходе индустриализации, воины - о боевой подготовке. Мы с заместителем по политчасти и командирами взводов внимательно выслушали замечания членов делегации, взяли на вооружение некоторые советы и дельные предложения. О боевой выучке рабочие отзывались восторженно: личный состав частей я подразделений показал себя с самой лучшей стороны. Красноармейцы отлично владели оружием, техникой, приемами ведения боя в различных условиях.

При отъезде из нашей армии рабочая делегация обязалась поставить перед трудящимися соответствующих предприятий вопрос о повышении качества продукции для ОДВА. Коллективы предприятий передавали личному составу частей указы соблюдать выдержку, бдительность, настойчиво учиться военному делу, надежно охранять мирный труд Страны Советов.

Отважнее сражайтесь за дело пролетариата, - говорилось в наказе совета профсоюзов Бурят-Монгольской Советской Автономной Социалистической Республики. - В тот момент, когда вы с винтовкой в руках защищаете подступы к нашим границам, мы боремся за генеральную линию партии, за индустриализацию страны, за грамотного и культурного человека. Вы стреляете по обнаглевшим бандитам мы бьем по вредительству, пьянству, разгильдяйству, прогулу. Мы мобилизуем все силы на выполнение пятилетнего плана в четыре года и проверяем выполнение планов первого года пятилетки. Не забываем наших задач - крепить связь с Красной Армией.

Подобные обращения - а их было много - являлись выражением всенародной любви к Красной Армии.

Много писем приходило в наши части от комсомольских организаций. Но особенно сильное впечатление производили письма детей. Вот одно из них:

26 октября. Письмо бойцам великой армии. Здравствуйте, дорогие наши братья красноармейцы, шлем вам пламенный привет и поздравления с праздником Октябрьской революции, которую вы завоевали своими мозолистыми руками. Мы, ученики, желаем завязать с вами связь. Посылаем, как и наши матери, свои маленькие подарки. В газете Знамя пионера мы читаем, как вы стойко боретесь на границе, защищая пашу Советскую власть. Мы живем дружно, стремимся учиться и так же, как взрослые, проводим социалистическое соревнование за лучшее звено по

дисциплине и посещению школьных занятий. Боритесь, наши бойцы, бейте хорошенько белогвардейцев. Мы - ваша смена - подрастаем и сменим вас, Пока всего хорошего. Ждем от вас письма.

С пролетарским приветом ученики 3-й труппы и.-д. школы станции Ерофей Павлович. От имени группы Ваня Козолезов.

Тесную связь с Особой Дальневосточной держал социалистический сектор деревни. Крепко охраняйте границы, а мы будем перестраивать деревню на социалистических началах - так писали крестьяне из коммун и артелей.

Мы теперь уверены в том, что наша мощная и боеспособная Рабоче-Крестьянская Красная Армия и наш Бурят-Монгольский кавалерийский дивизион, как боевая единица Особой, сформированный из детей трудящихся Бурят-Монголии, веками страдавших под игом капиталистического режима, сумеют дать отпор всем империалистам и наймитам - китайским генералам и белогвардейцам.

Коммунары сельхозкоммун Шенэ, Вайдалы.

Трудящиеся крестьяне поддерживали тесную связь с теми частями, в которых служили их односельчане. В одном из налетов белокитайцы убили пулеметчика Гринева. Жители его родного села на общем собрании решили просить передать пулемет Гринева другому красноармейцу-односельчанину и написали об этом в часть. К сожалению, не сохранилось в архивах фамилии этого красноармейца, да и служил он не в моей роте, потому я запомнил только имя - Никита.

Этот красноармеец не был передовиком ни в учебе, ни в дисциплине. Но обращение односельчан, их напутствие заставили изменить отношение к службе. Вскоре Никита стал примерным воином. Командир сообщил об этом в село.

В нашей дивизии служил красноармеец Вахрушев. Однажды он получил письмо от отца, который строго наказывал ему:

Дорогой сын, если тебе придется идти с винтовкой в руках в бой, иди без страха. Мой тебе приказ: защищай Советский Союз. Нужно - умри. Но умри как честный боец, не выпуская из рук винтовки. Помни, что твой дедушка был крепостным и получал жалованье 5 коп. в день.

Сын выполнил наказ отца.

В адрес ОДВА шли письма от рабочих, коммунистов, видных партийных деятелей зарубежных стран. В нашей армейской газете Тревога было опубликовано приветствие Макса Гельца.

Мы, революционные борцы Германии, - говорилось в нем, - посылаем вам, героическим бойцам Особой Дальневосточной армии, наш пламенный братский привет. Мы восхищаемся вашей

храбростью, вашей неустрашимостью, с которыми вы отразили наступление врага. Вашей заслугой является то, что за последние недели престиж Советской власти чрезвычайно поднялся во всем мире. Вы являетесь острым орудием для защиты и обеспечения социалистического строительства. Мы гордимся тем, что в этой борьбе мы можем стоять рука об руку с вами.

Да здравствует победоносное социалистическое строительство в первом рабочем государстве!

Ваш Макс Гельц{15}.

До глубины души тронуло воинов приветствие Французской Коммунистической партии, которое было получено уже после завершения конфликта на КВЖД.

Французские рабочие, солдаты и революционные моряки, их Коммунистическая партия и ее Центральный Комитет шлют горячий боевой привет мужественным борцам Дальневосточной армии, - говорилось в приветствии. - Когда в ноябре мы узнали во Франции о блестящей победе пролетарской армии над палачами китайского народа и над белогвардейцами, наш Центральный Комитет обратился ко всем рабочим Франции с воззванием, чтобы приветствовать эту пролетарскую победу, равносильную крупному успеху международного пролетариата в борьбе с империалистическими державами - Францией, Англией и Соединенными Штатами.

В ноябрьские дни 1929 года части и соединения ОДВА получали тысячи приветствий от конференций и собраний.

Внимание и забота Коммунистической партии, правительства и всего советского народа вдохновляли воинов частей и подразделений ОДВА на ратные подвиги в учебе и в бою.

В борьбе против китайских милитаристов бойцы Особой Дальневосточной продемонстрировали всему миру свои высокие морально-политические качества, мужество, героизм и бесстрашие, а также боевое мастерство. В боях на КВЖД ярко проявилась одна из черт советского военного искусства - решительный характер боевых действий, которые велись до полного разгрома врага, нарушившего безопасность наших границ.

Маньчжуро-Чжалайнорская операция является первым примером операции на окружение, проведенной нашими войсками в период после иностранной интервенции и Гражданской войны. Особенность ее состояла в том, что в ней во взаимодействии с общевойсковыми соединениями принимали участие советские танки отечественной конструкции (МС-1) и авиация. Советские войска приобрели б этой операции немалый боевой опыт, который пригодился им в последующих боях и

сражениях за нашу любимую Родину.

После подписания советско-китайского соглашения 25 декабря 1929 года мы покинули территорию Китая и направились к месту постоянной дислокации. Местное население тепло провожало советских воинов. На привокзальной площади яблоку негде было упасть. Гремела музыка, звучали песни. Сквозь образованные в толпе коридоры подразделения четким строем проходили на перрон.

Вот и моя рота заняла отведенные ей места в вагонах. Паровоз дал свисток, состав дернулся и пошел вдоль платформы, постепенно набирая скорость.

На душе было радостно. Мы возвращались на Родину.

Подъехали к границе. Состав проскочил под арку, сразу замедлил ход и вскоре остановился.

Объявили построение у подножия гряды сопок, на склонах которых я увидел братские могилы. Здесь были похоронены наши боевые товарищи, погибшие в те дни, когда еще белокитайцы совершали свои подлые провокации, а также в период Маньчжуро-Чжалайнорской операции.

Вынесли Знамя дивизии. К нему подошли командующий ОДВА В. К. Блюхер и начальник политуправления армии Н. Е. Доненко. Командующий обратился к красноармейцам и командирам с небольшой речью:

- В эти торжественно-траурные минуты, отдавая последние воинские почести товарищам, погибшим за дело революции, каждый из нас помнит, что здесь лежат лучшие бойцы за дело рабочего класса, лучшие представители армии рабочих и крестьян Советского Союза, лучшие представители масс всего мира.

Смерть должна вызвать у нас не слезы. Она должна влить в каждого из нас больше энергии и решительности закончить дело социалистического переустройства, закончить дело социалистической революции... На могиле лучших бойцов за наше дело мы должны оставить память нашего глубокого к ним уважения. Над этой могилой мы должны склонить Красное знамя с черной каймой в знак нашей скорби. К этому Знамени прикрепим высшую награду, которой рабочий класс и трудящееся крестьянство отмечают своих лучших сынов, - орден Красного Знамени.

И В. К. Блюхер прикрепил к полотнищу орден.

Через несколько дней наша 36-я стрелковая дивизия прибыла в Читу. Население устроило бойцам горячую встречу. Улицы города были заполнены людьми. Слышались восторженные приветствия. Народ любовно чествовал победителей.

Части дивизии приступили к мирной учебе. Помня о том, что в приграничных районах надо быть всегда готовыми к любым провокациям врага, бойцы и командиры неустанно повышали бдительность и боеготовность, учились тому, что необходимо на войне. Мы знали, что впереди нас ждут новые, еще более суровые испытания. Об этом напоминало нам наше командование. Об этом говорилось в приказе № 25 Народного комиссара обороны К. Е. Ворошилова от 6 августа 1934 года по случаю пятилетнего юбилея Особой Краснознаменной Дальневосточной армии.

Нарком обороны отмечал, что, к сожалению, не только от нас зависит сохранение мира. Имеется немало охотников поживиться советской территорией, помешать нашему строительству, навязать нам снова войну, поправить свои скверные дела путем кровавой войны, путем захвата чужой земли, чужого добра.

Подводя итоги проведенной Особой Дальневосточной армией операции, Правда в передовой статье 2 января 1930 года писала:

Особая Дальневосточная армия всеми своими действиями демонстрировала твердую неизменную политику мира, проводимую нами. Имея возможность уничтожить своего противника, О ДВА с величайшей сдержанностью отвечала на удары провокаций, не выходя из рамок необходимой самообороны. Когда же выяснилось, что эти налеты и нападения являются подготовкой к серьезным наступательным операциям против СССР, наша армия нанесла молниеносный ответный удар, который заставил противника в панике бросить свои опорные противосоветские базы.

В этих боях закалялись командные кадры Красной Армии, набирали боевой опыт для будущих сражений с врагом.

На всю страну прозвучало имя прославленного полководца

Великой Отечественной войны, а в то время командира 5-й Кубанской кавалерийской бригады, К. К. Рокоссовского.

В ночь на 17 ноября 1929 года, когда советские част двинулись на врага, 5-я Кубанская кавалерийская бригада обошла Чжалайнор с востока и, выйдя на линию железной дороги, отрезала китайские войска от Хайлара. Бригада, возглавляемая К. К. Рокоссовским, блестяще справилась с поставленной задачей: путь отхода от Чжалайнора был перехвачен, в то же время противник лишился возможности доставлять подкрепления в район боев.

18 ноября на долю кавалеристов Рокоссовского выпало тоже немало работы: они преследовали мелкие группы противника, рассеянные между сопками, пытавшиеся укрыться в различных местах. Как правило, солдаты противника яростно отстреливались, но тщетно. 5-я Кубанская кавбригада уничтожила все вражеские части, успевшие вырваться из огненного кольца.

Командовал конной батареей в этой бригаде Г. И. Хетагуров, впоследствии крупный военачальник, генерал армии.

Политруком роты был А. П. Белобородов. В одном из ожесточенных боев командир роты поднял бойцов в решительную контратаку. И тут его сразила вражеская пуля. Командование принял Белобородов. Под его руководством бойцы ворвались на станцию и захватили важную позицию. За мужество и отвагу, проявленные инициативу и находчивость в бою А. П. Белобородов был награжден орденом Красного Знамени.

Замечательна судьба Афанасия Павлантьевича. Он родился в 1903 году в деревне Акинино Иркутской губернии в семье крестьянина, участвовал в гражданской войне в Восточной Сибири, в 1926 году вступил в партию.

После событий на КВЖД находился на разных командных должностях. Дивизия, которой он командовал, отличилась при разгроме гитлеровцев под Москвой. С осени 1942 года А. П. Белобородов командовал 5-м, а затем 2-м гвардейскими корпусами, в 1944 году - 43-й армией, войска которой особенно проявили себя в Витебской операции и при штурме города-крепости Кенигсберг.

Затем он снова оказался на Дальнем Востоке. Учитывая опыт, знание театра военных действий, в завершающий период второй мировой войны его назначили командующим 1-й Краснознаменной армией 1-го Дальневосточного фронта. В послевоенное время дважды Герой Советского Союза генерал армии Афанасий Павлантьевич Белобородов командовал войсками ордена Ленина Московского военного округа.

Много ярких страниц в боевую летопись воинов-забайкальцев вписал отдельный Бурят-Монгольский кавалерийский дивизион, о действиях которого я уже упоминал. За высокие заслуги в разгроме врага дивизион получил награду ЦИК СССР Почетное революционное Красное знамя. 14 наиболее отличившихся воинов были награждены орденом Красного Знамени, в их числе командир пулеметного взвода И. В. Балдынов. Во время Великой Отечественной войны командир Береславско-Хинганской дивизии генерал-майор И. В. Балдынов стал Героем Советского Союза.

Тысячи бойцов и командиров проявили мужество и героизм в боях на КВЖД, сотни стали кавалерами боевых орденов.

Рука об руку вместе с бойцами Особой Дальневосточной армии сражались славные часовые рубежей - пограничники. За проявленное в боях мужество и массовый героизм Советское правительство наградило пограничную охрану ОГПУ Дальневосточного края орденом Красного Знамени.

Советские воины с честью оправдали доверие партии и народа. Советское правительство высоко оценило подвиг ОДВА. Армия была награждена орденом Красного Знамени и стала называться Особой Краснознаменной Дальневосточной армией.

Часть вторая.

На берегах Халхин-Гола

Глава первая.

На земле монгольской

Лето 1938 года началось для меня беспокойно. Однажды ночью 108-й Белореченский полк, в котором я служил заместителем командира, подняли по тревоге. Поступило распоряжение следовать на железнодорожную станцию и грузиться в эшелоны. Куда и зачем нас повезут, никто ее ведал.

Но вот погрузка закончилась, поезд тронулся, и застучали на стыках колеса. В темноте мелькали пристанционные постройки, проплывали назад едва различимые на фоне ночного неба сопки. Утром приехали в Улан-Удэ, и полк выгрузился. Каково было наше удивление, когда мы узнали, что тут сосредоточивается вся дивизия.

Перед вступлением на территорию дружественной нам Монгольской Народной Республики части дивизии остановили в районе города Кяхта. Личному составу объяснили, что по договору с монгольским правительством наше соединение передислоцируется в МНР для несения службы.

Дело в том, что на наших дальневосточных рубежах мирный период, если его вообще так можно назвать, продолжался недолго. Вскоре здесь снова стало беспокойно.

Империалистическая Япония, активно поддерживаемая

международной реакцией, в 1931 - 1932 годах захватила Маньчжурию. В 1937 году, в июле, она вторглась в Северный Китай, положив начало новому этапу агрессии на Дальнем Востоке. Развязав войну против Китая, японские империалисты рассчитывали одновременно обеспечить себе военный плацдарм для нападения на Советский Союз, открыто угрожали они и безопасности Монгольской Народной Республики.

Начиная с 1935 года участились вооруженные нападения империалистической Японии на эту страну. В 1935 - 1936 годах была спровоцирована серьезные инциденты в пограничных районах Халхин-Сум, Булан-Дэрс и Адат-Дулан. Правительство МНР предложило Японии урегулировать мирным путем спорные вопросы. Однако состоявшиеся переговоры не дали никакого результата. Японские империалисты продолжали открыто демонстрировать свою силу. На восточных границах Монгольской Народной Республики они создали военную зону, в направлении МНР прокладывали железные и шоссейные дороги, строили линии связи, усилили разведку, шпионаж и диверсии. Было ясно, что Япония готовится к войне против нашего соседа.

Естественно, Советский Союз не мог оставить в беде дружественную страну. В 1936 году по просьбе правительства Монгольской Народной Республики между МНР и СССР было заключено соглашение об оказании взаимопомощи и поддержки в случае, если одна из стран - участниц соглашения подвергнется нападению со стороны какого-либо третьего государства. Это соглашение еще теснее связало судьбы двух братских народов и сослужило хорошую службу в деле защиты независимости Монголии.

Прозвучавшее на весь мир заявление Советского правительства о том, что Советский Союз окажет такую же помощь Монгольской Народной Республике, какую он оказал ей в 1921 году, и будет так же решительно защищать ее границы, как свои собственные, явилось строгим предупреждением для любителей военных авантур. Оно подняло дух монгольского народа, вселило уверенность в борьбе за свою свободу и независимость.

Согласно договору в Монгольской Народной Республике находились наши мотобронетанковые бригады. Но, учитывая обстановку и нарастающие провокации со стороны японцев, командование Красной Армии по приказу Советского правительства и с согласия правительства МНР приняло решение перебросить в 1938 году на территорию Монгольской Народной Республики и нашу 36-ю стрелковую дивизию, которая в то время дислоцировалась в районе Читы. В ее состав входили 106-й

Сахалинский, 107-й Владимирский, 108-й Белореченский стрелковые и 175-й артиллерийский полки.

Выбор на нашу дивизию, имевшую богатый опыт и закаленную в боях, выпал не случайно, ведь задачу предстояло решать сложную и ответственную. Полки дивизии были сформированы в 1918 году во Владимире и Казани. В борьбе за власть Советов дивизия прошла победным маршем от Волги до Забайкалья, громя совместно с другими соединениями части белочехов и войска Колчака. В июле 1921 года дивизия участвовала в разгроме белобандитской шайки Унгерна, которая в то время действовала на территории Монголии. И наконец, бои в районе КВЖД, о которых я уже рассказывал. Благодаря своему участию в ликвидации банд Унгерна многие командиры неплохо знали этот театр военных действий. Да и подготовлены к боевым действиям наши части были хорошо.

Когда прозвучала тревога, наш полк находился в лагере, расположенном в живописном сосновом лесу, недалеко от Читы, и прекрасно оборудованном. Мы имели там все необходимое для нормальной жизни и учебы. Вокруг простирались горы, долины. Лучшего места для занятий тактикой не придумаешь.

Все лето в подразделениях шла напряженная боевая учеба, мы готовили личный состав к тому, что будет нужно на войне. Особое внимание уделяли тактике, огневой и физической подготовке, бою мелких подразделений. Командиры обучали подчиненных по принципу делай, как я. Следовательно, им самим необходимо было отлично знать военное дело, искусно владеть оружием, приемами ведения наступательного и оборонительного боя. В нашем полку регулярно проходили сборы командного и политического состава, устраивались стрелковые состязания, что во многом способствовало росту воинского мастерства.

Очень высоко была поставлена у нас и маршевая подготовка. Частые марш-броски считались обычным явлением. Личный состав мог совершать походы на большие расстояния и после этого выполнять сложные боевые задачи. Наша часть была укомплектована в основном жителями Сибири и Забайкалья. Большинство из них являлись охотниками. А эти люди привыкли к суровым испытаниям, стойко переносили все тяготы службы.

Высок был и моральный настрой личного состава. Этому в немалой степени способствовали тесные шефские связи с рабочими вагоноремонтного завода станции Чита-1. Наши шефы, особенно молодежь, часто приезжали к нам в гости, преимущественно в предвыходные и выходные дни. Лагерь сразу же принимал праздничный вид. Слышались оживленные, веселые голоса, задорные песни и музыка, проходили занимательные

игры. И так до отбоя.

Однако шефы бывали в части не только в качестве гостей. Встречи имели деловой характер. Мы обменивались опытом работы, и в частности по вопросам воспитания. Молодежь училась у нас владеть оружием, метко стрелять.

Тесная связь с рабочими завода и населением Читы оказывала благоприятное влияние на уровень боевой и политической подготовки, укрепление дисциплины и организованности в полку. Воины, как говорится, стремились лицом в грязь не ударить перед шефами.

Но вот повседневной мирной жизни наступил конец. Впереди нас ждала суровая и ответственная боевая работа по защите территории и мирного труда народа дружественной нам страны. Хотя наша дивизия была неплохо укомплектована, ее перед отправкой пополнили и людьми, и автомобильным транспортом. Машины взяли из народного хозяйства в Чите и Читинской области и передали нам вместе с водителями. Моторизация частей для нас, командиров, явилась большой неожиданностью. Мы совершенно не знали материальной части и правил вождения автомашин, поскольку до сих пор у нас в соединении, кроме легковых автомобилей командиров полков и командира дивизии, никаких других не было. И вот теперь предстояло осваивать технику. Немало было трудностей, даже курьезов. Совершаем, например, марш, и вдруг останавливается машина,

- Что случилось? - спрашивает командир.
- Неполадка возникла, - отвечает шофер.
- Так ищите быстрее и устраните, а то отстанем от колонны.
- Быстро не найдешь, автомобиль - штука мудреная.

Вот и ходит командир вокруг машины, не зная, что предпринять. Раз походит, другой, а потом берется и изучает автомобиль.

Изменилось в связи с техническим оснащением и наименование дивизии. Она стала называться 36-й мотострелковой.

И вот мы в Монголии. Нашему 108-му Белореченскому полку было приказано размещаться в городе Улан-Батор, остальным частям и штабу дивизии - в районе города Сайи-Шанд, у самой границы пустыни Гоби.

Предстояло совершить марш в места дислокации по степям Монголии. Построившись в колонны, наш полк тронулся в далекий и нелегкий путь. Движение по необъятной степи проходило по всем правилам: вперед мы выслали походное охранение, хотя в этом и не было особой надобности. Делали это с учебной целью, да и так требовал устав. Монгольские степи,

наверное, до тех пор не видели такого количества автомобилей и боевой техники.

Путь до столицы Монголии занял несколько дней. В то время Улан-Батор был небольшим городком азиатского типа. Юрты и буддийские монастыри являлись главными его достопримечательностями. Основное население составляли служители буддийского культа - ламы, которых тогда насчитывалось в городе около 8 тыс. человек. И только в период так называемого надома Улан-Батор становился многолюдным. Сюда собирались араты со всей округи, и на окраинах вырастал еще один город из тысячи юрт.

Надом - народно-спортивный праздник, своеобразные игры монголов, уходящие своими корнями в седую старину. И чего только не увидишь на этом празднике: скачки, выступления гимнастов, жаркие схватки, стрельбу из лука и другие состязания. Но самое интересное и захватывающее - национальная борьба. Страсти здесь разгораются невероятные, как теперь на футболе или хоккее. Национальная борьба - это древний вид монгольского спорта. На каждом надоме - а он проводится ежегодно - борьба является гвоздем программы. Перед началом соревнования проводится своеобразный парад - представление борцов. А затем начинаются поединки. В итоге соревнований победителям присваивается звание Сокола, Слона или Льва, а двукратный победитель получает звание Исполина.

В то время в Улан-Баторе считались священными рыбы и собаки. И тех и других здесь было много. Должен сказать, что наши водители, не зная, что собака является священной, не проявляли особой осторожности и наезжали на них. Это вызывало недовольство буддийского духовенства, и мы вынуждены были принять серьезные меры, считаясь с настроениями и обычаями населения. А с рыбой дело доходило до курьезов. Кто из нас не любил ловить ее! Почти каждый красноармеец считал себя рыбаком. Часто самодельными снастями они пытались ловить рыбу на реках Тола и Керулен. И как только появлялся рыбак, сразу же приходил лама. Рыба клевала хорошо. И когда воин вытаскивал рыбу, радуясь своему успеху, к нему подходил огорченный лама, покупал ее и возвращал обратно в реку. Командование было вынуждено прекратить рыболовные страсти красноармейцев.

Да, уклад жизни в Монголии значительно отличался от нашего. Некоторые религиозные обычаи были в то время просто удивительны. Например, такой. Человек еще был жив, а его уже вывозили в долину смерти. У монголов считалось, что если человек умрет в юрте, то ее надо сжигать. Однако бедный арат

сделать подобного не мог: юрта стоила немалых денег. Поэтому приглашенный лама заблаговременно предупреждал родственников, показывая на больного человека, что его призывает к себе будда. После такого безапелляционного решения ламы семья вывозила своего родственника, кто бы он ни был, в долину смерти. Его укладывали на маленькую кошму, ставили перед ним две небольшие пиалы, в одной из которых находилось вяленое мясо, а в другой - вода. Родственники ждали, когда больного призовет будда к себе. Если человек не умирал, а выздоравливал, то обратно в семью его не принимали.

Помню такой случай. Он произошел позже, когда я уже командовал 82-й мотострелковой дивизией.

Одна монгольская девушка 15 - 16 лет была вывезена в долину смерти. Но молодой организм победил болезнь. Девушка выздоровела и пошла в свою родную юрту. Однако там ее не приняли. И мне, как начальнику гарнизона, пришлось ее устроить санитаркой в один из наших госпиталей.

Да, в настоящее время монгольский народ не тот, каким он был сорок с лишним лет назад. Иным стал и Улан-Батор. Я бывал в нем в послевоенные годы. Это современный, утопающий в зелени, благоустроенный город: красивые многоэтажные дома, асфальтированные улицы, освещенные ночью лампами дневного света, Дворцы культуры, кинотеатры. Гордостью монгольского народа является Университет имени Чойбалсана, из стен которого ежегодно выходят тысячи высокообразованных специалистов во всех областях народного хозяйства. В университете имеются прекрасные лаборатории и большая библиотека. В Улан-Баторе построен Государственный музыкально-драматический театр. Это величественное и красивое здание.

Монгольская Народная Республика имеет передовые, оснащенные современной техникой предприятия. Только в Улан-Баторе действуют гигантский промышленный комбинат, механический завод, деревообрабатывающий комбинат, кондитерские фабрики, современная теплоэлектроцентраль. Оснащенная современным оборудованием, угольные копи Налайха и нефтяные промыслы Дзун-Баина.

Через Улан-Батор проходит новая железная дорога на Москву. Более чем на тысячи километров с севера на юг пересекает она страну, где еще не так давно грузы перевозились на верблюдах.

Недалеко от столицы вырос новый социалистический город Дорхан.

Большие изменения произошли не только в Улан-Баторе, но и

в других городах Монголии. Неузнаваем стал облик земли, которую когда-то считали бесплодной. Теперь на ней выращиваются хлеб и другие культуры, необходимые для жизни человека. В степях и долинах можно увидеть много сельскохозяйственных машин: тракторы, комбайны, сеялки. Там, где когда-то стояли загрязненные старые юрты кочевников, выросли красивые коттеджи, магазины, кинотеатры, читальни. Монгольский народ твердо встал на путь социалистического земледелия.

Когда мне пришлось быть в Монголии на праздновании 20-й годовщины разгрома японцев на реке Халхин-Гол, в республике уже тогда насчитывалось свыше 700 сельскохозяйственных объединений. В МНР выходит много газет и журналов, издаются книги монгольских и зарубежных писателей. Каждый монгол может прочесть на родном языке произведения В. И. Ленина, познакомиться с классиками русской литературы - Толстым, Горьким, Пушкиным и другими. А ведь еще не так давно почти все население Монголии было неграмотным, огромная армия туенядцев - лам душила в народе стремление к культуре и знаниям. Ламы являлись рассадником мракобесия, невежества и предрассудков. Но монгольский народ под руководством Народно-революционной партии решительно уничтожил прогнивший старый строй и смело, твердо идет по пути социализма.

Однако вернемся к событиям тех дней, когда мы прибыли в Улан-Батор. Много дел свалилось на наши плечи. Прежде всего требовалось побыстрее разместить личный состав полка. Нам отвели участок гористой местности на окраине столицы. Это было голое место. Что называется, ни кола ни двора. Крышей нам служило бездонное монгольское небо. На первых порах устроились в палатках. Учитывая суровый климат Монголии, мы понимали, что долго в них находиться будет нельзя, особенно зимой, в период сильнейших ветров. Поэтому решили строить землянки. Сразу же встал вопрос: где взять лес? Поблизости не было. Пришлось возить его из района Кяхты. Далеко, сложно, но другого выхода не было. И мы возили. Словом, полк устраивался и готовился к зиме основательно.

Командиры подразделений, как и весь личный состав, также разместились в землянках. Лишь командование полка имело юрты. Позднее нам разрешили взять семьи. Им тоже построили землянки. Так на окраине Улан-Батора появился военный городок, или, как его называли, копай-город. Конечно, жить в землянках, особенно семейным, было не очень-то приятно - тесно и неудобно, но, как гласит пословица, в тесноте, да не в обиде.

Самое главное - зимой в землянках не мерзли. Хуже было, когда наступила весна, а вместе с ней и весенние дожди. Вспоминаю свою землянку, в которой жил с женой. Потолок в ней был из картона, а стены покрыты далимбой (монгольский хлопчатобумажный материал). Однажды весной прихожу домой пообедать и вижу такую картину: вся посуда стоит на полу, а в нее с потолка и стен стекает вода.

- Ничего не поделаешь, дорогой, - сказала жена, виновато улыбаясь, придется сегодня остаться без обеда. Иначе утонем здесь.

- Не волнуйся, - успокоил я ее, - обойдусь сегодня и без обеда. Не умру.

Кое-как перекусив, отправился на работу. Но не только в тот день пришлось остаться без обеда. Несолоно хлебавши возвращался на службу много раз. Вот так и жили. И надо сказать, носа не вешали. Невзирая на трудности, добросовестно делали свое дело. Мы знали, что пришли сюда не ради удовольствия, а ради того, чтобы выполнить приказ Родины, помочь Монгольской Народной Республике отразить возможную агрессию, угроза которой, по всем данным, быстро надвигалась. Японские войска непрерывно сосредоточивались на границах с МНР. Вот-вот должна была разразиться гроза. Мы это чувствовали все явственнее.

Следует заметить, что Япония давно стремилась прибрать к своим рукам Монголию. Еще в те годы, когда на территории Советской России пылала гражданская война, японские милитаристы пытались превратить внешнюю Монголию в свою колонию и создать великое монгольское государство от Байкала до Тибета и от Маньчжурии до Восточного Туркестана. С этой целью в 1919 году ими была инсценирована в Чите так называемая всемонгольская конференция с участием белогвардейцев и японских агентов. Конференция, по замыслам ее организаторов, должна была решить судьбы монгольского народа, то есть поставить его в рабскую зависимость от японского империализма. На пост правителя намечался белогвардейский атаман Семенов.

Однако монгольский народ с помощью Красной Армии разрушил коварные планы японских милитаристов. Их организаторы вместе со своими белогвардейскими пособниками были выброшены за пределы страны. В огне жестоких боев против общего врага родилась дружба советского и монгольского народов и их вооруженных сил. У истоков этой дружбы стояли великий Ленин и славный сын монгольского народа Сухэ-Батор.

Красная Армия пришла на помощь монгольскому народу и в

1921 году, когда японцы сделали попытку захватить Монголию силами белогвардейских банд барона Унгерна.

Но и после этого японские милитаристы не отказались от своих планов. В 1927 году премьер-министр японского правительства генерал Танака в меморандуме японскому императору писал:

Согласно завету Мейдзи, наш первый шаг должен был заключаться в завоевании Формозы, а второй - в захвате Кореи (это уже осуществлено). Теперь должен быть сделан третий шаг, заключающийся в завоевании Маньчжурии, Монголии и Китая. Когда это будет сделано, у наших ног будет вся остальная Азия.

Монгольская Народная Республика привлекала японцев не только природными богатствами, но и своим важным стратегическим положением. Японцы рассматривали ее как ключ к советской части Азии, как выгодный плацдарм для нападения на Советский Союз. Овладение этим плацдармом открывало кратчайшее операционное направление в советское Забайкалье с юга и ставило под угрозу весь советский Дальний Восток. Поэтому правящие круги Японии и хотели во что бы то ни стало завладеть Монголией. Уже позже, много лет спустя, работая над воспоминаниями, я познакомился с некоторыми документами, которые подтверждают коварство планов японской военщины. Приведу некоторые из них.

В секретном докладе в штаб Квантунской армии начальник японской особой миссии в Бейпине Мацумора доносил:

Основываясь на точке зрения империи и ее большой континентальной политике, после захвата Маньчжурии необходимо продолжать захват Монголии. Монголия является важным военным плацдармом, и в отношении Монголии наша империя прилагает все усилия к тому, чтобы последовательно ее захватить{16}

Японский генерал Араки высказывался в таком духе:

Япония не желает допустить существование такой двусмысленной территории, какой является Монголия, непосредственно граничащая со сферами влияния Японии - Маньчжурией и Китаем. Монголия должна быть во всяком случае территорией, принадлежащей нам.

Один из прожженных японских империалистов - Хадеказе доказывал:

По единому мнению военных экспертов, наступление Японии на СССР через Внешнюю Монголию будет успешней, чем через Маньчжурию.

Таким образом, планы японской военщины сводились к тому, чтобы захватить Монголию, подготовить плацдарм для нападения

на Советский Союз, а в дальнейшем решить задачу по захвату Приморья, а потом осуществить свою бредовую мечту великая Япония до Урала.

Провокационные действия на границе МНР японцы начали в январе 1939 года. То и дело поступали сообщения о нападении на пограничные посты, заставы, отряды. 17 января недалеко от Номон-Хан-Бурд-Обо 13 японцев и баргутов{17} напали на монгольскую сторожевую заставу. Пограничники встретили врага дружным огнем. Завязался бой. Врагу пришлось отойти, однако через некоторое время подошли подкрепления и атаки возобновились. Бандитам удалось окружить заставу, а ее начальника и одного цурика (монгольский солдат) захватить в плен. Затем японцы проявили свойственное им коварство. Они сфабриковали от имени начальника заставы обращение к монголам с призывом разорвать дружественные отношения о советскими людьми.

29 января около полусотни японцев и баргутов под покровом ночи пытались захватить сторожевой пост на этом же участке границы. Вовремя обнаружив врага, пограничники отошли в глубь территории Монголии. План противника не удался. Через день японцы повторили попытку и вновь потерпели неудачу.

Нарушения границы не прекращались. В мае провокационные действия японцев достигли более широких масштабов. 11 мая группа противника численностью до 200 человек, вооруженная ручными пулеметами и минометами, совершила нападение на монгольскую заставу, в которой было всего около 20 человек. Эта заставка находилась в районе Номон-Хан-Бурд-Обо. Пограничники не смогли сдержать натиск врага (слишком силы неравные) и отошли к реке Халхин-Гол, преследуемые японцами. На помощь монгольским пограничникам поспешило подкрепление. Бой продолжался несколько часов. Нарушителей отбросили за пределы границы.

С каждым днем японские милитаристы использовали для провокаций все более значительные силы. 14 мая 300 всадников противника, нарушив границу МНР, заняли Дунгур-Обо и вышли к реке Халхин-Гол. На следующий день к ним присоединились еще 700 всадников, 7 бронемашин, танк и автомашина с пехотой. В середине мая начались полеты японской разведывательной и легкой бомбардировочной авиации над восточной частью территории МНР. Самолеты врага обстреливали и бомбили пограничные заставы. 15 мая пять японских легких бомбардировщиков совершили налет на расположение 7-й заставы (западнее Дунгур-Обо) и сбросили 52 бомбы. В результате было убито 2 и ранено 19 цуриков.

Все эти события свидетельствовали о том, что японцы готовили серьезную операцию в районе реки Халхин-Гол. Поэтому приказом от 16 мая 1939 года Народный комиссар обороны потребовал от командования советских войск, находящихся в Монгольской Народной Республике, повышения боевой готовности. Была организована тщательная разведка противника. Все его действия тщательно анализировались.

Для нападения на Монголию японцы выбрали район реки Халхин-Гол не случайно. Развертывая именно здесь боевые действия, они ставили наши войска в неблагоприятное положение. Достаточно сказать, что наша ближайшая железнодорожная станция Борзя находилась на удалении 750 километров. Попробуй доставь сюда в срок и в необходимом количестве все, что нужно для боя: боеприпасы, горючее, вооружение и технику, снаряжение и продовольствие. В этом районе не было питьевой воды, топлива. И это все тоже приходилось подвозить издалека. Дрова, например, возили за 500 километров.

Японцы же имели железные дороги, удаленные от района боевых действий на 60 и 125 километров. Кроме того, от Хайлара сюда подходили две грунтовые дороги, которые использовались для переброски войск и устройства тыловых коммуникаций.

Чтобы читатель яснее представил себе, в каких условиях развернулись потом боевые действия, коротко остановлюсь на характеристике данного района.

Восточная часть Монгольской Народной Республики - степной район, с большим количеством солончаков и соленых озер. Пресную воду здесь достать очень трудно. Местность безлесная и малонаселенная, просматривается на значительные расстояния, что затрудняет маскировку и создает благоприятные условия для действий авиации.

Река Халхин-Гол - сложная водная преграда, особенно в районе боевых действий. Ширина ее от 50 до 130 метров, глубина - 2 - 3 метра. Бродов мало, течение сильное, дно галечное. Широкая долина реки во многих местах заболоченная. Спуски к долине от горы Хамар-Даба до горы Баин-Цаган крутые, во многих местах недоступные для машин.

В довершение всего в этом районе множество песчаных сопок и котлованов, наличие которых затрудняет применение боевой техники.

Восточная долина Халхин-Гола хорошо просматривается с высот как правого, так и левого берега. В 2 - 3 километрах восточнее реки тянется гряда господствующих над местностью высот, положение которых выгодно в тактическом отношении.

Местность, где располагались наши и монгольские войска, разрезала речка Хайластын-Гол - приток реки Халхин-Гол, что затрудняло маневр силами и средствами. В то же время долина реки Халхин-Гол и прилегающие к ней высоты позволили японцам создать здесь сильный оборонительный рубеж. Как мне стало известно позже, по плану японского генштаба через район Номон-Хап-Бурд-Обо должна была быть проложена железная дорога Халун-Аршан - Ганьчжур, обеспечивающая снабжение войск, действующих против Монгольской Народной Республики и Забайкалья.

Гора Баин-Цаган расположена в изгибе по левому берегу и охватывается с востока и севера рекой Халхин-Гол. Восточные и южные скаты этой горы круты и обрывисты. Западные и южные скаты переходят в степь. Здесь Баин-Цаган не выделяется как гора, а сливается с окружающей ее местностью. С горы Баин-Цаган открывается прекрасный обзор во все стороны на 20 - 25 километров, и только на запад он ограничен до 3 - 4 километров.

Все это прекрасно знали японцы. Они хорошо представляли, какие преимущества дает им данный район боевых действий. Выбирая его, японское командование рассчитывало на то, что советские войска будут оторваны от своих баз и тылов и не сумеют в полной мере использовать силу своей техники, в особенности танков. Именно здесь враг хотел свести счеты с Красной Армией за свой позорный провал и разгром в районе озера Хасан.

К нападению на Монгольскую Народную Республику японская военщина готовилась давно, однако затяжная война против китайского народа потребовала от Японии напряжения всех сил и средств. Увязнув в этой войне, она не смогла приступить к реализации своих замыслов в отношении Монгольской Народной Республики в их полном объеме. Потому в 1939 году Япония вначале, по-видимому, ставила ограниченную цель - захватить лишь восточную часть территории Монголии до реки Халхин-Гол. Указанная территория была крайне необходима японцам по стратегическим соображениям.

Как раз в то время развернулось строительство железной дороги Халун-Аршан - Ганьчжур в обход Большого Хингана. По планам дорога должна была пройти через район Номон-Хан-Бурд-Обо в удалении 2 - 3 километров от границы МНР. Река Халхин-Гол и песчаные высоты по восточному берегу, если бы они были захвачены японцами и укреплены, создали бы сильное прикрытие подступов к Хайлару и Халун-Аршану.

Для того чтобы оправдать перед общественным мнением свои захватнические действия, японцы пошли на подделку границы

Маньчжоу-Го с МНР, обозначив ее на своих топографических картах по реке Халхин-Гол.

Успеху в подготовке японцев к намеченной операции способствовало, как мне кажется, то обстоятельство, что организация монгольской пограничной службы имела упущения. За рекой Халхин-Гол монгольских погранзастав не было, туда лишь изредка высылались небольшие по численности дозоры. В период половодья и этого не делалось. До начала боев японцы сумели спокойно провести разведку и рекогносцировку района предстоящих военных действий, создать неплохие топографические карты этого района, подготовить офицеров для решения боевых задач на данной местности, методом военных игр отрабатывая и изучая не только наступление, но и оборону.

Что же касается командиров монгольской Народной армии и Красной Армии, они этот район не знали и не изучали, а это в первые дни боев сказалось на управлении подразделениями. Трудности были и с ориентированием на местности.

Имелся у нас и такой недостаток: направление не было обеспечено необходимой связью, всего лишь один провод проходил до Тамсаг-Булака. Ввиду этого, нужно прямо сказать, советско-монгольскому командованию в начале боев пришлось нелегко.

В воздухе, что называется, пахло порохом, и угроза боевых действий с каждым днем становилась все более реальной...

Глава вторая.

И грянул бой

Незадолго до начала боев на Халхин-Голе в нашем 108-м Белореченском полку произошли важные изменения. Он был переименован в 149-й мотострелковый полк. Майор Дорофеев Иван Петрович стал командиром 36-й мотострелковой дивизии, а к нам вместо него назначили майора Ремизова Ивана Михайловича. Это был грамотный, энергичный, большой храбрости человек, что называется, воин по призванию, с холодным, ясным умом, твердым расчетом. Его отличали высокая требовательность, заботливость и внимание к подчиненным. Ремизов родился в 1901 году. В 1917 году добровольно вступил в Красную Армию, во 2-й Петроградский батальон. Принимал активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции. В 1918 году стал коммунистом. В годы гражданской войны участвовал в разгроме Колчака, Деникина и белополяков. За героизм и мужество, проявленные в борьбе с врагами Советской власти, был награжден орденом Красного Знамени.

Повезло нам и с новым комиссаром полка. В полк пришел опытный, грамотный политработник, а главное - человек большой

души, тонко понимающий психологию солдата, старший батальонный комиссар Кабанов.

Мы усиленно готовились к предстоящим боям, ибо отчетливо сознавали, что схватки с японцами не миновать. Обстановка в районе реки Халхин-Гол становилась все более напряженной. Учитывая это, наше командование отдало приказ о переброске частей Красной Армии в район Халхин-Гола. Оно действовало в точном соответствии с договором между СССР и Монгольской Народной Республикой о взаимной помощи. В последних числах мая наш мотострелковый полк выступил из Улан-Батора в направлении Тамсаг-Булака.

Выдвигались мы форсированным маршем, ибо положение на границе все более обострялось. Японцы не прекращали провокаций, их самолеты ежедневно совершали разведывательные полеты, бомбили и обстреливали монгольских пограничников. В районе Номон-Хан-Бурд-Обо японцы сосредоточили значительные силы из состава 23-й пехотной дивизии и баргутской конницы, которые были объединены в сводный отряд, а к исходу дня 27 мая подтянули туда часть 64-го пехотного полка, разведывательный отряд дивизии, моторизованную роту, 8-й баргутский кавалерийский полк и часть 1-го и 7-го кавалерийских полков. Всего их силы составили свыше 1500 штыков, 1000 сабель, до 75 станковых и ручных пулеметов, 12 орудий, 6 - 8 бронемашин и до 40 боевых самолетов.

На следующий день ранним утром они атаковали позиции монгольских войск. Об этих событиях мы узнали позже, ибо в это утро наш полк еще находился на марше. А развивались они так.

Создав значительное превосходство в живой силе и боевой технике, попользовав внезапность, японцы потеснили 15-й монгольский кавалерийский полк и немногочисленные наши подразделения, глубоко вклинились в их боевые порядки и охватили левый фланг частей и подразделений, находившихся на восточном берегу Халхин-Гола.

Нависла угроза над переправой. Сдерживая натиск противника, наши части с упорными боями отошли на Песчаные Бугры (2 - 3 километра северо-восточнее устья реки Хайластын-Гол), где и задержали наступление японцев дерзкими и решительными контратаками. Дрались они мужественно, стойко, проявляя массовый героизм. Когда стрелковые подразделения в результате обхода врага оказались в критическом положении, на помощь им была брошена саперная рота 11-й танковой бригады. Саперы смело ринулись в бой и отбросили врага. Геройски дрался и бронедивизион монгольской кавдивизии, шесть раз ходивший в

атаку. Он нанес немалый урон врагу.

К середине дня к месту боя примчался (в буквальном смысле этого слова) на автомашинах наш полк. Не дожидаясь сосредоточения всех сил, он с ходу устремился на противника. Но вначале, надо признаться, произошла досадная заминка. Местность для нас была незнакомой, распоряжения отдавались наспех. В результате подразделения на короткое время потеряли ориентацию. Вспоминаю, как 1-й батальон, преодолев реку Халхин-Гол, резко изменил направление своего наступления, стремясь обойти барханы, труднопроходимые не только для техники, но и для пехоты. Невольно изменил направление и другой батальон, которым командовал капитан Николай Николаевич Зайюльев. Он развернулся левее 1-го батальона. Возникла острая необходимость немедленно выправить положение, иначе удар по противнику мог получиться разрозненным, словно растопыренными пальцами, и фланги батальонов попали бы под огонь японцев. Но как этого добиться? Ведь связь отсутствовала. И тогда командир полка решил послать в 1-й батальон начальника штаба, а меня - в батальон Зайюльева. Нам предстояло не допустить смешивания боевых порядков подразделений, объединить и согласовать их удары. Общими усилиями положение было выправлено. Хотя удар получился не такой мощный, как бы нам хотелось, противника удалось остановить. Действия наших батальонов охладили пыл наступающих японцев. Понеся чувствительные потери, они в этот день прекратили атаки. Наступила первая ночь после боя. Ночь тревожная, бессонная. То здесь, то там вспыхивали перестрелки, хотя ни с нашей стороны, ни со стороны японцев активных действий не велось, если не считать работы разведки.

Мы не теряли времени даром. Прежде всего занялись организацией связи. Радиостанций у нас в то время не было, поэтому основной упор делался на телефонную связь. Активно использовали мы и связных.

Телефонные линии были протянуты не только в подразделения, но и на командный пункт 57-го особого корпуса, который тогда располагался в Тамсаг-Булаке.

Забегая вперед, скажу, что Георгий Константинович Жуков, назначенный командиром 57-го особого корпуса вместо комдива Н. В. Фекленко, сразу же перенес КП на гору Хамар-Даба, находившуюся вблизи Халхин-Гола. И это вполне понятно: трудно управлять войсками, находясь от них на удалении 120 - 150 километров. 15 июля 1939 года корпус был преобразован в 1-ю армейскую группу. 31 июля 1939 года Г. К. Жукову было присвоено воинское звание комкор.

Однако вернемся к нашим боевым делам. За ночь мне пришлось побывать почти во всех подразделениях полка. Проверял, насколько четко и точно уяснили командиры поставленную командиром полка боевую задачу, помогал организовать четкое взаимодействие с соседями, интересовался настроением бойцов и командиров.

Боевой дух был высок, все рвались в бой, чтобы унять зарвавшегося и обнаглевшего врага.

Па рассвете доложил командиру полка о полной готовности к действиям проверенных мною подразделений.

И вот наступило утро 29 мая. После короткой артиллерийской подготовки подразделения нашего полка совместно с другими частями перешли в наступление. Ломая упорное сопротивление врага, к 16 часам они достигли высоты (позднее она была названа высотой Ремизова) на восточном берегу реки Халхин-Гол. Однако дальше продвинуться не удалось. Японцы успели создать здесь крепкую оборону, преодолеть которую мы сразу не смогли.

Наступило относительное затишье. И вдруг наблюдатели донесли, что с востока подходят автоколонны противника. Об этом было тут же сообщено в штаб оперативной группы. Там решили, что враг подтягивает свежие силы, и отдали приказ нашим частям отойти на западный берег Халхин-Гола. А ведь надо было бы сразу уточнить, что за колонна подходит, какие силы подбрасывает противник. Мы же это сделали лишь 3 июня. Выслали разведчиков. Они вскоре вернулись и доложили, что японцев на территории МНР нет. Уже позднее мы установили, что противник, истощенный боями, решил отвести свои подразделения за линию государственной границы. К переднему краю машины шли пустыми, никаких подкреплений они не подвозили. На этих машинах был осуществлен отвод войск на исходные рубежи.

В майских боях японцам не удалось достичь намеченной цели. Они потеряли более 400 человек убитыми, значительное количество ранеными, много вооружения и отступили на свою территорию.

Любопытно отметить такую деталь. После одной схватки, не выдержав сильного штыкового удара наших подразделений, враг в панике бежал, оставив на поле боя много раненых и убитых, богатейшие трофеи. Большое количество японских солдат попало в плен. Тут наши бойцы и командиры узнали, на чем держится самурайский дух. От раненых и пленных разлило водкой. Поле боя было усеяно пустыми бутылками, а в окопах остался изрядный запас водки.

В солдатских ранцах мы находили пузырьки с опиумом. Генеральный штаб японской императорской армии наряду с боеприпасами перебрасывал на фронт целые вагоны с водкой, ящики с консервированным спиртом и опиумом. Все эти средства были предназначены для поднятия морального духа японской армии. Однако ни спиртное, ни наркотики не помогали врагу. При столкновении с советскими воинами японские солдаты быстро трезвели и либо обращались в бегство, либо сдавались в плен.

Всего два дня - 28 и 29 мая - вели бои воины нашего полка с японцами. Но и за это короткое время они сумели показать себя с самой лучшей стороны. Бойцы и командиры дрались мужественно, умело.

Взять хотя бы командира отделения 4-й роты нашего полка комсомольца Сергея Петровича Мартышкина. Он участвовал во многих боях и атаках, прославившись смелостью, бесстрашием и хладнокровием. Умело командуя своим отделением, Мартышкин точно выполнял поставленные перед ним боевые задачи. Будучи дважды ранен, он не покинул поля боя, остался в строю. Его мужество и отвага служили примером для бойцов отделения. Мартышкина отличала необыкновенная чуткость, внимание к подчиненным, товарищеская верность, стремление всегда прийти на выручку другу. И недаром впоследствии за мужество и отвагу, проявленные в боях на реке Халхин-Гол, ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

28 мая отличился в бою помощник начальника штаба по разведке капитан П. Л. Бережец. Во главе группы разведчиков он отправился в тыл обороны противника, чтобы установить местонахождение штаба японской части. Разведчики продвигались осторожно, где шагом, где перебежками, а где и ползком. Темная монгольская ночь укрывала их. Услышав какой-либо шум, они останавливались, залегали или прятались в манханах (глубоких ямах). Километра на полтора группа вклинилась в оборону врага. И тут красноармейцы услышали японскую речь. Приглядевшись, разведчики увидели полосы огня. Сомнений не могло быть - это блиндаж, причем, скорее всего, штабной, ибо возле него, несмотря на поздний час, непрерывно сновали японские солдаты и офицеры.

Установив тщательное наблюдение, разведчики выяснили, что штаб сильно охранялся, к тому же вблизи занимало оборону какое-то подразделение. О том, чтобы напасть самим, нечего было и думать - сил маловато. Разведчики возвратились обратно.

Рано утром наш полк перешел в наступление. Капитан Бережец с группой разведчиков вывел 2-й стрелковый батальон

обходным путем прямо на штаб противника. Нападение было внезапным. В блиндаж полетели десятки гранат. Потом в ход пошли штыки и приклады. В короткой схватке батальон разгромил вражеский штаб, уничтожил до роты противника, захватил важные документы и пленных.

В тот же день 29 мая капитан Бережец ходил несколько раз в атаку в составе 3-го стрелкового батальона и лично уничтожил немало солдат противника.

Страх навел на врага пулеметный расчет комсомольца Н. И. Ганина. В обороне он метким огнем буквально косил ряды японцев. А когда подразделения нашего полка устремлялись в атаку, красноармеец Ганин наступал со своим пулеметом в цепи бойцов.

Подразделение дерзким броском захватило вершину холма. И тут в ложине, огибающей этот холм, показалось шесть автомашин. Они остановились у подножия, и из кузовов, крытых тентом, стали выпрыгивать японцы. Ганин выбрал удобную позицию, замаскировал пулемет и открыл меткий огонь. Враг не успел сообразить, откуда стреляют, и не принял ответных мер. Четыре машины были подожжены. Немногим самураям удалось спастись.

Остались еще две машины. Комсомолец Ганин открыл по ним огонь из пулемета зажигательными пулями. Из машин тотчас же выскочили несколько солдат, а следом в кузове одной из них прогремел оглушительный взрыв.

Теперь предстояло захватить высоту, господствующую над местностью. Когда атака была в разгаре, пулеметчик Ганин продвинулся на выгодную позицию. Он умело прикрывал метким огнем действия своих товарищей.

И вдруг шальная пуля пробила кожух ствола пулемета. Вода вытекла, максим замолчал. Это ободрило самураев. Они попытались контратаковать. Секунды промедления могли обернуться бедой для нашего подразделения. Решение созрело мгновенно. Расчет пулемета выдвинулся на открытое место, и Ганин сделал вид, что собирается вести огонь. Японцы замешкались, перенесли свой огонь на пулеметчиков. Это позволило командиру подразделения принять срочные меры и ликвидировать критическое положение.

В первых же боях, как и следовало ожидать, пример мужества и храбрости показали наши командиры. Они умело руководили боем подразделений, а когда вынуждала обстановка, выходили вперед цепи и смело вели бойцов в атаку. Командир стрелкового батальона капитан Н. Зайюльев в один из дней дважды ходил в атаку со взводом лейтенанта И. Морозова и лично уничтожил 25

солдат противника. Капитан отлично владел оружием, стрелял по-снайперски. Каждая его пуля настигала врага.

Во время одной из атак у Зайюльева отказал пистолет. В затвор попал песок, и механизм не сработал. Японцы поняли, что русский командир безоружен, и бросились на него, но бойцы, наступавшие рядом, мгновенно пришли ему на выручку, штыками и прикладами уничтожили врагов.

Трудная задача выпала на долю стрелковой роты коммуниста лейтенанта Ивана Шутова. Ей было поручено уничтожить огневую точку противника, прикрывавшую подходы к штабу японской части. Лейтенант внимательно изучил подступы к ней и принял решение: одним взводом атаковать с фронта, чтобы отвлечь внимание японцев, а два других пустить в обход.

По сигналу Шутова рота атаковала врага. Перед атакой лейтенант предупредил бойцов: В решительности действий - залог успеха. В бою воины старались как можно быстрее приблизиться к огневой точке противника и забросать ее гранатами. Но не получилось. Японцы вовремя обнаружили наступающих и открыли бешеный огонь. Взвод, действовавший в центре, залег. Замешкались и фланговые. Атака могла захлебнуться. Тогда коммунист Шутов встал во весь рост и, крикнув: За мной! - бросился первым вперед. Вдохновленные примером командира, бойцы дружно поднялись в атаку.

Не успел лейтенант Шутов сделать и несколько шагов, как его настигла вражеская пуля. Но и раненный, он не покинул поля боя и продолжал руководить ротой. Ударом с трех сторон взводы разгромили укрепления, уничтожив при этом 21 самурая.

Хочу подчеркнуть, что в майских боях многие командиры, да и красноармейцы, будучи ранены, продолжали сражаться с врагом, пока силы не оставляли их. Красноармеец И. Яковлев в бою 28 мая был ранен дважды, но остался в строю.

В эти горячие дни произошел случай, который до глубины души потряс и меня, и всех моих товарищей, 29 мая смертью героя погиб младший политрук Комаристый. На рассвете он отправился в разведку и неожиданно наткнулся на хорошо замаскированные на обратных скатах высоты окопы врага... Разведчики из группы прикрытия открыли огонь, но спасти попавших в беду товарищей не смогли. Младший политрук был зверски замучен врагами, которые пытались добиться от него данных о составе и группировке советских войск в районе Халхин-Гола. Молодой коммунист ничего не сказал своим мучителям и остался верен своей партии и Родине до последней минуты жизни. Когда наши бойцы пошли в атаку и отбросили японцев, они увидели изуродованное тело политрука

Комаристого: на руках и на лбу у него были вырезаны звезды, повсюду зияли штыковые раны.

Друзья по оружию поклялись отомстить за смерть товарища и клятву свою сдержали в последующих боях.

В июне наши части вышли на высоты восточнее Халхин-Гола и заняли рубеж обороны, выставив боевое охранение вдоль государственной границы с Внутренней Монголией.

Казалось бы, инцидент исчерпан. Но не тут-то было. Японцы не прекращали провокаций. По-прежнему продолжались столкновения наземных войск, проходили воздушные бои. 22 июня 95 советских самолетов вступили в бой со 120 японскими самолетами. В результате был обит 31 японский самолет. 24 июня наши славные летчики сбили 25 неприятельских самолетов, потеряв лишь два своих{18}. 26 июня около 60 японских истребителей появились у озера Буир-Нур. В районе поселка Монголрыба завязался воздушный бой, в котором приняли участие 50 советских самолетов. Он снова окончился нашей победой. Японцы на этот раз потеряли 25 машин{19}. Уцелевшие самолеты врага, не выдержав схватки, покинули поле боя. Наши истребители преследовали их до Ганьчжура. Мы потеряли всего три самолета.

Воздушные бои не прекращались почти ни на один день. Советские летчики с каждым разом наносили все более сокрушительные удары по японской авиации. Столкновения пехоты в эти дни тоже не прекращались.

Картина вырисовывалась все более отчетливо - японцы не отказались от своей затей захватить территорию Монголии. Они просто накапливали силы, вели интенсивную подготовку к новой, более крупной операции. Чтобы сорвать их планы, нам необходимо было подтянуть в угрожаемый район нужное количество войск. Как я узнал позже, командование советско-монгольских войск сосредоточило в районе боевых действий 36-ю мотострелковую дивизию (без одного полка), 7, 8, 9-ю мотоброневые бригады, 11-ю танковую бригаду, тяжелый артдивизион, свыше 100 самолетов-истребителей и другие средства усиления, 8-ю монгольскую кавалерийскую дивизию.

В последних числах июня меня назначили командиром 24-го мотострелкового полка. Я уже писал, что полки нашей 36-й стрелковой дивизии получили новые наименования в связи с их моторизацией. 24-м мотострелковым стал тот самый 106-й Сахалинский полк, в который я прибыл в 1929 году и в составе которого принимал участие в боях на КВЖД, командуя 6-й ротой.

В 1921 году этот полк уже побывал в Монголии, здесь он громил банды барона Унгерна, а теперь снова встал на защиту

народа братской страны.

Высокое назначение, а особенно перевод в родной полк я встретил с радостью. Ведь это часть с богатыми боевыми традициями, там было много старых товарищей по службе, с которыми я не терял связи и после перехода в 149-й. Поддерживать добрые отношения было нетрудно, ибо до передислокации в Монголию все полки нашей дивизии стояли в военных городках, удаленных друг от друга примерно на 10 - 12 километров.

Когда я прибыл в полк, он находился в резерве командующего группой и располагался в районе Тамсаг-Булака. Личный состав отдыхал и приводил себя в порядок после 700-километрового марша.

Большую часть командиров и политработников полка я знал и прежде, поэтому на знакомство с ними много времени не потребовалось. Тепло и сердечно встретили меня комиссар полка старший политрук Иван Васильевич Щелчков, заместитель командира полка майор Аким Семенович Беляков, начальник штаба капитан Василий Васильевич Полунин.

Известны были мне по прежней службе и командиры батальонов капитан Николай Васильевич Завьялов, старший лейтенант Василий Николаевич Кожухов, капитан Соловьев (имени и отчества его, к сожалению, не запомнил). Знал я и остальных командиров, вплоть до ротных.

То, что спустя много лет я встретил в полку очень много прежних сослуживцев, в наше время могло бы показаться удивительным. Ведь иной раз и за три - пять лет командные кадры в мотострелковом полку меняются более чем наполовину. Это вызвано быстрым ростом офицеров, отъездом их на учебу. Однако текучесть кадров имеет и отрицательную сторону. В те же годы мы служили на одном месте подолгу. Например, моя армейская судьба была связана с 36-й стрелковой дивизией около 15 лет, с 1924 по 1939 год. 15 лет в Забайкалье! А ведь условия жизни были там далеко не из легких, в особенности в Даурии, где я провел три с половиной года. На тяготы службы мы никогда не роптали, честно и добросовестно делали свое дело, заботясь о безопасности дальневосточных границ Страны Советов.

Самоотверженно выполняли мы свой долг и на земле братской Монголии, защищая ее суверенитет, мирный труд народа, строящего новую жизнь.

Вступив в командование полком, я сразу же провел совещание, поставил перед командирами задачи готовить подразделения к грядущим боям, которые - мы это чувствовали - были уже не за горами.

Глава третья.

Баин-Цаганское сражение

В период 22 - 27 июня японская авиация значительно активизировала свои действия. Нашему командованию стало ясно: враг готовится к наступлению более крупного масштаба, чем то, что он пытался предпринять в мае.

Анализируя события, которые развернулись в районе горы Баин-Цаган 2 - 5 июля 1939 года, оценивая их с высоты своего боевого опыта, с позиций человека, которому довелось водить в бой в годы Великой Отечественной войны крупные войсковые объединения, я не могу не остановиться на разборе действий сторон более подробно и полно, чем мог бы сделать это в те дни, будучи командиром полка.

Из разведданных нашему командованию было известно, что к началу июля японцы подтянули к району предстоящих действий значительное количество пехоты, кавалерии, полков и артиллерии. Достаточно сказать, что соотношение сил сложилось не в нашу пользу. Противник превосходил нас в пехоте и артиллерии в два раза, в коннице и противотанковых орудиях - в четыре раза. Уступал лишь в танках и бронемашинах, правда значительно - более чем в три раза{20}.

Японское командование преследовало решительные цели. Как нам стало потом известно, противник предполагал окружить и уничтожить советско-монгольские войска, действующие на восточном берегу реки Халхин-Гол. Для осуществления этого плана была создана ударная группа под командованием генерал-майора Кобаяси, которая имела задачу сосредоточиться в районе к югу от озера Яньху и в ночь на 3 июля перейти в наступление в направлении горы Баин-Цаган. Переправившись через Халхин-Гол у этой горы, группа Кобаяси должна была нанести удар с северо-востока на юг, чтобы отрезать пути отхода нашим частям на запад.

Фланг этой группировки обеспечивал пехотный полк, действующий на автомашинах.

Группа Кобаяси имела в своем составе три пехотных полка, усиленных артиллерией, и инженерный полк.

Вторая группа, в первоначальную задачу которой входило обеспечение флангового марша и сосредоточение ударных частей, должна была 3 июля перейти в решительное наступление, охватывая фланги советско-монгольских войск на восточном берегу Халхин-Гола. Командование его было возложено на генерал-лейтенанта Ясуоку, который имел в своем распоряжении до двух пехотных полков, два танковых полка и кавалерийскую дивизию.

Позаботились японцы и о резерве, в котором находились кавалерийский полк, пехотный батальон и артиллерийская батарея.

В целом же задуманную наступательную операцию японское командование планировало завершить к середине июля, с тем чтобы в течение лета выполнить поставленные задачи и закончить военные действия на территории Монгольской Народной Республики.

Японцы не сомневались в успехе. Командир 23-й пехотной дивизии японских войск генерал Камацубара в приказе от 30 июня, захваченном впоследствии нами, так и писал: Дивизии главными силами переправиться через реку Халхин-Гол, захватить войска противника и уничтожить их. Далее он с хвастливой уверенностью заявлял, что движется с основными силами на гору Баин-Цаган, где будет находиться после ее взятия.

Для того чтобы лучше запечатлеть и распропагандировать свой триумф, японцы пригласили в район боевых действий иностранных корреспондентов и военных атташе, в том числе и военных атташе гитлеровской Германии и фашистской Италии.

Как видим, план наступления был продуман до мельчайших подробностей и деталей. Причем не только продуман, но и в достаточной степени обеспечен силами и средствами. Так что же все-таки помешало японцам осуществить его? Вот на этом-то мне и хочется остановиться более подробно.

Нужно сказать, что итоги майских боев были проанализированы нашим командованием со всей тщательностью.

Разумеется, было отмечено, что действия наших частей и подразделений отличались мужеством, отвагой и героизмом, командиры показали высокое воинское мастерство, тактическую эрудицию. Но наряду с этим нельзя было обойти и недостатки в управлении боем и ведении разведки, на анализе которых было сосредоточено особое внимание.

Да, действительно, не все было достаточно продумано в период проведения майской операции. Боевые порядки войск, выдвинутых на восточный берег реки Халхин-Гол, оказались растянутыми в тонкую цепочку на фронте 20 километров, а резервы удалены от района боевых действий на расстояние 125 километров, что лишало их возможности быстро оказать помощь войскам, прикрывавшим границу.

Были допущены ошибки и в построении боевых порядков. К примеру, монгольские кавалерийские части разместили в центре боевого порядка между советскими стрелковыми подразделениями, а это не давало им полностью использовать

свои боевые возможности, вести разведку и лишало наши войска надежного, маневренного прикрытия на флангах. Необеспеченность флангов и отсутствие разведки позволяли японцам совершать маневры и обходить боевые порядки наших войск.

Опыт боев показал также, что сил для отпора врагу у восточной границы Монгольской Народной Республики явно недостаточно. Поэтому в течение июня в район Тамсаг-Булака были переброшены 11-я танковая бригада, 7, 8 и 9-я мотоброневые бригады, 36-я мотострелковая дивизия (без одного полка), тяжелый артиллерийский дивизион, свыше 100 истребителей, а также передислоцировалась 8-я кавалерийская дивизия монгольской Народно-революционной армии{21}.

Командование советско-монгольских войск, сделав необходимые выводы из майских боев, организовало прочную оборону по важнейшему рубежу - в 5 - 6 километрах восточнее реки Халхин-Гол. Правый фланг обороны проходил через гряду песчаных высот и упирался в реку Халхин-Гол. Левый фланг проходил по высоте, которая позже получила имя Ремизова, пересекая ее северные скаты, и тянулся от реки Халхин-Гол в 3 - 4 километрах южнее горы Баин-Цаган. Гора Баин-Цаган и близлежащий район развалин прикрывались подразделениями монгольской кавалерийской дивизии.

Учитывая, что японцы имеют перевес сил, наше командование приняло решение, прочно удерживая плацдарм на восточном берегу Халхин-Гола, измотать противника в оборонительном бою, нанести ему значительный урон, а затем сокрушить сильными контратаками из глубины.

О замысле этом я, разумеется, узнал позже, но участвовать в его исполнении пришлось активно. В ночь на 2 июля 24-й мотострелковый полк был поднят по боевой тревоге и получил задачу ускоренным маршем следовать в район озер - 25 - 30 километров западнее горы Хамар-Даба. Туда же перебрасывается весь подвижной резерв (в состав которого и входил наш полк). Таким образом, вместе с нами в новый район дислокации прибыли 11-я танковая и 7-я мотоброневая бригады.

Это сразу облегчило положение наших войск, занимавших позиции в районе горы Баин-Цаган, ибо здесь японцы успели сосредоточить более 10 тыс. штыков, а нам удалось лишь более тысячи. У японцев было около 100 орудий и до 60 орудий ПТО. В наших же войсках было немногим более 50 орудий, включая и те, что находились на восточном берегу реки Халхин-Гол.

Понятно, что переброска в этот район резерва приобретала важное значение. Марш проходил в высоком темпе. Движение

нашего полка осуществлялось четырьмя колоннами, с воздуха нас прикрывал авиационный полк под командованием Героя Советского Союза майора Г. П. Кравченко. В небе не раз появлялись японские самолеты. Они пытались атаковать наши подразделения, но советские летчики смело вступали в бой и заставляли врага отказаться от своих замыслов.

Запомнился мне такой эпизод.

Одному японскому самолету удалось прорваться через заслон наших истребителей, и он зашел для атаки колонны полка. Однако тут же к нему устремился наш истребитель. Воздушный бой разгорелся прямо над нашими головами. Самолеты выписывали фигуры высшего пилотажа, а мы о замирании сердца следили за нашей краснозвездной машиной, болея за летчика.

Наконец наш истребитель оказался в хвосте у вражеского, и тут же к японскому самолету потянулись огненные трассы. Он загорелся и, кувыркаясь, стал беспорядочно падать вниз. Метрах в трехстах от нас взметнулся столб огня и дыма.

Советский самолет сделал круг над нашей колонной и взял направление к своей группе. И тут на него напали четыре японских самолета. Я даже не заметил, откуда они появились. Наш самолет маневрировал, уходя от непрерывных атак врага. Самураи наседали - сказывалось численное превосходство, - и очень туго пришлось бы нашему соколу, если бы ему на выручку не пришел товарищ, который отвлек на себя часть вражеских самолетов. Воспользовавшись этим, советский летчик нырнул в облака, но через несколько секунд появился вновь, сразу ринувшись в атаку, чтобы помочь своему спасителю, которого атаквали те же четыре японских самолета. Снова началась карусель, небо прочертили трассы пуль. Наконец японцы не выдержали и покинули место схватки.

Впоследствии я узнал, что мужественно сражался с врагом, защищая нашу колонну, летчик-истребитель Юдаев... Между тем события развивались следующим образом.

2 июля японцы перешли в наступление, нанося главный удар в направлении горы Баин-Цаган. Они стремились как можно скорее выйти к реке Халхин-Гол в целях подготовки переправы для своей ударной группировки. Советско-монгольские войска встретили врага во всеоружии.

Наши красноармейцы и монгольские цырики героически отстаивали каждый метр земли. Отважно сражались советские артиллеристы. Выкатив орудия на прямую наводку, они метким огнем отбивали танковые атаки врага.

Однако к исходу дня 2 июля на плацдарме восточнее реки

Халхин-Гол противник ввел в бой до 80 танков. Это позволило ему сбить боевое охранение 149-го стрелкового полка и 9-й мотоброневой бригады, оттеснить на юго-запад левый фланг советско-монгольских частей и вклиниться в их боевой порядок.

Кое-где противнику удалось прорваться к боевым порядкам наших артиллерийских подразделений. Бойцы проявили стойкость, мужество, готовность к самопожертвованию. Батарея, которой командовал Леонид Воеводин, поддерживала роту лейтенанта Нефедова. Несколько раз японцы пытались сбить роту с занимаемых позиций. Однако это им не удалось. Тогда противник двинул на подразделение Нефедова танки. Артиллеристы подпустили танки на близкое расстояние и открыли огонь прямой наводкой. Головная машина тут же вспыхнула, через несколько секунд запылала вторая. Остальные повернули вспять. Атака противника захлебнулась.

А всего, отражая танковые атаки врага, наши артиллеристы подбили 30 танков. 11 японских танкистов, в том числе три офицера, были взяты в плен.

Японцы не ожидали такого упорного сопротивления. Они спешно стали наращивать силы, одновременно всю ночь на 3 июля противник вел активную разведку переднего края и системы укреплений советско-монгольских войск.

В 2 часа 3 июля японцам удалось скрытно переправиться через реку Халхин-Гол и ценой огромных потерь захватить гору Баин-Цаган. К этому времени сюда успели выйти 71-й и 72-й японские полки. Вместе с пехотой на западный берег было переброшено большое количество артиллерии и пулеметов. Так что враг располагал здесь значительными силами. Он спешно начал строить оборону: рыл окопы, устанавливал противотанковые пушки, минометы, устраивал пулеметные гнезда.

В одиночные стрелковые ячейки японцы посадили смертников - солдат, выделенных для борьбы с танками и вооруженных гранатами и бутылками с бензином.

К району горы Баин-Цаган генерал Камацубара стягивал все новые и новые силы. Здесь уже сосредоточились два пехотных полка, полк конницы, 17 батарей противотанковых орудий, 10 батарей 75-мм орудий, батарея гаубиц и другие подразделения. Обстановка осложнялась с каждым часом.

А между тем наше командование еще не имело сведений о переправе японцев и продолжало действовать по ранее намеченному плану.

Наш 24-й полк, в частности, еще во время марша получил задачу выйти в район озера Хуху-Усу-Нур для нанесения удара по

противнику с запада.

Исходя из прежних данных об обстановке были поставлены задачи и остальным частям резерва, а также 6-й кавалерийской дивизии монгольской Народно-революционной армии.

В результате этого резерв советско-монгольских войск, сосредоточиваемый в целях нанесения флангового удара по наступающей группировке генерал-лейтенанта Ясуоки, неожиданно вышел навстречу ударной группировке Кобаяси.

В авангарде советских войск следовал 2-й батальон 11-й танковой бригады. Разведка, высланная вперед, доложила о том, что гора Баин-Цаган занята японцами.

Комдив Г. К. Жуков, узнав об этом, приказал 2-му батальону 11-й танковой бригады во взаимодействии с бронедивизионом 8-й кавалерийской дивизии активными действиями связать противника с фронта и не допустить его продвижения на юг, одновременно главным силам 11-й танковой бригады нанести удар с севера, нашему 24-му мотострелковому полку - с северо-запада, 7-й мотоброневой бригаде - с юга.

Оценивая сейчас смелое по замыслу решение Г. К. Жукова, нельзя не заметить, сколь точно и правильно определил Георгий Константинович, что главным нашим козырем были бронетанковые соединения и что, только активно используя их, можно разгромить переправившиеся японские войска, не дав им зарыться в землю и организовать противотанковую оборону.

После принятия этого решения, события развивались стремительно. Жуков тут же встретился с командиром 11-й танковой бригады М. П. Яковлевым и поставил ему задачу, затем он приказал немедленно вызвать всю авиацию, ускорить движение танков и артиллерии главных сил резерва и не позднее 10 часов 45 минут развернуть 11-ю танковую бригаду для атаки японских войск.

Нужно отметить, что решение Жукова было смелым и необычным еще и потому, что уставы того времени не предусматривали самостоятельный удар танковых и бронетанковых частей без поддержки пехоты. Но время работало на противника. С восточного берега Халхин-Гола к японцам продолжали подходить пехота, конница, артиллерия. Они создавали и совершенствовали оборону.

Таким образом, комдив Г. К. Жуков бросил на японцев 11-ю танковую, 7-ю мотоброневою бригады и отдельный монгольский броневой дивизион, зная, что враг успел создать на горе Баин-Цаган сильную противотанковую оборону, что у него здесь свыше 100 противотанковых орудий и наши части понесут потери. Знал и сознательно пошел на такой рискованный шаг. Он понимал -

другого выхода нет. Промедлить - значит вообще проиграть сражение.

И вот танковые части с ходу развернулись и с трех сторон ринулись на противника. Завязался жестокий бой. Как потом мне рассказал комбриг М. П. Яковлев, японская артиллерия открыла сильный огонь. Стали вспыхивать наши танки, но танкисты стремительно продвигались вперед, огнем и гусеницами сминая вражеские подразделения.

Первым на позиции врага ворвался взвод лейтенанта Кудряшева. Японские артиллеристы сосредоточили на ней весь огонь. Механики-водители, искусно маневрируя, не давали японским артиллеристам вести по ним прицельный огонь. Вслед за танкистами Кудряшева в расположение противника ворвались другие подразделения, а вскоре и вся бригада. Неудержимой лавиной танки все глубже и глубже врезались в оборону врага. Над полем боя стоял несмолкаемый гул. Рев моторов, выстрелы орудий, разрывы снарядов, треск пулеметов - все слилось воедино.

Как мы узнали потом от пленных, японцы были явно застигнуты врасплох. Они не ожидали такого мощного и дерзкого удара, зная, что к горе Баин-Цаган подошли только бронетанковые войска, и полагая, что без пехоты они не отважатся атаковать. Считали и просчитались. Первой не выдержала натиска наших танков баргутская конница. Оставив свои позиции, она в панике кинулась к реке Халхин-Гол.

Остальные японские части продолжали оказывать еще упорное сопротивление, но остановить наступательный порыв советских танкистов было уже невозможно.

Заметив противотанковую батарею, старший лейтенант Соловьев смело направил на нее свою боевую машину. На полном ходу танк налетел на вражескую пушку и гусеницами вдавил ее в землю. По машине Соловьева тотчас открыли стрельбу другие орудия, но тут ему на помощь пришли товарищи. Противотанковая батарея японцев перестала существовать.

Чуть поодаль громила самураев рота старшего лейтенанта Кукина. Прокладывая себе путь огнем и гусеницами, танкисты прорвали оборону противника на всю глубину и вышли к реке. Появление советских танков в тылу вызвало растерянность у врага. Однако окончательно сломить его пока ее удалось.

К горе Баин-Цаган наш полк подошел, когда бой немного стих. Обе стороны спешно приводили себя в порядок, готовясь к новой схватке. Я отыскал комбрига Яковлева в боевых порядках его танковой бригады. Он разговаривал с бойцами и командирами одной из рот.

Разговор был оживленным. Танкисты делились впечатлениями о первом боевом успехе.

Завидев меня, Яковлев приветливо поздоровался:

- Запоздываешь, Иван Иванович. Так ведь и без тебя, без твоих мотострелков с японцами управиться можем. Верно я говорю? - Это он спросил у красноармейцев.

- Управимся, - отозвались они.

А мне, признаться, было не до шуток, потому что остро переживал опоздание полка, хотя и не были мы виновны в нем.

Пояснил, что пришел решить вопрос о взаимодействии. Яковлев ознакомил меня с обстановкой. Из его слов я понял, что враг еще достаточно силен. По нему нужно нанести такой же, а может быть более мощный, удар. Однако приказа командира корпуса на это пока не было. Мы договорились, что я разверну свой полк за правым флангом 11-й танковой бригады, чтобы одновременно с ней ударить по японцам, находившимся на горе Баин-Цаган.

И вскоре такой приказ из штаба 57-го корпуса поступил. Замысел командования был прост: танковой бригаде ударом с севера, 24-му полку ударом с северо-запада и с запада, 7-й мотобронетанковой бригаде ударом с юга окружить и уничтожить главную группировку противника.

После короткой подготовки по позициям врага был произведен артиллерийский налет. И тут же более 100 боевых машин танковой бригады, оглушая местность ревом двигателей, стремительно рванулись на японцев. Опомнившись, враг снова обрушил на наши танки огонь. Но, поддерживаемые артиллерией и минометами, они неудержимо шли вперед, с ходу прорвали оборону врага и устремились в глубину его боевых порядков. Танкисты крушили самураев огнем и гусеницами, пехотинцы разили их огнем, штыком и прикладом.

Наивысшей похвалы были достойны действия 175-го артиллерийского полка, и особенно его 2-го дивизиона под командованием майора Александра Степановича Рыбкина. Этот полк входил в состав нашей дивизии. В бою за Баин-Цаган он поддерживал своим мощным огнем наступление 24-го мотострелкового полка и 11-й танковой бригады. Меткими выстрелами артиллеристы уничтожали танки, пехоту и кавалерию противника, поднимали в воздух огневые точки. Под прикрытием огня танкисты смелее шли в бой и громили самураев.

Отваги артиллеристам было не занимать. Забегая вперед, скажу, что и в последующих боях они действовали храбро и умело. Так, 24 июля, когда японцы превосходящими силами

обрушились на позиции 149-го стрелкового полка и сложилась крайне тяжелая обстановка, командир дивизиона майор Рыбкин сам встал к одному из орудий, заменив наводчика, и открыл точный, губительный огонь прямой наводкой по противнику. В этом бою он лично уничтожил более ста японских кавалеристов. Его примеру последовали подчиненные.

Словом, мы, пехотинцы, верили, что артиллеристы не подведут. Японцы не зря боялись их огня, он был точен и сокрушителен.

Советское правительство по достоинству оценило героизм и мужество артиллеристов, наградив многих из них орденами и медалями. Командиру дивизиона майору А. С. Рыбкину указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза.

В годы Великой Отечественной войны мы снова встретились с ним. А. С. Рыбкин командовал артиллерийским полком в тот период, когда я возглавлял 15-й стрелковый корпус. И сражался он с немецкими захватчиками так же героически, как и на реке Халхин-Гол с японскими самураями.

...Между тем накал боя нарастал. С юга ударила по тылам японцев 7-я мотоброневая бригада, грозя окружением.

Яростно сопротивляясь, под сильным натиском танкистов и мотострелков противник вынужден был отходить под прикрытием огня минометов, артиллерии и пулеметов. Самураи цеплялись за каждую удобную позицию, но не могли выдержать напора наших подразделений.

Уже перевалило за полдень, а схватки все не утихали. Стояла нестерпимая жара. Нещадно палило полуденное солнце. Над полем боя висела песчаная пыль, поднятая разрывами снарядов и рикошетирующими пулями. Люди обливались потом, задыхались от зноя и пыли, а воды - ни капли. Река Халхин-Гол была недалеко, но подойти к ней под огнем противника возможности мы не имели. Я тоже изнывал от жажды. И тут шофер моей машины красноармеец Громов подполз к окопу, в котором я находился, и протянул мне солдатский котелок с какой-то мутной жидкостью. Трудно было по внешнему виду определить, что это - вода, квас или чай. Мне показалось, что это был чай, потому что содержимое котелка было горячим. Сделал несколько глотков и почувствовал какой-то странный привкус.

- Что ты мне принес? - спросил я Громова.

- Воду, - спокойно ответил он.

- А где ты ее взял?

- Из радиатора машины.

- Почему же она такая сладкая? - не удержался я и засмеялся.

- Потому что я положил туда кусок сахара, чтобы было вкуснее, - сказал он и тоже улыбнулся.

Как бы там ни было, мне удалось хоть немного смочить рот. Сразу стало легче.

В таких невероятных условиях приходилось драться нашим воинам. И они крепко били врага, несмотря на его численный перевес.

В 19 часов наше командование организовало одновременную атаку позиций врага с трех сторон. Бой продолжался и ночью.

4 июля рано утром при поддержке авиации японцы перешли в контратаку, пытаясь сбросить наши части с занимаемых позиций. Японские самолеты обрушили на советские войска бомбовые удары, стремясь парализовать их действия. Но летчики дали достойный отпор. Все контратаки тоже были отбиты с большими для врага потерями.

Во второй половине дня на наблюдательный пункт полка приехал на машине командир связи из штаба советских войск и вручил мне карту с графически изложенным на ней приказом командира корпуса комдива Г. К. Жукова.

Гору Баин-Цаган опоясывала синяя черта, означающая передний край обороны противника. Красным цветом обозначались наши войска, красные стрелы указывали на гору Баин-Цаган. Ниже на карте стояла лаконичная надпись:

К рассвету разгромить японцев на Баин-Цагане. Жуков.

Это был исключительно короткий, но ясный приказ. Очень сожалею, что эта карта с приказом вместе с полевой сумкой осталась в штабе полка, когда после ранения меня увезли в госпиталь. Однако чертеж, изображенный на карте, и написанные слова остались в моей памяти навсегда.

Итак, приказ был получен. Передо мной встал вопрос, как до наступления темноты довести его до командиров батальонов и всего личного состава. Со мной на наблюдательном пункте находились лишь два связиста и лейтенант Искра. Начальник штаба, заместитель по строевой части и комиссар были в подразделениях. И получалось, что послать для передач приказа и постановки боевой задачи некого. Да и трудно осуществить такое дело. Огонь со стороны японцев велся такой, что поднять голову невозможно, а тем более встать и передвигаться в сторону противника. Боевые порядки батальонов находились от НП в пределах 300 - 500 метров. Было над чем задуматься. И тут мне пришла в голову мысль, которая, может быть, кому-нибудь покажется сумасбродной. Но в то время, считаю, она была правильной. Я решил использовать для этого свою легковую автомашину, Отполз на обратные скаты бархана, где она стояла, подошел к водителю Громову и сказал:

- Как ты думаешь, на большой скорости сможем проскочить

на передовую, в батальоны?

Громов был смелым воином и шофером отменным. В какие только ситуации ни попадал, а никогда не терялся, находил выход из положения. И сейчас он твердо ответил:

- Конечно проскочим. Японцы и глазом не моргнут, как мы будем на месте.

Стали думать, как лучше осуществить это, и решили так: сразу, как выедем из-за барханов, Громов даст полный газ, а как только достигнем линии окопов, резко развернет машину и сбросит скорость. Я открою дверцу, вывалюсь из машины и укроюсь в ближайшем окопе, а Громов на предельной скорости вернется назад. План наш полностью удался. Когда мы выскочили из-за барханов на легковой машине, японцы, видимо, решили, что к ним едет парламентар, и прекратили огонь. Они открыли его только тогда, когда машина развернулась, а я уже был на земле. Проворно спрыгнул в ближайший окоп целым и невредимым. К счастью, водитель тоже не пострадал, но машина получила множество пробоин.

Забегая вперед, скажу, что за этот смелый рейд Громов был награжден.

Я встретился с командирами батальонов и поставил им боевую задачу. Они в свою очередь довели приказ до всех командиров и бойцов. С наступлением темноты полк вместе с танками бригады Яковлева в третий раз атаковал Баин-Цаган. Бои не прекращались всю ночь. Мы понесли немалые потери.

Не хочу преувеличивать трудности, но должен сказать, что ночные атаки требовали от воинов большой выдержки, мужества, отваги и огромного напряжения физических сил. Японцы вели огонь преимущественно трассирующими пулями, и темноту ночи прорезывали светящиеся и причудливо ломающиеся при рикошете трассы. Дружные крики ура и отчаянные банзай чередовались, и по ним можно было определить, кому в данный момент сопутствует успех. Ночь заставляла проявить особую заботу о непрерывной и надежной связи. Потеря связи обернется потерей управления, а это равносильно поражению.

В ту памятную ночь произошел курьезный случай, который мог обернуться плачевно.

Лейтенант Искра с тревогой в голосе прошептал:

- Товарищ командир полка, кажется, японцы прорвались к нашему НП.

- Где? - насторожился я.

- Вон там, глядите...

Он указал на какие-то темные пятна на поле. Приглядевшись, я различил ползущие фигуры. Мы тотчас приготовили гранаты и

стали ждать. Но японцы не приближались, крутились на одном месте и вели себя миролюбиво.

- Кто такие? - не выдержав, крикнул я.

- Свои, товарищ командир, связисты. Напряжение сразу спало. Я поинтересовался:

- Что вы там делаете?

Они объяснили. Оказалось, что связисты искали в темноте потерянную кем-то из них плащ-палатку.

Тяжелый бой за гору Баин-Цаган длился всю ночь. К утру стрельба начала стихать и потом совсем прекратилась. Враг отходил. Когда полностью рассвело, я отправился в передовые подразделения полка.

Сначала заехал в батальон капитана Н. В. Завьялова. Комбата увидел стоящим в группе воинов. Подошел ближе, и мне сразу бросился в глаза его изможденный вид: осунувшееся лицо, лихорадочный блеск глаз. Да, ночной бой не прошел для него даром. Вместо того чтобы доложить командиру полка об обстановке, потерях, Николай Васильевич начал меня обнимать. Это, по-видимому, была нервная разрядка, результат пережитого. Постарался успокоить его, поздравил с победой. А обстановка мне и без доклада была ясна: личный состав батальона героически сражался в ночном бою. И то, что враг оставил позиции на горе Баин-Цаган, немалая заслуга капитана Завьялова. Он умело руководил подразделением, тактически грамотно организовал атаки позиций японцев.

Да, хороший был командир. Горько теперь вспоминать о том, что не дожил Николай Васильевич до окончательного разгрома японцев: во время последующих боев на реке Халхин-Гол, отражая очередную атаку самураев, пал смертью храбрых. За мужество и отвагу он был посмертно награжден орденом Ленина. Тогда мы все тяжело скорбели о славном командире и товарище, с которым делили радость и горе в течение многих лет службы в дивизии.

Итак, 5 июля к утру сопротивление японцев было окончательно сломлено, и они толпами, преследуемые нашими танками, пехотой и артиллерийским огнем, поспешно стали отходить, а затем обратились в бегство. Бежали к переправе, от страха кидались в воду, многие тонули. Боясь, что мы на плечах отступающих форсируем реку, японское командование отдало распоряжение взорвать понтонный мост, бросив на произвол судьбы солдат, оружие и имущество. К середине дня остатки японских подразделений на западном берегу реки Халхин-Гол были полностью уничтожены.

Гора Баин-Цаган являла печальное зрелище. Она была устлана трупами японских солдат, лошадей, брошенным

оружием. Противник искал здесь славу, а нашел смерть.

Только болотистые берега и глубина реки Халхин-Гол помешали нашим танкам и бронемашинам с ходу переправиться на западный берег и продолжить преследование.

За несколько дней боев японцы потеряли тысячи солдат и офицеров. Огромное количество снаряжения, оружия, боевой техники стало трофеями советских войск. Наши летчики сбили 45 вражеских самолетов.

А генерал Камацубара, который в своем первом приказе обещал следовать вместе со своими войсками и быть на горе Баин-Цаган, видя, как развиваются события, еще в ночь на 4 июля вместе со своей оперативной группой покинул восточный берег и отошел к озеру Иринган, предварительно отдав приказ, в котором предлагалось одной машине (самолету) быть в постоянной готовности в районе озера Иринган.

Баин-Цаганская операция закончилась разгромом главной группировки японцев. Она является образцовой операцией. Противник хотел окружить нас, но сам попал почти в полное окружение. Советско-монгольские войска, измотав его активной обороной, на плацдарме восточнее реки Халхин-Гол сами перешли в решительное наступление против переправившихся японских войск, широко используя подвижные части, окружили его с трех сторон (с четвертой была река) и наголову разбили врага. После этого японцы не решались больше переправляться через реку Халхин-Гол.

Не умаляя высоких боевых качеств пехоты и артиллерии, все же считаю, что главную роль в разгроме противника на Баин-Цагане сыграли танки. Здесь они еще раз доказали, что в умелых руках являются мощным боевым средством не только в наступлении, но и при ведении активной маневренной обороны.

К поражению японцев привели самоуверенность, переоценка своих сил и слабо организованная разведка. Противник не смог установить выдвижение наших резервов, а значит, и задержать их. В ударной группе врага отсутствовали танки. Его авиация действовала главным образом по переправам, а не по нашим резервам. И это является большим минусом.

Операция у горы Баин-Цаган лишний раз подтвердила, что во время встречного боя не всегда есть возможность получить исчерпывающие данные о противнике, но, несмотря на это, решение надо принимать быстро.

Инициатива начальников всех степеней имеет огромное значение. Решение Г. К. Жукова атаковать японцев танками, не дожидаясь подхода мотострелковых подразделений, сыграло огромную роль. Враг был ошеломлен, застигнут врасплох. Понес

большие потери. Подошедшие мотострелки закрепили успех танкистов. Опыт использования танков в боях у горы Баин-Цаган пригодился в Великой Отечественной войне.

В бою у горы Баин-Цаган командиры, политработники и бойцы проявили чудеса храбрости, мужества и героизма. В своих беседах с бойцами наши политработники широко популяризировали эти подвиги. Помню рассказ об отважном командире взвода 7-й мотобронепригоны Мартынове, который в начале боя уничтожил два орудия противника. Однако вскоре его машину подбили, но и тогда он продолжал вести огонь и уничтожил еще три орудия. Когда же вражеский снаряд заклинил башню танка, Мартынов открыл огонь из пулемета, расстреливая пехоту противника. Только после того как были убиты водитель и пулеметчик, Мартынов покинул машину.

Командир взвода Полторацкий уничтожил пять орудий врага. При возвращении на сборный пункт танк Полторацкого вывез шестерых раненых.

Политрук Викторов, расстреливая противника в упор, уничтожил до десяти орудий. Когда его машина загорелась от прямого попадания снаряда, Викторов (будучи ранен) вытащил из нее пулемет, выбрал поблизости позицию и начал расстреливать атакующего противника, уничтожив до взвода пехоты. Окруженный со всех сторон, он отказался сдаться и погиб как герой. Остервеневшие враги зверски надругались над ним: вырезали ему язык, сердце, выкололи глаза и нанесли множество ножевых ран.

Геройски дрался 5 июля взвод лейтенанта Михеева. Вырвавшись вперед, он врезался в гущу отходящего противника, расстреливая его в упор. Сотни японцев нашли смерть, прежде чем им удалось уничтожить храбрецов, которые оказались оторванными от главных сил.

Во время наступления танк лейтенанта Кудряшева был подбит. Командир приказал механику-водителю и башенному стрелку выйти из машины с запасным пулеметом и оборонять подходы к ней. Сам же остался в танке и вел огонь из пушки. Меткими выстрелами он уничтожил противотанковое орудие, разбил несколько автомашин. Героический экипаж сражался до тех пор, пока подошедшее подразделение не выручило его.

В составе 2-й стрелковой роты наступало отделение Ф. А. Копылова. Оно упорно, несмотря на сильный огонь противника, продвигалось вперед. Появились убитые и раненые. В первые же минуты выбыл из строя командир взвода. Копылов взял командование на себя. Среди грохота разрывов и свиста пуль раздался его властный голос:

- Вздод! Слушай мою команду!..

Бойцы приободрились, воспрянули духом. Они хорошо знали Фрола Копылова, его находчивость, отвагу, верили, что с ним не пропадешь. Воины беспрекословно выполняли его приказы. Командир роты приказал взводу овладеть барханом, на котором засел противник. С группой бойцов Копылов устремился к траншее врага.* Короткими перебежками воины продвигались вперед, падали на землю, стреляли по врагу и вскакивали снова. Отделенный командир не спускал глаз с бархана. И вдруг откуда-то ударил в упор пулемет. Пули засвистели над головой, заставили плотнее прижаться к земле. Копылов оглянулся и увидел, что подчиненные лежали рядом, никто не отстал. А пулемет продолжал строчить. Только теперь заметил Копылов, что японцы бьют из-за маленького куста. Он занял позицию повыгоднее, тщательно прицелился и выстрелил, затем еще... Справа и слева тоже раздались выстрелы. Однако вражеский огонь усилился. Пули вспахивали землю, поднимая облака пыли. И вдруг на тот рубеж, где залегли бойцы, стали падать мины. Копылов первым вскочил и ринулся вперед, чтобы вывести людей из-под огня. В ту же секунду поднялись и бойцы. Стремительным броском они преодолели расстояние до вражеских окопов.

- Ура! - крикнул Копылов, бросаясь на врага.

Воины ворвались в окоп и вступили в рукопашную. В короткой схватке Копылов штыком и гранатами уничтожил более десяти японцев. Группа выбила из траншеи противника и заняла в ней оборону. Вскоре к ней присоединилась вся рота.

Бой не прекращался ни на одну минуту. Враг не хотел мириться с потерей важной позиции. Атака следовала за атакой. Ряды бойцов таяли.

Несколько часов подряд дралась горстка воинов, возглавляемая Копыловым, с превосходящим противником и не отступила ни на шаг. Там, где было трудно, бойцы видели своего командира. Его воля, твердость вселяли в них уверенность в победе. И они победили.

Стрелковому взводу младшего лейтенанта А. Стяжкина было приказано ударить во фланг противника. О том, что на пути роты встретился опорный пункт, можно было догадаться по плотности огня. Первая попытка овладеть опорным пунктом с ходу не увенчалась успехом. Бойцы залегли. Стяжкин доложил о создавшейся обстановке по команде. На помощь взводу поспешили артиллеристы. По японцам открыли огонь наши орудия. Густые столбы дыма, перемешанные с песчаной пылью, поднялись над опорным пунктом.

Через несколько минут артиллеристы перенесли огонь в

глубь обороны. Стяжкин поднялся во весь рост и крикнул:

- Взвод! За мной - вперед!

За ним устремились подчиненные. И вот все ближе и ближе вражеская траншея. Уцелевшие после артиллерийского налета японцы открыли огонь. Однако он уже не был таким плотным, как раньше. Да и стрельба велась беспорядочно. Видимо, враг понес большие потери. Сейчас главное - не дать противнику опомниться, быстрее добраться до него. Стяжкин приказал приготовить гранаты, и через несколько секунд траншею врага заволокло дымом от частых разрывов.

С винтовками наперевес бросились на врага красноармейцы. Завязалась рукопашная схватка. Однако не так-то легко оказалось выбить врага из хорошо оборудованных окопов. Ценой огромных усилий взвод овладел опорным пунктом.

Младший лейтенант Стяжкин был храбрым командиром, К сожалению, ему не довелось дожить до победы. 7 июля в разведке он погиб смертью героя.

Остался в моей памяти и подвиг комсомольского экипажа танка, которым командовал кандидат в члены партии старший лейтенант Чернышев. Огнем и гусеницами герои уничтожали огневые точки и живую силу врага. Наконец японцам удалось подбить танк. Они окружили его и предложили экипажу сдаться, но в ответ раздались выстрелы. Советские воины косили врагов пулеметным огнем. Когда кончились патроны и пулемет смолк, японские солдаты взобрались на башню и миной подорвали люк. Танкисты были ранены, истекали кровью, однако продолжали отстреливаться из пистолетов. Вскоре японцы под натиском наших подразделений отступили. Но танкисты были уже мертвы. На внутренней стенке танка кровью было выведено: Ст. лейтенант Чернышев А. В. - кандидат ВКП(б), башенный стрелок Верягин В. Д., механик-водитель Сафронов А. Ф. Комсомольцы в плен не сдаются.

Образцы мужества и отваги в бою показывали многие командиры и политработники. Они искусно руководили подчиненными подразделениями, смело вели их на врага. Особой храбростью отличался командир батальона нашего полка старший лейтенант В. Н. Кожухов. Он всегда был там, где труднее, водил батальон в атаку. Под его руководством советские воины уничтожили до 300 самураев, захватили трофеи - шесть автомашин с оружием, боеприпасами и военным имуществом.

Под стать Кожухову был и командир 2-го отдельного танкового батальона 11-й танковой бригады майор К.Н.Абрамов. В бою 3 июля он атаковал частью своего батальона левый фланг японцев, переправившихся на западный берег реки Халхин-Гол.

Через несколько часов Абрамов возглавил атаку взвода танков. Советские воины рассеяли и уничтожили скопление пехоты врага и два противотанковых орудия. 5 июля майор Абрамов с ротой танков отбил несколько атак японцев, пытавшихся крупными силами нанести удар по частям 7-й мотобронетанковой бригады. В тот же день атакой танков обеспечил продвижение вперед подразделением 149-го стрелкового полка. В этом бою он с экипажем своего танка уничтожил пять крупнокалиберных пулеметов и три противотанковых орудия. К. Н. Абрамов не только умело организовал бой батальона, но и бесстрашно сражался сам, личным примером увлекал за собой подчиненных.

Исключительную смелость проявил в бою политрук танкового батальона старший лейтенант А. И. Киселев. Он все время был впереди, огнем из танка метко разил живую силу и технику врага. Был и такой случай. Японцы пытались незаметно на танках подобраться к нашим боевым машинам, чтобы захватить их. Киселев обнаружил танки и стал терпеливо ждать. Когда осталось не более 200 метров, политрук открыл огонь и двумя выстрелами уничтожил японский танк. Остальные повернули вспять.

Однажды он во главе небольшой группы из трех танков был направлен в разведку. Обнаружил четыре вражеских орудия, два он подбил первыми же выстрелами, расчеты остальных разбежались. Смертельно раненный в бою, политрук сказал своим боевым друзьям: Я не выживу, но знаю, товарищи, начатое дело вы доведете до конца.

Бок о бок с советскими воинами отважно сражались монгольские цирики. Монгольские артиллеристы под командованием Басарджаба, Цога и многих других метким огнем помогали советским танкистам уничтожать ненавистного врага. Высокое мастерство и бесстрашие в бою показал рядовой Хаянхирва. Он уничтожил немало вражеских солдат и офицеров.

Эскадрон, в котором служил цирик Самдан, попал в тяжелое положение. Подразделение получило задачу отойти на более выгодный рубеж. Самдан пулеметным огнем прикрывал действия эскадрона. Японцы быстро приближались. Когда до врагов осталось 50 метров, боец открыл губительный огонь. Израсходовав все патроны, отважный цирик в рукопашной схватке уничтожил еще несколько японцев. Славный сын монгольского народа посмертно награжден монгольским орденом Красного Знамени.

В память разгрома японских самураев на горе Баин-Цаган воздвигнут монумент славным танкистам 11-й танковой бригады. На высоком постаменте установлен танк. Одна из надписей, сделанных на постаменте, гласит: Время огнем, сверкая блеском

стали, пойдут машины в яростный поход. Тут же недалеко высится мраморный обелиск воинам 24-го мотострелкового полка, отдавшим свою жизнь за свободу и независимость миролюбивого монгольского народа.

Разгром японцев на горе Баин-Цаган - одна из славных героических страниц в общей летописи советского и монгольского народов.

Глава четвертая.

На восточном берегу Халхин-Гола

Потерпев поражение в районе горы Баин-Цаган, японцы тем не менее не отказались от активных действий. Как доносила наша разведка, они готовились к новому наступлению, перегруппировывали и пополняли свои силы. Но, наученные горьким опытом, уже не решались на глубокий маневр, связанный с форсированием реки Халхин-Гол. Враг ставил перед собой ограниченную задачу - отбросить советско-монгольские войска с восточного берега реки, лишить их выгодного плацдарма. Для решения этой задачи он пытался фронтальными ударами сбить наши части с выгодных рубежей. Причем атаки, как правило, в этот период старался проводить в ночное время.

Так, в ночь на 7 июля на участке 149-го мотострелкового полка японцы предприняли свою первую ночную атаку. Надо сказать, что удар они нанесли неожиданный, и подразделения полка были частично потеснены к Халхин-Голу. До рассвета враг сумел прочно закрепиться на высотах в 3 - 4 километрах от реки.

Дальнейшая попытка японцев продвинуться к реке Халхин-Гол успеха не имела. 8 июля перешли в контратаку наш 24-й мотострелковый полк и часть сил 5-й пулеметно-стрелковой бригады, чтобы помочь 149-му мотострелковому полку восстановить положение. Однако полностью задачу выполнить не удалось, успех имел лишь наш полк, хотя и достался он очень нелегко.

Особенно тяжелым и упорным стал бой за господствующую высоту. Местность перед ней хорошо просматривалась и была пристреляна из всех видов оружия. Воинам наших стрелковых подразделений нельзя было высунуть голову из окопа. Уже немало красноармейцев пострадало от пулеметного артиллерийского огня японцев. Необходимо было во что бы то ни стало сбить врага с этой высоты, лишить его выгодного рубежа. Но как это сделать?

Я прибыл на передний край, облюбовал наиболее удобный для наблюдения окоп, принялся за изучение обороны противника. Одно понял - атака должна быть стремительной и дерзкой, после короткого, но мощного огневого налета, причем начаться в самом

конец, когда снаряды еще будут рваться на высоте.

Со мной в окопе был только командир взвода, назначенного для выполнения этой нелегкой и ответственной задачи. Я не стал брать с собой ни командира батальона, ни командира роты. Опасно такой большой группой передвигаться под носом у японцев.

Взводом же этим командовал комсомолец лейтенант Константин Крот. Командир роты дал мне о нем самые лестные отзывы.

Я поставил задачу, разъяснил порядок взаимодействия и спросил:

- Справитесь?

- Справимся, - ответил лейтенант. - Красноармейцы рвутся в бой.

Вернувшись на командно-наблюдательный пункт командира батальона, я тут же дал необходимые распоряжения по организации артиллерийской поддержки атаки.

И вот в небо взвилась красная ракета. Ударили артиллерийские орудия, и еще не закончился артналет, когда, первым выскочив из окопа, бросился вперед лейтенант К. И. Крот. За ним, быстро развернувшись в цепь, ринулись красноармейцы. Японцы словно ожидали этого. Они открыли интенсивную стрельбу из орудий, минометов, пулеметов. Однако это не остановило советских воинов.

Константин Крот был в центре атакующей цепи. Искусно используя складки местности, он вел взвод от одного укрытия к другому. Однако огонь врага был очень сильным, и атака захлебнулась.

Воины взвода не отошли назад. Они закрепились на достигнутом рубеже и по распоряжению командира взвода стали окапываться. Я внимательно следил за боем, который длился более часа. Обе стороны несли потери, а высота по-прежнему находилась в руках врага. Когда наши воины снова поднялись в атаку, с южных скатов высоты ударил до сего времени молчавший пулемет противника, преградив им дорогу. Бойцы опять залегли. Создалось критическое положение. Каждая задержка атаки давала японцам преимущество. Они могли подбросить к высоте свежие силы. Я приказал активизировать действия наших подразделений на других участках. И вдруг увидел, что лейтенант Крот встал во весь рост и громко крикнул:

- Вперед, за мной, ребята! Ура!

Он устремился на высоту, не оглядываясь назад, потому что знал: бойцы последуют за ним. Так и произошло. Услышав призыв и увидев рванувшегося вперед командира, воины дружно

поднялись с земли и атаковали врага. Громкое ура раскатилось над полем боя. Атака была столь стремительной, что японцы не выдержали, дрогнули и побежали. Взвод лейтенанта Крота овладел высотой и быстро закрепился на ней.

В ходе дальнейшего наступления рота, в состав которой входил этот взвод, попала в окружение. И опять отвагу и смелость проявил лейтенант Крот. Под его командованием решительной атакой взвода было прорвано кольцо окружения. За взводом вышла из окружения вся рота. В этом бою лейтенант был ранен, но не оставил поля боя.

Высокое мастерство показал также отделенный командир Иван Васильевич Антипин. Рота, в которой он служил, атаковала противника, занимающего выгодный рубеж. Передний край проходил по скатам небольших высот, с которых хорошо простреливалась вся впереди лежащая местность. На позиции для ведения кинжального огня противник поставил пулеметы. К счастью, разведка обнаружила их вовремя. Так что командиру мотострелковой роты было над чем задуматься: перед ним стояла задача - атаковать противника, уничтожить его живую силу и огневые средства в опорном пункте и овладеть обратными скатами высот.

Безусловно, командир роты верил в своих подчиненных, в их мастерство, мужество, однако его волновало, как лучше построить боевой порядок, распределить силы и средства, ведь условия для атаки неодинаковы. Если на левом фланге и в центре можно атаковать стремительно, то на правом сделать это значительно сложнее. Глубокая лощина, барханы будут затруднять продвижение, замедлят темп наступления. Правофланговые подразделения могут отстать от роты. Подумав, он решил поставить на правом фланге отделение Антипина. Оно не подведет. Бойцы в нем сильные, натренированные, умелые. Задачу выполнят.

По установленному сигналу рота устремилась вперед, и сразу же взяла высокий темп. Идти было тяжело, особенно отделению Ивана Антипина. На пути воинов встречались канавы, ямы, барханы. С одной стороны, это давало возможность укрываться от огня противника, с другой - отнимало силы, необходимые для последнего и решительного броска на врага, когда до первой линии окопов останется несколько десятков метров.

Все ближе и ближе передний край японцев. И вдруг в упор ударил пулемет. Антипин не растерялся. Он тут же дал целеуказание своему пулеметчику. Тот выбрал удобную позицию и дал одну за другой две длинные очереди. Пулемет противника замолчал.

Приблизившись к первой, траншее врага, советские воины забросали ее гранатами, а потом, ворвавшись в нее, пустили в ход штыки и приклады. Не выдержав рукопашной схватки, самураи побежали, бросая оружие. Рота устремила в преследование. И снова отделение Антипина подстерегали неприятности. Буквально через несколько сот метров оно встретило организованное сопротивление японцев. Чтобы задержать наших бойцов, противник открыл заградительный минометный огонь. Антипин быстро оценил обстановку. Он знал, что прежде всего необходимо вырваться из пристрелянного противником участка местности. Но куда? Ведь можно угодить под огонь из стрелкового оружия. Тут он увидел впереди кусты - чем не укрытие от прицельного огня? По его команде отделение ворвалось на этот рубеж. Однако противник все-таки обнаружил отделение, и загрохотали ружейные и пулеметные выстрелы. Антипин приказал сосредоточить весь огонь по пулемету. Это наиболее грозная и важная цель. Однако враг оказался в хорошем укрытии, его трудно было достать, и пулемет продолжал стрелять. Тогда командир отделения подбежал к своему пулеметчику и сам припал к прицелу. Он заставил замолчать огневую точку врага. Вдохновленные примером командира, воины быстро расправились с преградившим путь противником. А вскоре вся рота дружно атаковала опорный пункт и овладела им.

Эти и подобные им решительные и настойчивые атаки подразделений нашего полка заставили японцев отойти. Таким образом, мы дали возможность 149-му мотострелковому полку значительно улучшить свои позиции.

Дорогой ценой был оплачен бой 8 июля. В нем погиб командир 149-го стрелкового полка майор И. М. Ремизов. Он был убит, когда в разгар схватки с врагом докладывал по телефону обстановку комдиву Г. К. Жукову. Иван Михайлович погиб на боевом посту. Много раз этот боевой командир-большевик, участник гражданской войны смотрел смерти в глаза и она отступала. А тут свершила свое черное дело в песчаных барханах у реки Халхин-Гол.

Командиры, политработники и бойцы полка поклялись беспощадно уничтожать врага, мстить за смерть своего любимого командира. И они сдержали свое слово. Забегая вперед, скажу, что и в августовском сражении полк дрался героически, беспощадно громя японцев.

Сопка, где погиб Иван Михайлович, как я уже писал, была названа его именем.

В далеком монгольском крае, около реки Халхин-Гол, находится могила Ивана Михайловича Ремизова, которому

посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Над могилой проносятся неугомонные степные вихри, нагретые жаркими лучами солнца, и гордые орлы простирают над ней свои могучие крылья. Много лет минуло с тех пор, как погиб Иван Михайлович Ремизов. Но светлая память о нем, воине, друге и товарище, живет в сердцах тех, кто вместе с ним сражался за честь своей Родины, за независимость и счастье братского народа.

В командование 149-м полком вступил Юрий Михайлович Прокопьев. Он достойно заменил своего боевого предшественника майора Ремизова.

А через день, 10 июля, наш полк тоже постигла большая утрата. При отражении атаки японцев был тяжело ранен и скончался командир батальона старший лейтенант Василий Николаевич Кожухов. Это был высокого роста, хорошо сложенный, обладавший большой физической силой человек. Однажды он ворвался в расположение японцев, увлекая за собой бойцов. Вдруг сбоку из блиндажа выскочил японский офицер с клинком и бросился на Кожухова. Василий схватил левой рукой клинок, а правой сдавил японцу горло и свалил его на землю.

В бою 8 июля он, как всегда, удивил сослуживцев мастерством, смелостью, храбростью. Руководя атакой подразделения, Кожухов вместе с подчиненными уничтожил более 100 японцев и овладел позициями врага на восточном берегу реки Халхин-Гол.

И вот его не стало. Весь личный состав полка скорбел о нем. Василий Николаевич пользовался уважением и любовью бойцов и командиров. Мне не раз приходилось слышать от его подчиненных такие слова: С нашим командиром не страшно ни в какой бой идти. За ним хоть в огонь, хоть в воду. Только услышим его голос: В атаку! - и будто неведомая сила поднимает нас... И горе тому, кто окажется на нашем пути.

Да, это был подлинный герой. За несколько дней до смертного часа в своем заявлении на имя комиссара полка он писал: Если придется погибнуть, прошу считать меня коммунистом. Советское государство высоко оценило его подвиг, присвоив ему посмертно звание Героя Советского Союза.

Ночные атаки японцев продолжались до 11 июля. Но все они были отбиты с большими потерями для них. Врагу не удалось добиться сколько-нибудь существенных успехов.

В ночь на 12 июля противник значительными силами атаковал 5-ю стрелково-пулеметную бригаду и оттеснил ее с занимаемых позиций. Однако далеко продвинуться не сумел. Только одна рота японцев, стремясь прорваться к переправе через реку Халхин-Гол, вклинилась в нашу оборону и пыталась

закрепиться на одном из песчаных барханов. Совместной атакой пехоты и танков 11-й танковой бригады она была уничтожена.

Славу бесстрашного воина заслужил в тот день командир отделения связи Николай Алексеевич Тимофеев. В разгар боя неожиданно нарушилась телефонная связь штаба полка с 1-м батальоном. Посланные на линию телефонисты не вернулись. Тогда командир взвода приказал восстановить связь командиру отделения Тимофееву.

- На тебя вся надежда, Николай, - сказал лейтенант, обнимая за плечи подчиненного. - Иди, но будь осторожен, без надобности не рискуй.

Захватив кусок провода, Тимофеев побежал по ходу сообщения, потом выскочил из него и, низко пригибаясь, устремился дальше. В этот момент японцы усилили огонь. Вокруг Николая стали рваться снаряды, завизжали осколки. Можно было вернуться в окоп, переждать, когда закончится этот ад. Никто бы не упрекнул Тимофеева. Ведь продвигаться вперед просто невозможно. Но младший командир знал: штаб ждет связи. Каждая секунда дорога. Он плотнее прижался к земле и попластунски пополз вдоль линии. 10, 20, 50 метров... Вот и обрыв. Николай стянул провода. Теперь оставалось зачистить концы и соединить. Он полез в карман, но ножа там не оказалось - второпях забыл взять его. Не раздумывая, он зачистил провод зубами и срастил его. Звонок в штаб - отвечают, звонок в батальон - молчат. Значит, снова надо идти вперед, значит, где-то еще один обрыв.

Тимофеев ползет дальше, выбирается на открытый со всех сторон бугор. Место опасное, связиста видно издалека, но именно здесь в нескольких местах разрывы кабеля, а в одном даже вырван целый кусок. Хорошо, что взял с собой про запас. Николай торопливо принялся за работу. Противник открыл по нему огонь. Визжали пули, свистели осколки, но воин продолжал выполнять задачу, повторяя сквозь зубы: Врешь, не возьмешь, мы живучие! Но вот осталось срастить два последних конца. Связист с трудом стянул их, соединил... Но едва отпустил, как они снова разошлись. Тогда он снова стянул оба конца и так держал их в руках. Линия заработала. Батальон ответил штабу. А Тимофеев лежал под огнем на открытом пригорке со стянутыми концами провода.

Японцы решили взять в плен храброго воина. Несколько самураев окружили его, предложили сдаться. Скрепив провод, Тимофеев стал отстреливаться. Николай был ранен, но продолжал сражаться, пока не подоспели товарищи. За совершенный подвиг отважный воин был отмечен

командованием.

В бою 12 июля смертью героя погиб командир 11-й танковой бригады комбриг Михаил Павлович Яковлев. Отдав боевой приказ командирам батальонов на действия в предстоящем бою, он сам отправился в боевые порядки, чтобы воодушевить бойцов и командиров личным примером.

Выбрал 1-й батальон, который действовал на наиболее трудном и ответственном направлении атаки.

Быстро оценив обстановку, сложившуюся на этом участке, Яковлев обратил внимание на то, что врагу удалось остановить и прижать к земле подразделение 5-й стрелково-пулеметной бригады. Нужно было срочно принимать меры: замедление продвижения наступающих только на одном участке может сказаться на успехе всего боя.

Яковлев приказал командиру батальона выделить в его распоряжение несколько танков и, возглавив эту небольшую бронированную группу, повел ее на выручку пехоте, которая сразу возобновила атаку.

Враг встретил боевые машины плотным артиллерийским огнем. Бойцы 5-й пулеметно-стрелковой бригады снова залегли под губительным огнем. Тогда Яковлев, прихватив гранаты, выбрался из танка, поднял залегших пехотинцев и повел в атаку на японцев. Враг усилил огонь, очевидно заметив храброго командира-танкиста. Комбриг был ранен, однако не оставил поля боя, продолжая вести красноармейцев. После короткого и стремительного броска к траншеям врага завязалась рукопашная схватка. Геройски сражался комбриг в рядах пехотинцев, показывая пример мужества и отваги.

Санитары, нашедшие его бездыханное тело, насчитали семь ран, две из которых были смертельными. Вокруг валялись трупы японцев, сраженных бесстрашным комбригом.

Так погиб Михаил Павлович Яковлев, хороший знаток военного дела. Он любил жизнь, любил людей. Добрая улыбка, казалось, не сходила с его лица. Михаил Павлович был из рабочих. Прожил он всего 36 лет. Ушел из жизни в расцвете лет. За беспримерные мужество и отвагу, проявленные в боях с японскими захватчиками, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 августа 1939 года ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. А приказом Народного комиссара обороны СССР, также от 5 августа, 11-й танковой бригаде было присвоено имя бесстрашного командира М. П. Яковлева.

В эти дни мы почти каждый час узнавали о новых беспримерных свершениях бойцов и командиров, которые били врага, не жалея сил, не щадя жизни.

Помню, комиссар рассказывал бойцам об удивительном подвиге, весть о котором облетела наши войска. Его совершил командир отделения связи Павел Елизарович Пономарев. Это был на редкость смелый и решительный воин. Вечером командир батальона поставил Пономареву задачу: с двумя бойцами отправиться в секрет с целью не допустить к нашим окопам японских разведчиков, которые иногда пытались проникнуть между сопками в наш тыл. На выполнение задания Пономарев пошел с красноармейцами своего отделения Власовым и Абросимовым. Они скрытно выдвинулись к назначенному месту, заняли позицию и замаскировались. Лежали тихо. Медленно текло время. Ни словом обмолвиться, ни покурить... И вдруг бойцы услышали подозрительный шорох. Японцы, - решил Пономарев и напряг зрение. Вскоре в темноте ему удалось различить большую группу солдат, осторожно ползущих в нашу сторону. Пономарев приказал открыть огонь. Японцы ответили. В завязавшейся перестрелке погибли Власов и Абросимов. Оставшись один, Пономарев продолжал сражаться. Однако силы были неравными. Врагу удалось ранить нашего воина, однако он и после этого не покинул своего поста. Вот его меткий выстрел сразил японского офицера, затем застыли без движения два вражеских солдата. Но остальные продолжали ползти к нему - слева, справа, с фронта. Отважный командир продолжал вести меткий огонь. Вот еще один японский солдат застыл на месте. Некогда Пономарев прицелился в следующего и нажал на спусковой крючок, винтовка отказала: в затвор попал песок. Он вскочил, преодолевая боль в ноге, бросился врукопашную. Штыком и прикладом он уложил еще двоих солдат.

Японцы на какое-то время опешили. Пономарев воспользовался их замешательством, схватил у убитого врага винтовку и патроны и тут же упал в ложбинку, однако вражеская пуля все же настигла его. Это ранение оказалось серьезнее, чем первое. И все же Пономарев продолжал драться до тех пор, пока враг не отошел.

Наутро наши бойцы-связисты подобрали героя. Он был жив. Его немедленно отправили в госпиталь, и врачи спасли его.

Забегая вперед, замечу, что через несколько недель храбрый связист вернулся в строй и снова принял участие в боях. За мужество и отвагу, проявленные в борьбе с японскими захватчиками, П. Е. Пономарев был удостоен звания Героя Советского Союза и награжден орденом Красного Знамени Монгольской Народной Республики.

Отразив все атаки противника, наши части с 13 июля прочно закрепились на занимаемых рубежах. Японцы, сильно измотанные

и истощенные боями, перешли к обороне. Наступило относительное затишье, которое продолжалось до 23 июля. По данным разведки, враг готовил новое, более крупное наступление, подтягивал и сосредоточивал силы в районе боевых действий.

Наше командование, заранее узнав о планах японцев, приняло ряд мер для отражения предстоящего наступления. Части, понесшие потери в боях, пополнялись личным составом, боевая техника приводилась в порядок.

Командующий войсками группы комдив Г. К. Жуков решил 14 июля отвести в тыл к озерам у к. Ахейн-Худук части, нуждающиеся в укомплектовании и отдыхе. Нашему полку с одной ротой 5-й пулеметно-стрелковой бригады, батареей противотанкового дивизиона и взводом огнеметных танков было поручено занять и прочно удерживать весь фронт обороны, который до этого занимали многие части. Поддерживала нас артиллерия двух полков.

Задача была, прямо скажем, не из легких. Требовалось прежде всего незаметно для противника занять позиции и организовать оборону на широком фронте. А сделать это не так-то просто.

Задачу ставил лично комдив Георгий Константинович Жуков. Он вызвал меня и комиссара полка на командный пункт группы, который находился на горе Хамар-Даба.

- Учтите, дело очень серьезное и ответственное, - сказал командующий. - Но я уверен, что справитесь с ним.

Полк хорошо сражался в минувших боях. Думаю, не подкачаете и теперь.

- Приказ будет выполнен, - заверил я.

У меня лично не было и тени сомнения в этом. Личный состав полка хорошо подготовлен, закален. Несомненно, он оправдывает доверие командования. Японцы смогут пройти к реке Халхин-Гол только по нашим трупам. Впрочем, конечно, это только в крайнем случае, и главное - выстоять и победить. Так я считал, так обещал и Г. К. Жукову.

Вернувшись с Хамар-Дабы, я сразу же пригласил своих ближайших помощников: решил посоветоваться с ними, как лучше выполнить поставленную перед нами задачу. Вместе прикинули, какому подразделению и где обороняться, какие кому средства усиления выделить. Словом, продумали все до мелочей. Потом вызвал командиров батальонов и отдал им приказ. Я уже говорил, что предстояло нам сложное дело. Участок по фронту большой. Как его прикрыть? Мы пришли к выводу, что оборону надо строить очаговую. На отдельных ключевых высотах

поставить отделение или взвод с ручными и станковыми пулеметами, чтобы промежутки между подразделениями надежно прикрыть огнем. Так и поступили. Естественно, все подразделения имели связь с командиром батальона. Кроме того, каждый командир батальона имел группу резерва от взвода до роты на автомашинах, которая выбрасывалась на тот участок, где, по данным разведки, японцы готовились атаковать. Это была нелегкая, но в то же время разумная организация обороны на широком фронте.

Кроме того, мы пошли еще на такую, если можно так сказать, хитрость. По моему приказу каждую ночь одно орудие и два пулемета на автомашинах курсировали вдоль фронта и вели огонь по врагу из разных точек. Тем самым мы создавали видимость, будто наша оборона густо насыщена огневыми средствами, что у нас хорошо организована система огня. Во всяком случае, мы на это рассчитывали, и, видимо, хитрость наша удалась. Как нам казалось, противник сделал вывод, что перед ним обороняются крупные силы советско-монгольских войск.

Все это позволило нам успешно выполнить задачу. Японцам нигде не удалось выйти к переправе на реке Халхин-Гол. А такие попытки они делали не раз. Вот одна из них...

15 июля большая группа пехоты врага при поддержке танков обрушилась на 3-й батальон капитана А. М. Акилова. Наши воины встретили японцев ураганным огнем. На какое-то время те замешкались, дрогнули. Но потом с криками банзай вновь ринулись на батальон и вновь напоролись на непреодолимый огонь наших воинов. Особенно метко разили врага пулеметчики 3-й пулеметной роты старшего лейтенанта С. М. Егорова. Десятки трупов валялись на поле боя.

Тогда враг решил обойти батальон с фланга. Командир батальона заметил это, и по его приказанию старший лейтенант Егоров перебросил туда несколько пулеметов. Грозные максимы ударили по обходящим подразделениям противника. В этом бою только пулеметчики 3-й пулеметной роты уничтожили до 100 самураев.

Большую помощь в отражении вражеских атак оказывали пехотинцам минометчики и артиллеристы. Когда на 9-ю стрелковую роту навалилась группа японцев (около 90 человек), на выручку ей поспешил артиллерийский взвод под командованием лейтенанта В. П. Звонарева. Буквально в упор артиллеристы расстреливали нападавших врагов, Лишь немногие из них остались в живых. Атака захлебнулась.

В очередном бою отличился минометный расчет отделенного командира Л. П. Потапова. А случилось это так. Отразив натиск

противника, наша рота перешла в контратаку. Неожиданно по цепи ударил хорошо замаскированный пулемет японцев. Леонид ясно увидел, что пулемет бьет из-за куста.

- По пулемету, прицел три, угломер... - скомандовал Потапов.
- Огонь!

Двумя выстрелами минометчики заставили замолчать огневую точку врага. В этот момент рядом с минометом разорвалась вражеская мина. Командир упал, наводчика взрывом отбросило в сторону. Потапов поднялся на ноги, окликнул наводчика. Тот с трудом встал.

- Жив?

- Жив...

- Значит, повоюем.

Наводчик снова припал к прицелу. А Потапов выискивал очередную цель. Ею оказалось скопление японцев. Мины точно легли в гущу врага. Не один солдат противника нашел себе могилу от огня минометчиков.

Мы, конечно, тоже не давали покоя врагу, наносили короткие, но чувствительные удары. Однажды танковое подразделение, кажется капитана Бубнова, получило задачу уничтожить врага, укрепившегося на высотах. Оценив обстановку, командир принял решение произвести ночную атаку. Силы противника были значительными. На занимаемых им высотах находились батальон пехоты, две батареи, Три противотанковые пушки и другие средства. Японцы хорошо укрепились и окопались в песчаных холмах и сопках. Выбить их можно было только внезапной атакой.

Дождавшись темноты, подразделение без единого выстрела двинулось в атаку. Водители искусно вели машины, не включая фар. Японцы слышали гул моторов только тогда, когда машины оказались от них на расстоянии 400 метров. Они открыли бешеный артиллерийский и пулеметный огонь. Ударили по врагу и наши танкисты. Меткими выстрелами из пушек и пулеметов экипажи уничтожили огневые точки врага, его противотанковые пушки и расстреляли окопавшихся солдат и офицеров противника.

В этом ночном бою японцы пытались прибегнуть к одному коварному приему. Несколько солдат, видимо смертники, замаскировались и стали поджидать наши боевые машины. Они подкрадывались к ним сзади или сбоку, чтобы поджечь их. Но этот прием врага предусмотрел опытный, не раз бывавший в боях командир. Перед атакой он приказал двум экипажам броневых машин двигаться уступом на 400 метров позади левого фланга своего подразделения и уничтожить самураев при попытке зажечь

или расстрелять наши танки сзади. Так те и поступили.

Смелой ночной атакой подразделение уничтожило противника и очистило от него высоты. Приказ танкисты выполнили почти без потерь.

Большой урон причинил врагу командир орудия комсомолец Д. П. Шашура. Искусно маневрируя на поле боя, он за пять дней, с 17 по 22 июля, уничтожил 3 противотанковые пушки, 8 автомашин, 6 пулеметов, 3 наблюдательных пункта и 2 блиндажа вместе с офицерами противника.

В ходе боев мы наладили четкое взаимодействие с артиллеристами, минометчиками, танкистами, саперами.

Японцы обычно наступали так. Учитывая необходимость отражения атаки наших танков, вслед за разведкой, впереди боевых порядков наступающей пехоты, ставили противотанковые пушки, крупнокалиберные пулеметы и команды противотанкистов, по 10 - 12 человек в каждой пехотной роте. Их снабжали противотанковыми минами на бамбуковых палках, бутылками, наполненными горючей смесью, и мешочками с сильно горящим порошком.

Зная тактику врага, мы сначала старались уничтожить противотанковые пушки, крупнокалиберные пулеметы и команды противотанкистов, а потом уже его пехоту и конницу.

Взаимодействуя с танками, мы поступали так. Впереди своих боевых порядков располагали станковые пулеметы и противотанковые пушки. Этим оружием мы уничтожали противотанковые средства японцев. Под прикрытием огня станковых пулеметов и пушек танки вместе с наступающей пехотой быстро переходили от одного укрытия к другому и, сблизившись с японской пехотой, решительным ударом уничтожали ее.

В общем, и в обороне мы не сидели сложа руки. Частенько отражали атаки врага. Если представлялась возможность, занимались боевой учебой, изучали технику, оружие, молодые воины совершенствовали свое мастерство. Активно велась в эти дни партийно-политическая работа, проводились партийные и комсомольские собрания, устраивались беседы. Конечно, за большой аудиторией не гнались. Соберется несколько человек, свободных от выполнения боевой задачи, и хорошо. Бойцам разъясняли обстановку, положение в мире и в нашей стране.

Широко практиковалась пропаганда боевого опыта. Бывалые воины, неоднократно участвовавшие в боях, рассказывали молодым, как действовать в обороне, наступлении, как владеть штыком, гранатой, как лучше укрыться от пуль, минометного и артиллерийского огня.

Партийно-политическая работа велась, естественно, по плану, исходившему из складывающейся обстановки. Но планы партийные и комсомольские организации составляли не более чем на два дня. К этому нас вынуждала сама обстановка, которая менялась ежечасно, а то и ежеминутно.

Впрочем, в период оборонительных боев жизнь полка несколько стабилизировалась, появилось время на решение самых разнообразных вопросов, в том числе и очень важных. Помню, как-то заглянул ко мне секретарь партийного бюро полка старший политрук Тимофей Митрофанович Пермяков и показал целую пачку бумаг.

- Вот, заявления... Обстановка трудная, а поток увеличился.

Я сразу понял, о чем идет речь. Секретарь партбюро показывал мне заявления красноармейцев и командиров с просьбами о приеме в партию. И прежде многие писали их перед трудными атаками, перед опасными заданиями. И были там как будто бы давно известные и знакомые, но всякий раз берущие за душу слова: ...Хочу идти в бой коммунистом. Или: Если погибну, прошу считать коммунистом!

- Что и удивительного, - ответил я. - Просто во время наступательных боев некогда было заявление написать... Но решение связать свою жизнь с партией, думаю, приходило окончательно именно тогда, когда бойцы наши смерти в глаза глядели... Перед атакой или в атаке, после рукопашной схватки или в разведке...

- Лучшие из лучших, - сказал старший политрук.

- Что и, будем рассматривать, - сказал я. - Дело хорошее, важное дело, а то ведь в боях поредели наши партячейки.

- Да, - с грустью и в то же время с гордостью сказал старший политрук. Коммунисты поднимались первыми. Первыми на себя и огонь принимали...

Чтобы не отрывать людей от выполнения боевой задачи, все документы для вступления в партию наши партийные работники оформляли в окопах. Тут же в окопах и на огневых позициях проводили они и заседания партийного и комсомольского бюро. Члены бюро приходили в окоп к бойцу, подавшему заявление, приглашали коммунистов или комсомольцев, которые участвовали с ним в бою, и решали вопрос о приеме в ряды ВКП(б) или ВЛКСМ.

Когда позволяла обстановка, заранее намечали день партийного или комсомольского собрания. Так как все коммунисты и комсомольцы не могли присутствовать, созывали делегатское собрание. О количестве делегатов с переднего края секретари договаривались с командирами, комиссарами, членами

бюро.

На заседаниях бюро, партийных и комсомольских собраниях тщательно разбиралось каждое заявление, строго соблюдался принцип индивидуального отбора в партию и комсомол.

В нашем полку за несколько дней июля подали заявления о приеме в партию 72 человека. Это говорило о высокой политической активности воинов, их безграничной преданности Родине.

В том, что бойцы и командиры проявляли такую высокую политическую активность, стремление быть коммунистами, немалая заслуга секретаря партийного бюро полка старшего политрука Тимофея Митрофановича Пермякова и секретаря комсомольской организации полка младшего политрука Тимофея Иосифовича Минтюкова. Они не только были хорошими организаторами и воспитателями, но и храбрыми бойцами. Много раз они участвовали в атаках, причем шли в цепи подразделений, увлекая воинов личным примером. Во время одного из боев младший политрук Минтюков находился в 7-й стрелковой роте. Бой был жестокий. Командир роты пал в той схватке. Тогда Минтюков взял командование на себя и повел подразделение в атаку. Задачи были выполнены.

Немало теплых слов хотелось бы сказать и в адрес тех, кто решил связать свою жизнь с ленинской партией. Я уже писал, что это были лучшие из лучших, мужественные, решительные, беспредельно преданные Родине воины. Таким запомнился мне и отделенный командир Д. С. Аверкин.

В ходе обороны мы вели усиленную разведку, добывали данные о противнике самыми разнообразными способами.

Как-то срочно потребовались нам точные сведения о системе обороны врага, его огневых средствах. Подобрали хорошую группу, старшим которой назначили комсомольца Д. С. Аверкина. Отделение его было передовым, бойцы все один к одному - крепкие, мужественные.

Сборы были недолгими. Перед тем как отправиться в дорогу, Аверкин тщательно проверил экипировку воинов. У каждого, кто идет в разведку, должно быть все хорошо подогнано, исправно, оружие действовать безотказно. Ведь малейшая случайность, малейший звук могут позволить врагу обнаружить группу, и тогда уже трудно рассчитывать на успех. Разведчики понимали это, к выходу на задание подготовились добросовестно.

Два дня подряд разведчики вели наблюдение за противником с разных точек, изучали его оборону. Тщательно оценив местность, выбрали подходящий участок, где можно проникнуть в тыл противника. Днем здесь изредка появлялись японцы, а ночью

местность они освещали ракетами. По всему чувствовалось, что тут легче всего подобраться к расположению противника.

И вот группа вышла на задание. Под покровом темноты она незаметно преодолела нейтральную зону. На осеннем небе в просвете облаков тускло светились одиночные звезды. Тишина. Лишь иногда то тут, то там раздавались пулеметные очереди, реже - одиночные выстрелы из орудий.

Осталась позади нейтральная зона, все шло по заранее разработанному плану. И вдруг впереди взмыла вверх ракета, разрезая ночную мглу, и тут же послышался недалекий окрик часового. Разведчики замерли, еще плотнее прижались к земле, ничем не выдавая своего присутствия. Через две-три секунды угас холодный свет ракеты. Но долго еще лежали бойцы без движения. Не зря же окликал кого-то часовой. Видимо, он заметил что-то неладное. Терпение, только терпение. Пусть он решит, что ему все только померещилось. Все было тихо, и группа вновь поползла вперед. Она незаметно просочилась в промежутке между взводными опорными пунктами врага и углубилась в тыл.

Несколько часов пробыли разведчики в расположении неприятеля, изучая его оборону и систему огня. Они собрали ценные данные. Занималась заря, пора было возвращаться обратно. Тем же путем группа направилась в свою часть. Стала пробираться между опорными пунктами. Вот уже и первые траншеи. И вдруг где-то совсем рядом ударил пулемет.

Зацокали пули. Аверкин понял, что разведчики обнаружены, понял, что, если не уничтожить пулемет, враг не даст выбраться отсюда живыми. Быстро оценил обстановку. Огневая точка японцев была надежно замаскирована, солдаты находились в хорошо оборудованных окопах. Укрываясь в складках местности, наши разведчики проворно поползли к огневой точке врага. Наконец, выбрав удобную позицию, они открыли огонь по японцам, однако окоп и укрытие надежно защищали врага.

Аверкин понял, что из винтовок пулеметчиков не достать, нужна граната. И он пополз дальше. 5, 10, 20 метров... Огневая точка совсем близко. Дмитрий достал гранату и, размахнувшись, резко бросил ее. Граната разорвалась около окопа. Пулемет замолчал. Однако через несколько секунд вновь заговорил. Японцы заметили воина. Над его головой хлестнула длинная очередь. Аверкин притаился, вжимаясь в землю, и не шевелился. Японцы решили, что с ним все кончено, и на некоторое время прекратили стрельбу. Аверкин тут же приподнялся и метнул вторую гранату. На этот раз она точно угодила в окоп, уничтожив пулемет вместе с расчетом.

Разведчики резким броском достигли японских окопов и

забросали их гранатами. Тут же стали отходить, пока враг не опомнился. Уже на нейтральной полосе Аверкин был ранен, но с помощью товарищей благополучно добрался до своих.

Разного рода задания приходилось выполнять, и каждый раз красноармейцы, командиры, политработники показывали высокие морально-боевые качества, воинское мастерство. Однажды нам срочно потребовался язык. Учитывая важность и ответственность поиска, я сам решил организовать его. Прибыл на командно-наблюдательный пункт командира роты лейтенанта Кузнецова. Поначалу все шло хорошо. Но как часто бывает, - нужно это или не нужно - за старшим начальником обязательно тянутся командиры рангом ниже, и в итоге создается большая группа, В условиях мирного времени это мешает работе, отрывает командиров от дела, а в боевой обстановке приводит к печальным последствиям. Противнику легче обнаружить большую группу людей и ударить по ней. Так было и на этот раз. На наблюдательном пункте вначале находились командир роты, наблюдатель и я с командиром взвода связи лейтенантом Искрой. Но нет. Началась разведка, и сразу из штаба полка потянулись ко мне, хотя им тут делать было нечего, полковой инженер, начальник химической службы и другие, даже полковой врач. Кто-то из них поставил на изгиб окопа, где мы находились, перископ и стал наблюдать за японцами. Те, конечно, заметили и, по-видимому, поняли, что обнаружили наблюдательный пункт начальника (да и действительно, командир полка - это не маленькая фигура), и открыли артиллерийский огонь. Сначала были недолеты, потом перелеты. Стало ясно, что враг взял нас в вилку и сейчас перейдет на поражение. Приказал немедленно оставить окоп и скрыться за ближайший бархан. Только мы это сделали, как японцы прямым попаданием вдребезги разнесли наблюдательный пункт командира роты. Своих помощников я тут же отослал обратно в штаб с соответствующим и довольно резким напутствием не ходить туда, куда не просят.

А разведка в тот раз закончилась успешно, пленный был захвачен.

18 июля наши войска, отдохнувшие и пополнившиеся личным составом, вновь вернулись в свои районы обороны. Мы передали позиции другим частям и занялись доукомплектованием и повышением боеспособности своих подразделений. Пополнение было кстати. В предыдущих боях мы потеряли немало командиров и политработников, особенно командиров взводов и рот.

Как я считаю, одной из причин потерь в комсоставе явилось то, что форма одежды командиров и политработников резко

отличалась от красноармейской. Сразу бросались в глаза светлые коверкотовые гимнастерки, темно-синие брюки и фуражки, ремни португее. Красноармейцы же имели защитное обмундирование: пилотки, стальные шлемы и личное оружие (винтовка или карабин).

Помню такой случай. Мне потребовалось пройти на передний край в одну из рот. Присоединился к группе красноармейцев, которая двигалась в том же направлении... Через несколько минут японцы открыли артиллерийский и минометный огонь. Пришлось броском преодолевать простреливаемое пространство. К счастью, потерь мы не имели. Когда добрались до места, я сказал в шутку красноармейцам:

- Ребята, с вами идти не очень выгодно, стреляют самураи. Лучше ходить в одиночку.

Но и они не остались в долгу. С присущим бойцам юмором один из них заявил:

- Товарищ полковник (после боев за Баин-Цаган мне было присвоено это звание), это еще надо подумать, кому выгодно, а кому - нет. Пожалуй, невыгодно нам. Когда мы шли одни, обстрела не было, а как только вы присоединились к нам, тут и началось. Вы вон какой разнаряженный, вас за километр видно.

Верно. Невооруженным глазом на расстоянии 400 - 500 метров можно вполне отличить по обмундированию командира от красноармейца. А в полевой бинокль тем более. Мои полковничьи треугольники, нашитые на обоих рукавах, и широкая красная полоса с золотым галуном были действительно далеко видны. Кроме того, у меня в то время были ордена Красного Знамени и Красной Звезды и медаль 20 лет РККА. Конечно, японцы заметили и это.

Тогда уже я сделал вывод, что во время боевых действий командир по внешнему виду не должен резко отличаться от бойца. Ему надо иметь такую же форму одежды и скромные знаки различия. Вывод-то напрашивался сам, а вот учесть горький опыт мы смогли лишь в годы Великой Отечественной войны. А тогда неоправданно гибли командиры.

Часто командиры гибли и из-за безрассудной храбрости, а то и несоблюдения требований уставов. В мирное время командиры учили бойцов окапываться, маскироваться, но сами этого зачастую не делали. Даже когда проводились большие учения, когда уже и командиры учились действиям в бою, а не только солдаты. Но ведь и тогда от командиров слабо требовали, чтобы они делали все то, что положено на войне. В боях такое упущение сказалось. Когда в ходе наступления противник огнем прижимал подразделения к земле, бойцы сразу зарывались, а некоторые

командиры не делали этого. И, случалось, гибли...

Мы были рады пополнению. Пока не было боев, молодые командиры входили в курс дела, набирались опыта. Впрочем, бои местного значения, как их потом стали называть, происходили почти непрерывно.

Справа от нашего полка оборонялся полк 82-й мотострелковой дивизии. Командовал им майор И. А. Судак. Левый фланг этого полка проходил по высоте, которая давала возможность просматривать глубину боевых порядков как наших, так и японских. Боюсь сказать точно, в чем дело - то ли неудачно была организована оборона высоты, то ли на ней было мало личного состава, - но японцы выбили оттуда подразделения майора Судака и заняли высоту. Попытки отбить ее успеха не имели.

Командующий армейской группой комдив Г. К. Жуков приказал моему полку восстановить положение и занять высоту. Я поставил эту задачу батальону капитана Акилова. Смелой атакой батальон занял сопку. Командующий приказал передать ее полку Судака, что и было сделано. Прошли сутки, и высота снова оказалась у японцев. Последовал вторичный приказ в адрес полка взять высоту. Я не совсем тактично ответил Жукову: мол, высоту полк возьмет, но Судаку отдавать не будет. Командующий сделал мне замечание за дерзость и тут же спросил:

- Почему вы не хотите отдать сопку соседу?

- Что же это получается, товарищ командующий, наш полк будет брать ее, а Судак обратно японцам отдавать? Поэтому разрешите взять ее нам и не отдавать ему.

Жуков засмеялся, но с предложением моим согласился.

- Ну что и, будь по-вашему, - сказал он.

На этот раз высоту взять оказалось труднее. Японцы сразу укрепились на ней: ведь она была ключом к нашей обороне.

После короткой артподготовки батальон бросился в атаку. Японцы встретили наступающих плотным огнем и прижали их к земле. Положение создалось критическое, атака могла сорваться. Тогда поднялся во весь рост политрук батальона (я, к сожалению, забыл его фамилию) и с возгласом За мной, товарищи! Ура! ринулся вперед.

Бойцы словно ждали этого клича. В едином порыве они устремились вслед за товарищем. Политрук первым ворвался в траншею врага и начал огнем и прикладом крошить врага. Завязалась жаркая рукопашная схватка. Не выдержав натиска советских воинов, японцы поспешно оставили первую, а затем и вторую траншею. Высота была взята.

Но враг не хотел мириться с потерей важной позиции.

Опомнившись от внезапного удара, перегруппировав силы, он перешел в контратаку. Пехоту поддерживали танки. Враг численно превосходил наших воинов. Но они не дрогнули, смело приняли бой. По танкам ударила подоспевшая артиллерия, пулеметчики открыли огонь по живой силе, отсекая ее от неприятельских машин. Один танк устремился на окоп политрука. Он мигом упал на дно, бронированная машина пронеслась над ним. Политрук тотчас высунулся из окопа и в упор стал расстреливать набегавших врагов. Несколько японцев уничтожил отважный воин, не отступив ни на шаг.

Атака противника захлебнулась. Батальон прочно удерживал высоту. На ней мы создали надежную оборону. Несколько раз потом противник пытался захватить ее, но ни одна его попытка не увенчалась успехом. Он понес немалые потери и в конце концов прекратил эти бесплодные попытки.

Война - это не только атаки и контратаки, огонь и смерть. Разные случаи бывают в боевой обстановке. Происходят события, прямо скажем, курьезные.

В период так называемого затишья (так называемого потому, что стычки с японцами происходили чуть ли не постоянно) мой наблюдательный пункт находился на небольшой сопке, которая почти не выделялась на местности. Вблизи него были поставлены четыре, установки спаренных зенитных пулеметов (станковый пулемет максим со специальным прицелом) и две пушки. Они обеспечивали надежную охрану НП.

Однажды ночью - а ночь выдалась темная - командир одного расчета оставил у орудия наблюдателя, а остальным бойцам разрешил тут же рядом поспать. От моего наблюдательного пункта эта пушка находилась в пределах 25 - 30 метров. Так что было видно и слышно все, что там происходило.

В ту ночь я, по обыкновению, не спал. Учитывая то, что японцы часто по ночам атакуют, я обычно отдыхать ложился на рассвете, после того как меня подменял начальник штаба или заместитель по строевой части.

Находясь в окопе с лейтенантом Искрой и связными (в ночное время они всегда были при мне), мы вдруг услышали громкий крик: Японцы! Тут же схватились за гранаты и приготовились к бою. Но вместо выстрелов тишину ночи разорвал дружный хохот. Смеялся весь орудейный расчет. Пошел туда - выяснить, в чем дело.

- Что у вас тут происходит? - спрашиваю командира орудия.

- Ничего особенного, товарищ полковник.

И он рассказал, что, оставив наблюдателя, через 30 - 40 минут решил проверить, как тот несет службу. Оказалось, что

боец сидит на станине и, положив голову на казенную часть пушки, дремлет. Командир орудия схватил его обеими руками за бока и негромко сказал: Каля-малы. Красноармеец с перепугу и спросонья подумал, что прорвались японцы, и поднял крик.

Невольно сдерживая смех, я спросил воина:

- Зачем же вы так громко кричали?

- Хотел предупредить об опасности.

Я отчитал незадачливого наблюдателя, разъяснил ему, что так службу нести нельзя.

- Пока объявляю замечание, но, если еще раз повторится подобное, накажу со всей строгостью. Вы поняли меня?

- Понял, товарищ полковник.

Поговорив с бойцами, вернулся на свой наблюдательный пункт. У орудия еще долго не смолкал негромкий разговор. По-видимому, сослуживцы воспитывали провинившегося.

Как в период боевых действий, так и в дни относительного затишья командиры и политработники строго следили за тем, чтобы личный состав снабжался всем необходимым для боя и жизни. Как ни трудно приходилось, а войны ежедневно получали горячую пищу, были обеспечены водой. Каждую неделю личный состав мылся в бане. Разумеется, баня была полевая. Мы поставили душевые установки в кустарнике, у реки Халхин-Гол. В них и мылись солдаты. Им выдавалось после этого нательное белье и портянки, чистые носовые платки и два белых подворотничка на неделю, папиросы из подарков, которые нередко присылали нам шефы.

Мыться в баню красноармейцы ходили по очереди, прямо с передовой, как правило по отделениям. Японцы обнаружили наши душевые установки и однажды открыли по мывшимся в бане артиллерийский огонь. Нашему полку тогда было придано два отдельных артиллерийских дивизиона. Я спросил у начальника артиллерии, засечены ли наблюдательные пункты японцев, в особенности артиллерийские, и через какое время можно открыть огонь. Тот ответил:

- Цели засечены, товарищ полковник. Огонь можно открыть через три - пять минут.

- Тогда дайте пятиминутный огневой налет по артиллерийским наблюдательным пунктам и огневым позициям артиллерии противника.

Наши дивизионы вскоре открыли огонь. Выстрелы, видимо, были точными. Японцы получили хороший урок.

Однако и мне досталось... Командующий сделал крепкое внушение и предупредил, чтобы я экономнее расходовал снаряды.

В этот период активизировалась японская авиация. Вражеские

самолеты нередко налетали и бомбили боевые порядки войск. Однажды командный пункт нашего полка атаковали сразу несколько десятков японских самолетов. Бомбили нас долго. Видно, перед японскими летчиками стояла задача сровнять с землей пункт управления нашей части.

Когда же наконец все стихло и я в большой тревоге выбрался из своего окопа, ожидая увидеть ужасающую картину, сразу заметил, что то там, то здесь из укрытий поджигаются люди, приводя себя в порядок и осматриваясь. На лицах командиров и красноармейцев не было и следов паники. А ведь в каком аду побывали!

Я приказал начальнику штаба:

- Срочно выясните понесенный нами урон и доложите мне.

Сам же пошел вдоль траншеи. Кто-то звал санинструктора, но он почему-то не откликнулся. Его стали искать и нашли заваленного землей в окопе. Раскопали быстро, он тут же пришел в себя и спросил:

- Раненые есть?

Оказалось, что ранены осколками бомб три красноармейца. Больше потерь не было.

Вскоре это и начальник штаба подтвердил. Сообщил он и о том, что нет повреждений оружия и боевой техники, вот только погибла машина с сигнальными ракетами.

- Фейерверк был жуткий, - прибавил он.

- Ну ничего, без ракет переживем, - заключил я. - В крайнем случае пока у соседей займем.

Понятно, когда подсчитали потери, я успокоился. Можно сказать, мы отделались легко. А почему? Да потому, что серьезно относились к устройству и оборудованию укрытий с самого начала. Требовали от бойцов и командиров очень строго. В результате и окопы и щели были у нас надежными и хорошо укрывали при налетах и артобстрелах.

Авиация противника серьезно беспокоила нас только в первые дни относительного затишья, а потом командование группой приняло меры, и в район боевых действий прибыли наши замечательные асы, которые вскоре лишили японцев превосходства в воздухе. Да, то действительно были отважные соколы нашей Родины. Они блестяще пилотировали самолеты, мастерски вели воздушные бои.

Теперь наши летчики не давали спокойно жить японцам. Они регулярно бомбили их боевые порядки, разрушали оборону, выводили из строя живую силу врага. Ну и конечно, хорошо помогали нам, надежно защищая с воздуха от ударов японской авиации. Но и мы, пехотинцы, иногда выручали их.

Однажды завязался воздушный бой над нейтральной полосой. Мы с волнением наблюдали за тем, как сражались наши соколы, и переживали за них. Кое-кто даже кричал, подбадривая летчиков, будто они могли услышать. И вдруг наш самолет свалился на крыло и пошел к земле. В воздухе раскрылся парашют. Летчик приземлился в нейтральной зоне, далеко от наших окопов. Мысли у всех были одни: как помочь ему? Ведь японцы, конечно, попытаются взять его в плен или убить. И тут мимо командного пункта проскочила машина. То была водовозка нашего полка. Управлял ею шофер красноармеец Фетисов. Он ежедневно, несмотря на обстрел, подвозил батальонам воду. Когда был сбит самолет, Фетисов оказался в районе переднего края. Проскочив наши окопы, он устремился к месту, где приземлился летчик. Японцы открыли огонь. Но это не остановило храброго воина. Он на полной скорости подъехал к летчику, притормозил, выскочил из машины и подобрал его. Бойцы из ближайших окопов прикрыли машину огнем. Фетисов благополучно вернулся обратно. За совершенный подвиг красноармеец Фетисов был награжден орденом Ленина. Готовя представление, мы учли и то, что и в повседневной боевой жизни он показывал мужество и отвагу, бесперебойно под огнем врага обеспечивал водой личный состав. Когда поступил в полк указ о награждении, Фетисов пришел ко мне и сказал:

- Товарищ полковник, не пойму, за что мне дали орден? Я всего-навсего водовоз. Вернусь домой, меня спросят: За что орден получил? Отвечу: Воду возил. Наверное, смеяться будут.

- Все верно, товарищ Фетисов. Наградили вас заслуженно, и прежде всего за то, что вы спасли жизнь советского человека, летчика. За то, что вы сами были всегда настоящим человеком, храбрым и смелым воином. А разве вы не заслужили награду за то, что под огнем своевременно обеспечивали водой полк, спасали бойцов от жажды, укрепляли их боеспособность. Думаю,

что вам будет о чем рассказать, когда вернетесь в родную деревню.

- Понял, товарищ полковник.

- Ну и хорошо. Кстати, своим односельчанам можете рассказать и о том, как однажды не выполнили мою просьбу, - прибавил я о улыбкой.

Фетисов засмеялся. А дело было так. Привез он воду на командный пункт в очень жаркий день. Вода перед употреблением хлорировалась (не очень приятной она была на вкус после этого). Ну я и попросил Фетисова, чтобы налил мне кружку без хлора. А он: Товарищ полковник, не могу этого сделать, хоть приказывайте, а не могу. А вдруг вода испорченная. Вот я сейчас опущу в цистерну таблетки, подождем, когда они растворятся, тогда - пожалуйста. Так и не налил.

- Ну что? Было такое?

- Было. Иначе я поступить не мог, - ответил воин. - А вдруг бы вы заболели? Кто виноват? Да и не в том дело - кто виноват. Полк остался бы без командира.

- Пожалуй, вы правы. Действуйте так и впредь, - сказал я.

- Буду стараться.

Прошло два или три дня. Фетисов подвез к штабу воду и попросил разрешения прийти ко мне.

- Ну, что стряслось? - спрашиваю его,

- Товарищ полковник, в том районе, где мы берем воду, я сегодня в тальнике обнаружил два трупа японских солдат.

- И что же ты с ними сделал?

- Вытащил и закопал на берегу.

- А как же воду теперь будем пить, она, наверное, отравлена.

- Нет, набрал воды вверх по течению, а трупы были ниже. Я хочу вам сказать, чтобы все за этим следили.

- Обязательно доведу до сведения командиров.

Каких только историй не происходило в те дни - и горьких, и радостных, и смешных. Война войной, а жизнь продолжала идти своим чередом. Как-то к нам в полк прибыл начальник продовольственного снабжения армейской группы. Приезд его для меня был неожиданностью. Оказывается, командующий группой Г. К. Жуков приказал ему побывать в частях на переднем крае обороны и поинтересоваться, как питается личный состав, как обеспечен и какие у людей пожелания и просьбы. Естественно, это тронуло меня. Значит, командующий все время помнит о нас. Такая забота всегда поднимает настроение. А начпроду я сказал:

- Доложите командующему, что мы всем обеспечены, люди питаются нормально, жалоб нет. - Потом, улыбнувшись, добавил:

- Если интересуетесь моей личной просьбой, то хотел бы выпить бутылку холодного пива. Конечно, докладывать об этом не надо, это только шутка. Выпил бы пива с удовольствием. Ведь, кроме теплой воды, да еще хлорированной, и горячего чая, ничего не видим. Пошутили, побеседовали.

- А теперь, - говорю начпроду, - возвращайтесь на командный пункт группы в Хамар-Даба. Скоро японцы начнут вести огонь по переправе. Они это делают каждый день. Как бы и нам не попало.

Едва произнес эти слова, началась сильная стрельба. Японцы пошли в очередную ночную атаку. Наши подразделения открыли сильный огонь. Вижу, начпроду явно не по себе. Этого он не мог скрыть. А тут еще противник стал обстреливать переправу. Начпрод совсем растерялся, недоуменно поглядывает на меня.

- Успокойтесь, ничего страшного нет. Возвращайтесь в Хамар-Даба через вторую переправу. В ночное время она не обстреливается.

И он уехал. Позднее я узнал, что, вернувшись на КП, он доложил все, как было, как его приняли в 24-м полку, не утаил даже о том, что было страшновато.

- Удивительно, - сказал он, - красноармейцы и командиры чувствуют себя на переднем крае как дома.

Такие честные, открытые люди всегда вызывают симпатии, а боевой опыт со временем обычно приходит.

И кто только не бывал в нашем полку, пока мы сидели в обороне! Часто наезжали работники штаба и политотдела армейской группы. Нередко навещали корреспонденты газеты Героическая красноармейская. Однажды приехали писатели Л. Славин, В. Ставский и другие, которые в то время работали в армейской газете. Они попросили меня провести их на передний край, показать оборону японцев. Хотели видеть все своими глазами, а потом написать.

- Правильно, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, - согласился я.

- А мы не только хотим увидеть, но и кое-что от вас услышать. Тогда будет полное представление, - сказал в ответ Ставский. - Люди у вас храбрые, вам есть что рассказать о них.

- Чем могу - помогу.

Надо отметить, что корреспонденты нашей армейской газеты были смелыми людьми. Все время стремились попасть туда, где жарче. Лезли в самое пекло. Приходилось даже удерживать их. Но именно благодаря их смелости наша славная Героическая красноармейская быстро доводила до личного состава войск группы события на Халхин-Голе. Сегодня кто-то совершил подвиг, а завтра он уже известен всему фронту.

И на сей раз писатели хотели попасть обязательно на передний край. Но необходимости в этом не было никакой, зато риск был большим. Вот я и решил, что незачем их вести туда. Что они там увидят? Барханы? А барханы всюду одинаковы. Поэтому мне не хотелось рисковать жизнью товарищей, в то время известных писателей и журналистов. Сказал, что идем на передний край, а привел их во второй эшелон полка. Перед выходом предупредил, конечно, что надо быть осторожными, соблюдать маскировку. Хотя мы пойдем по траншеям и окопам, все равно не надо поднимать голову. Останавливаться и смотреть в сторону врага только по моему знаку. Тут я уже не шутил. Японцы со своих наблюдательных пунктов действительно просматривали некоторые участки нашего второго эшелона. До беды недалеко. Надел на писателей стальные шлемы, форму менять не потребовалось: были они все в защитной красноармейской. Сам стальной шлем не надел. Не мог этого сделать, потому что на голове у меня образовались нарывы результат укусов moskitov.

Следует сказать, что в период боев у реки Халхин-Гол врагом номер два, в особенности ночью и в безветренную погоду, для нас были москиты. Японцы, которые, готовясь к операции, учли эту мелочь, имели специальные сетки, которые надевали на голову. У нас сеток не было, и москиты доставляли нам много неприятностей, вызывая своими укусами страшный зуд. Ночами мы не могли отдохнуть как следует. Меня москиты прямо-таки изуродовали. Голову пришлось забинтовать, только пилотку и можно было надеть.

А писатели вначале заупрямились: почему это, мол, они должны идти в стальных шлемах, а я - нет. Узнав, в чем дело, согласились со мной. Итак, корреспондентский поход по рубежу тыловой обороны начался. Мои спутники точно выполняли указания, которые им были даны, не поднимали голову, кроме мест, где я останавливался и предлагал им посмотреть на японскую сторону. Они все старательно записывали, только иногда удивлялись, почему же японцы так плохо маскируются? Видно, как они ходят по окопам.

- Это недостаток врага, и мы им пользуемся, - сказал я. - Они, видимо, были удовлетворены ответом.

Когда вернулись обратно на командный пункт, я чистосердечно рассказал, где мы побывали.

- Друзья мои, не обижайтесь, не хотел подвергать вас риску, да и нужды в этом не было никакой. Потому провел я вас по окопам своего второго эшелона. Но показал вам самое главное и интересное. К тому же вы поговорили с бойцами и командирами.

Сначала они обиделись, потом долго смеялись, острили, но под конец попросили, чтобы я им все же показал японские позиции, иначе у них не будет полного впечатления. Провел их на одну из высот, где находилась пулеметная рота, которой командовал старшина Г. Доля. Отсюда они увидели вражескую оборону и остались очень довольны. Наш корреспондентский поход по окопам в тылу и на переднем крае окончился благополучно.

Раз уж я упомянул старшину Григория Долю, хочу рассказать о нем поподробнее. В одном из боев погиб командир пулеметной роты. Доля взял командование на себя. Он умело расположил пулеметы, четко поставил задачи. Враг несколько раз атаковал наши позиции, но не продвинулся ни на шаг. Поскольку старшина блестяще справился с обязанностями командира роты, по моему представлению его назначили на эту должность. Он горячо взялся за дело. Рота по-прежнему героически дралась с японцами.

Однажды встречаю Долю и не узнаю его: он или не он? Вроде бы он, но с бородой.

- У вас что, Доля, бритвы нет, чтобы побриться? - удивленно спрашиваю его. - Вы же теперь командир роты, пример всем бойцам и командирам должны показывать. А вы так заросли. Нехорошо.

- В том-то и дело, товарищ полковник, что я стал командиром роты, а солидности не хватает для этого. Отпустил бороду, - ответил он. - А то бойцы слушаться не будут, скажут, мальчишка какой-то. А сейчас уважают.

- Значит, говорите, для солидности отрастили? - усмехнулся я.

- Только для этого.

- Ну, раз так, тогда носите.

Уважали Григория Долю не за бороду, конечно, а за мастерство, храбрость и большую человечность. По моему ходатайству ему было присвоено звание младший лейтенант. Он продолжал командовать ротой. Я всегда был спокоен: там, где стоят пулеметы Доли, враг не пройдет.

Впоследствии Григорий Доля вспоминал так о боях на Халхин-Голе:

Третьего июля 1939 года на горе Баин-Цаган мы вступили в бой с японцами. Это был день нашего боевого крещения.

Трудно в жаркую погоду двигаться с пулеметами. К тому же нам мешал сильный артиллерийский огонь противника. Меня и некоторых товарищей несколько раз засыпало землей. Но мы продолжали упорно идти вперед. Артиллерийский огонь все

усиливался. Вскоре я научился определять по жужжанию и свисту снарядов их направление. Говорил товарищам: это перелет, это недолет, а теперь ложись, пока не поздно.

Взвод уже достиг передней линии. Японцы нас заметили и открыли сильный пулеметный огонь. Тогда скрытыми подступами, используя самые мелкие складки местности, я выдвинул вперед на удобную позицию два пулемета. Мы начали стрельбу. Но тут один пулемет замолчал. Наводчик Якушев докладывает, что заклинило. Какая досада! Я находился метрах в трех от этого пулемета. Осторожно подполз, устранил задержку и тут же сам открыл огонь. Через короткое время мы заставили противника замолчать.

...На поле боя было тихо, шла лишь незначительная перестрелка. Вдруг послышалось воющее жужжание японских истребителей. Они летели прямо над нашими головами и обстреливали нас из пулеметов. Но мы так укрылись, что ни одна вражеская пуля не причинила нам вреда.

Потом из щели вылез командир роты. Он приказал наступать на гору Баин-Цаган, на японцев, зарывшихся в песок.

Местность была ровная. Солнце стояло еще высоко, и огонь противника мешал нашему продвижению. Больше километра пришлось проползти на коленях и на животе. Но вот солнце стало уходить за сопки. Скоро на западе осталась только широкая красная полоса. Потом она постепенно слилась с потемневшим небом. Наступила ночь, темная монгольская ночь. Теперь японский огонь стал прицельным. Мы продвинулись еще вперед и оказались на передней линии. Стало еще темнее. Только посылаемые пулеметами трассирующие пули - красные со стороны противника и светлые с нашей стороны - со свистом летели в черноту ночи. Противник несколько раз бросался в контратаки, но все они оказались безрезультатными. Примерно около двух часов ночи мы подобрались к японцам метров на двадцать.

Я находился справа от командира батальона старшего лейтенанта Кожухова бесстрашного командира, впоследствии героически погибшего. На долгие годы мы сохраним память об этом храбром человеке. Большой и сильный, он поднялся во весь свой рост и крикнул: За Родину!

У пулеметов остались одни лишь наводчики. Все остальные с криком ура бросились в атаку за своим командиром. Вокруг нас взрывались гранаты.

Наши пулеметы прекратили огонь. Мы пробежали двадцать метров в одно мгновение. Но вот кончились патроны. И тут, как назло, налетел офицер, размахивая длинным клинком.

Защищаться мне нечем. Мгновенно в голову пришла мысль: ведь лопатой тоже можно бить врага. Быстро вытащил лопату и подставил под клинок. Не успел офицер нанести мне удар, как сбоку один из наших бойцов вонзил в него штык. Офицер с криком упал на землю. Я схватил его винтовку, и вместе с этим красноармейцем мы закололи еще двух японцев. Я до сих пор жалею, что в темноте и горячке боя так и не узнал фамилии товарища, спасшего мне жизнь.

Вокруг слышались стоны раненых японцев. Атака кончилась.

Небо на востоке побелело. Начинался новый день. Когда стало совсем светло, мы увидели результат своей ночной работы. Гора Баин-Цаган была завалена трупами японцев. Вдоль реки стояли брошенные японцами машины. Так кончилось сражение, названное Баин-Цаганским побоищем.

Я довольно подробно останавливаюсь на рассказе Григория Доли потому, что он дополняет общую картину боев тех дней, о которых я пишу.

В годы Великой Отечественной войны мне довелось встретиться с Григорием Долей. Он был уже майором, командовал батальоном, и, как мне рассказали, командовал хорошо...

Во второй половине июля все явственнее становилось, что урок, преподанный японцами на горе Баин-Цаган, не пошел им впрок, хотя и обошелся дорого. Враг готовился к новому, более крупному наступлению.

Войска группы, и в частности наш 24-й мотострелковый полк, тоже готовились как следует встретить врага и проучить его более основательно. Теперь и сил у нас было побольше, и опыта прибавилось.

Со дня на день мы ждали удара противника. Ждали и деятельно готовились к его встрече. И как всегда, большую работу вела армейская печать. Она пропагандировала опыт бывалых воинов и лучших подразделений, учила солдат и

командиров тактике оборонительного и наступательного боя, умению владеть штыком и гранатой, искусно окапываться и маскироваться. Словом, армейская печать явилась хорошим боевым помощником командиров и политработников в мобилизации личного состава на отличное выполнение боевых задач.

23 июля 1939 года армейская газета Героическая красноармейская опубликовала обращение командиров, политработников и бойцов 24-го мотострелкового полка ко всем воинам. Привожу его текст полностью, поскольку, на мой взгляд, он представляет интерес для читателей, показывает высокий

моральный настрой бойцов и командиров полка, их преданность Родине и ненависть к врагам.

Клятва Федюнинцев

Ко всем красноармейцам, командирам и политработникам района боевых действий

Обращение командиров, политработников и бойцов части тов. Федюнинского

Дорогие товарищи!

Советское правительство, большевистская партия доверили нам большую, ответственную и вместе с тем почетнейшую задачу - охранять границы дружественной нам Монгольской Народной Республики, разгромить и уничтожить банды японских провокаторов войны.

Никогда не удастся японским империалистическим хищникам захватить Монголию и превратить ее в плацдарм для нападения на советское Забайкалье, Сибирь и Дальний Восток! Защищая границы Монгольской Народной Республики, мы защищаем границы нашей любимой цветущей социалистической Родины. Победно борясь с японскими авантюристами в районе реки Халхин-Гол, мы боремся за сохранение мира во всем мире.

Товарищи!

С начала боевых действий советско-монгольские войска нанесли немало ударов японским захватчикам. Японцы потеряли более 200 самолетов, не одну тысячу убитыми и ранеными. Советско-монгольские войска били, бьют и будут бить японскую гадину в любых условиях и положениях.

Но враг неистово зол и коварен. Он не сложил оружия и не сложит его до тех пор, пока ему не будет нанесен полный разгром. Так было в 1922 году, когда Красная Армия изгнала интервентов с территории Дальнего Востока. Так было в 1938 году у озера Хасан.

Нет сомнения, что и сейчас, несмотря на огромные потери, японские империалисты сделают новые провокационные вылазки, сделают не одну попытку прощупать мощь, силу и стойкость наших войск. Об этом говорят неоднократные, но безуспешные попытки пьяных японских банд атаковать наши позиции. Об этом говорят факты подтягивания к фронту новых японских частей. Нужно зорко следить за всеми махинациями противника, ибо махинации врага могут быть самыми неожиданными.

Вот почему мы бросаем боевой клич всем бойцам: еще сильнее громить врага, уничтожать его до конца.

Мы в течение вот уже более 20 дней непрерывно находимся на передовой линии, мужественно и непоколебимо защищая свои рубежи. Мы десятки раз находились в боях. Бывают дни и ночи,

когда ходим по 3 - 4 раза в атаку. В этих боях выросли, закалились герои-богатыри Красной Армии, которые являются гордостью, золотым боевым фондом наших рядов. Опыт тт. Люкшина, Завьялова, Кожухова, Ромашова, Третьяка, Егорова, Мыльников, Красноштанова, Макарова, Кабанькова и многих других стал достоянием всех красноармейцев, командиров и политработников. С такими командирами и политработниками, как наши боевые старшие товарищи, мы в любой миг сотрем в порошок заклятого и коварного врага.

В ваших сердцах горит неугасимая ненависть к подлым японским захватчикам. Разгромить до конца врага - вот наша боевая задача, наш большевистский долг перед Родиной. Для успешного выполнения этой задачи партии и правительства мы должны:

- В любую минуту и в любых условиях иметь наготове весь личный состав, все виды оружия для нанесения смертельного удара японской гадине.

- Совершенствовать все приемы ближнего боя, особенно в ночных атаках. Ночью брать японца на штык. Удешагерить бдительность днем и ночью. С величайшей зоркостью нести службу в ночных дозорах и полевом карауле.

- Еще более совершенствовать взаимодействие системы огня всех видов оружия. Ежеминутно быть готовыми совершить боевой, уничтожающий японца маневр.

- Всегда иметь постоянно действующую боевую разведку, являющуюся нашими глазами и ушами в бою.

- Всегда иметь подготовленные днем данные для стрельбы из артиллерии и пулеметов в условиях ночных действий.

- Всегда иметь хорошо организованную боевую охрану своих флангов.

- Крепить железную воинскую дисциплину.

Выступая на страницах нашей газеты Героическая красноармейская с призывом ко всем бойцам района боевых действий от имени и по поручению всех бойцов, командиров и политработников, мы говорим: еще раз клянемся перед советским народом, нашим Правительством, нашей Большевистской партией, что огненные слова принятой нами военной присяги мы выполняем и будем выполнять с честью и достоинством советских граждан до полной победы над врагом. Интересы нашей Родины для нас дороже всего.

За Родину! С этим лозунгом мы идем в бой и побеждаем японских империалистов. С этим лозунгом мы нанесем смертельный удар японской гадине.

По поручению бойцов, командиров и политработников

подписали Богатов Н. Т., Антипин В. Ф.,
Кондаков В. К., Дощечников П. П.,
Васильев И. С. и другие (всего 43 подписи).

Обращение, несомненно, сыграло воспитательную роль, подняло боевой дух воинов частей и подразделений. И когда враг перешел в наступление, они достойно встретили его. А перешел он в наступление в тот же день...

Утром 23 июля японцы начали сильную артиллерийскую подготовку. На передний край нашей обороны и район артиллерийских позиций обрушился шквал огня. Это продолжалось довольно долго. Наши артиллеристы пока молчали, чтобы не выдать свои огневые позиции. Личный состав полка надежно укрылся в траншеях, щелях и блиндажах. И в это время не один боец, наверное, добрым словом вспоминал своих командиров, которые требовали поглубже зарываться в землю, покрепче делать укрытия.

В 9 часов на южном участке противник перешел в атаку, стремясь прорваться через наши боевые порядки к переправе на Халхин-Голе. На северном участке артиллерийская подготовка еще продолжалась. Атаку японцы начали здесь в 10 часов 30 минут. Неодновременность атаки была нам на руку. Это давало возможность нашей артиллерии маневрировать огнем и наносить удары по противнику сначала на южном участке, а затем и на северном. Советские артиллеристы метко били по обнаруженным артиллерийским позициям врага, уничтожали огневые точки и пехоту, перешедшую в атаку. От непрерывных выстрелов и разрывов дрожала земля. От неистового шума звенело в ушах. Не слышно было голоса стоящего рядом человека.

Как только японцы перешли в атаку, наши бойцы выскочили из своих укрытий в траншеи и открыли по атакующим цепям плотный ружейно-пулеметный огонь. Ряды противника сразу стали редеть. Вот упал ничком один, за ним - второй, третий... двадцатый...

Японцы замедлили темп движения, но продолжали упорно лезть вперед. Большая группа под прикрытием двух пулеметов атаковала 1-й взвод 3-й стрелковой роты. Командир минометного расчета отделенный командир К. Д. Емельянов обнаружил огневые точки врага. Он быстро определил до них расстояние и подал команду на открытие огня. Первая мина разорвалась впереди пулеметов противника. Недолет. Емельянов ввел поправку в прицел. Вторая мина упала чуть правее. Вновь поправка - и японский пулемет разбит вдребезги.

Всего две мины потребовалось расчету, чтобы уничтожить второй вражеский пулемет.

Так же умело разил противника пулеметчик И. М. Гомзяков. В течение длительного времени он сдерживал натиск большой группы японцев, давая возможность взводу отойти на более выгодную позицию. Воин получил ранение, но не оставил поля боя.

В воздухе появились вражеские бомбардировщики. Наши зенитчики встретили их плотным огнем. Задымился и пошел вниз один самолет, однако остальные начали заходить на цель, готовясь сбросить на наши позиции смертоносный груз. И тут на них налетели наши славные ястребки. Они смело ринулись на врага, заставив его ретироваться с поля боя.

Атака противника захлебнулась. Но она была не последней в тот день. Еще дважды пытались японцы прорваться к переправе. Однако это им не удалось. Наступила короткая передышка. Понемногу спадала жара. Бойцы с удовольствием вдыхали чуть-чуть остывший воздух. Вечерело. На землю спускались сумерки. Где-то раздалась очередь пулемета, в небе вспыхнула ракета, и опять - тишина. Но эта тишина ненадолго. Мы знали, что ночь не будет спокойной.

Вот в воздух взлетели красные, синие и зеленые ракеты. Значит, начинается очередная атака врага. Японцы открыли пулеметный и минометный огонь, слышались пьяные крики банзай. И вдруг стало светло как днем. Над передним краем взвились сотни ракет, пущенных нашими бойцами. Мы увидели густые цепи японцев, двигавшиеся на нас. И мигом ожива вся оборона: загрохотала артиллерия, застрочили пулеметы, полетели гранаты.

Особенно метко била по врагу полковая батарея под командованием коммуниста лейтенанта А. С. Злобина. Когда японцы перешли в атаку, артиллеристы открыли огонь по минометной батарее противника. Несколькими точными залпами они заставили замолчать ее.

Тем временем вражеская пехота все ближе и ближе подходила к нашим позициям. Подпустив ее на близкое расстояние, Злобин скомандовал:

- Огонь!

Расчеты знали, что делать. Они зарядили орудия осколочными снарядами. Выстрелы прогремели одновременно. Залпы косили японцев. Они в панике заметались, стараясь укрыться за каким-нибудь возвышением. А батарея продолжала посылать в пьяных врагов все новые и новые снаряды. Японцы, не находя укрытия, метались по полю.

Оставшиеся в живых враги в панике побежали обратно, подгоняемые беспощадным огнем пулеметов. Провалилась и эта

атака противника. Наши потери были минимальными. Враг же понес значительный урон.

Мы полагали, что теперь-то противник успокоится, по крайней мере на несколько дней. Но нет - его упрямство не знало границ. 24 июля бой вспыхнул снова. Подогретые рисовой водкой, подгоняемые палками капралов и страхом перед дулами пистолетов офицеров, японские солдаты неоднократно пытались то на северном, то на южном участке атаковать позиции советско-монгольских войск. Но каждый раз, не выдержав мощного огня артиллерии, орудий и пулеметов, закопанных танков, откатывались назад, оставляя на поле боя большое количество убитых и раненых.

В ночь на 24 июля японцы предприняли атаку на роту старшего лейтенанта Шевелева. Коварный враг пошел на хитрость. Перед тем как перейти в наступление, он выслал на фланги подразделения двух лазутчиков. У читателя может возникнуть вопрос: почему на фланги? Ведь наши войска были в обороне. Да, в обороне, но, как я уже говорил, пехоты не хватало, и создать сплошную линию обороны не удалось. Между подразделениями имелись промежутки. Через них и просочились лазутчики. Истошным голосом они начали кричать банзай, стараясь создать видимость, что рота окружена, и тем самым посеять панику среди бойцов. Однако это им не удалось.

- Спокойно, товарищи, - сказал Шевелев. - Не впервой нам драться с самураями. Не хватит патронов - штыками отобьемся.

- Будьте уверены, отобьемся! - разом ответили несколько воинов.

Личный состав хладнокровно ожидал приближения противника. В темноте не видно было их цепей. Потом выяснилось, что они ползут по-пластунски. Когда враги приблизились метров на 40 - 50, отчетливо обозначились их фигуры. По команде старшего лейтенанта бойцы открыли огонь из винтовок и пулеметов. Наиболее сильные и ловкие красноармейцы стали бросать гранаты.

Противник сделал попытку броском ворваться на позицию роты, но плотным огнем был отброшен назад. Вновь и вновь японцы бросались на подразделение и каждый раз откатывались на прежние позиции.

Бой длился около трех часов. Не добившись поставленной цели, враг позорно отступил, оставив на поле боя большое количество убитых и раненых. В роте старшего лейтенанта Шевелева потерь не было. Лишь один человек получил ранение.

В этих боях мы в своем полку широко использовали снайперов, их умение без промаха разить врага. Чтобы

предупредить неожиданную атаку неприятеля, мы выставляли на фланги нашей обороны и на 100 метров впереди снайперов. Такие позиции для них мы выбирали не случайно. Их меткий огонь не позволял японцам скапливаться в барханах. При первой же попытке врага просочиться маленькими группами в ложину снайперы меткими выстрелами уничтожали его. Стоило только из группы в три-четыре солдата убить одного, как остальные в панике убегали.

Искусно действовал снайпер комсомолец С. Т. Кузин. Когда в результате одной из атак японцам удалось закрепиться перед флангом 1-го батальона, он стал методично выбивать их окапывающихся пехотинцев. В стане врага началась паника. Беспорядочной толпой японцы побежали вспять и тут же попали под огонь наших пулеметов. Немногим удалось скрыться.

В то время как мы, пехотинцы, артиллеристы и танкисты, били японцев на земле, наши соколы громили их в воздухе. Они не давали врагу возможности беспрепятственно подбрасывать резервы из глубины к району боевых действий. Мы знали, что наши летчики встречали противника за 20 - 30 километров от линии фронта и сильными штурмовыми ударами рассеивали его, наносили значительный урон.

Это ослабляло силы врага, расстраивало его планы, помогало нам потом бить его на земле.

После многих бесплодных атак, которые принесли японцам не успех, а лишь большие потери, боевой дух противника в значительной степени упал. 25 июля он прекратил наступательные действия и перешел к обороне.

В этот период резко обострилась обстановка в воздухе. Чтобы завоевать господство, японское командование перебросило в район боевых действий своих лучших летчиков из Китая. В небе Монголии развернулись жаркие бои. Мы были свидетелями многих воздушных схваток, которые разворачивались над нашими головами, восхищались мужеством и умением наших братьев по оружию. Рассказы о действиях наших летчиков в эти дни были наиболее популярны. Особенно часто можно было услышать имя Витта Скобарихина. Он изумлял своей храбростью, искусством ведения боя. Враг не раз изведаль силу его ударов: не одного японского стервятника вогнал он в монгольскую землю.

Однажды группе наших самолетов была поставлена задача нанести штурмовой удар по войскам противника. Прикрывать их поручили подразделению В. Скобарихина в составе шести истребителей. И вот отважные соколы в небе. Они шли выше и правее штурмовиков, зорко следя за небом. Вдруг из-за облаков показалось восемь японских истребителей. Враг раньше заметил

наши самолеты и, пользуясь преимуществом в высоте, устремился на них в атаку. Советские истребители сделали разворот и тут же стали набирать необходимую высоту. Однако это им не удалось сделать. Самолеты противника уже устремились в атаку. Одному нашему истребителю зашли в хвост сразу два вражеских. Скобарихин увидел это и бросился на выручку товарищу. Сначала он хотел, набрав высоту, занять более выгодное положение для атаки японского самолета, но понял, что не успеет это сделать. Враги могут сбить попавшего в беду летчика. Дорога каждая секунда.

Тогда Скобарихин принял единственное решение, в результате которого можно спасти боевого друга, - идти на таран. Самолет Скобарихина ударил винтом по хвосту японского истребителя. Обе машины от удара перевернулись в воздухе. Вражеский самолет вспыхнул и камнем полетел к земле. Витт на мгновение потерял сознание, но, придя в себя и увидев, что истребитель падает, собрал всю волю, выровнял машину и со снижением повел ее на свой аэродром. Здесь его ждали боевые друзья. Летчик искусно посадил поврежденный истребитель на поле аэродрома. Товарищи тепло поздравили его с очередной победой.

Бои показали, что наши летчики превосходили в мастерстве хваленых японских асов, наносили им сокрушительные удары. За период 23 июля - 4 августа они сбили десятки самолетов врага. Впоследствии частенько случалось и такое: увидев советские самолеты, японские воздушные пираты, не принимая боя, попросту удирали.

Хочу заметить, что в июле советско-монгольские войска по своей численности уступали японским, особенно в пехоте. Поэтому нам приходилось вести бои в весьма тяжелых условиях. Фронт обороны был значительным. Между отдельными частями и подразделениями имелись немалые промежутки, которые часто прикрывались слабыми силами - вплоть до отдельных постов или разведывательных групп. Конечно, противник часто направлял свои удары именно в промежутки. Для отражения атак надо было быстро перебрасывать подразделения с одного участка на другой, иногда на значительные расстояния, и с ходу посылать их в бой.

И тем не менее, несмотря на все эти трудности, наши войска с честью справились со своими задачами. Они не пустили японцев к Халхин-Голу и удержали выгодный плацдарм на восточном берегу реки, который был использован для последующего решающего наступления советско-монгольских войск.

Итак, 25 июля снова наступило затишье, хотя весьма относительное, ибо редкий день проходил спокойно, без стычек.

Японцы предприняли множество атак, чтобы отбросить нас за реку Халхин-Гол. Но это им не удалось. Тогда они сменили тактику, решили подорвать боевой дух красноармейцев и командиров, начали разбрасывать листовки, в которых писали, что мы окружены императорской японской армией и у нас нет иного выхода, как только сложить оружие и сдаться в плен. Наши бойцы и командиры, находя подобные листовки, смеялись над их содержанием, а заодно и над врагом, прекрасно понимая, что не от хорошей жизни японцы прибегают к такой форме воздействия на наши войска. Значит, теряют они веру в свои силы, чувствуют приближение бесславного конца. Все листовки они немедленно сдавали командирам для уничтожения.

В мой адрес и в адрес других командиров также сбрасывались листовки с призывом: переходите к нам. А бойцы, увидев сброшенные листовки, подходили ко мне и говорили:

- Товарищ полковник, опять японцы вас приглашают к себе в гости. Что им на это ответить?

- Ответим, ребята, пусть не волнуются. За нами, как говорится, не пропадет. Только плохо им будет после нашего посещения.

И мы обязательно отвечали в тот же день, когда враг сбрасывал листовки. Мы открывали сильный артиллерийский и минометный огонь по наблюдательным пунктам и шквальный пулеметный огонь по переднему краю японцев. А японцы, надо сказать, уважали силу. Почувствовав на своей шкуре мощь наших ударов, они прекратили агитацию. Словом, научили их уму-разуму.

И все же враги не оставили меня в покое. Решили разделаться с командиром 24-го мотострелкового полка иным способом, оценив его голову в 100 тыс. рублей золотом. Но и эта уловка им не удалась. Однажды ко мне пришел старшина комендантской роты. Был он очень взволнован.

- В чем дело? - спросил я.

- Понимаете, товарищ полковник, - начал он торопливо, - проверил я посты, возвращаюсь обратно и вижу: недалеко от командного пункта что-то подозрительное в кустах. Пригляделся: два японских солдата с офицером замаскированы. Изредка огонь по командному пункту ведут. Одного солдата и офицера я заколол, а второго солдата в плен взял.

- Ведите его сюда.

- Да он уже здесь, товарищ полковник.

Допросили японца. Он рассказал, что группа трое суток находилась тут. Ей была поставлена задача истреблять командиров, и в частности уничтожить командира полка.

Браг знал, как подорвать боеготовность наших частей и подразделений, стремился вывести из строя командиров. Однако эта задача оказалась для них не простой. Бойцы любили своих командиров, старались оберегать их в бою, жестоко мстили за их смерть.

Когда погиб старший лейтенант Кропочев, личный состав подразделения, которым командовал он, дал клятву на митинге отомстить за него. Бойцы приняли специальную резолюцию, Я позволю себе привести ее, ибо она является лучшим подтверждением написанному выше.

Резолюция митинга 3-го подразделения по случаю гибели старшего лейтенанта тов. Кропочева Василия Терентьевича, члена ВКП(б).

30 июля 1939 года мы, бойцы и командиры, собрались на митинг для того, чтобы почтить память погибшего в боях с самурайской гнилью боевого друга, нашего командира подразделения тов. Кропочева. За смерть нашего любимого командира, которого воспитала партия и который воспитывал нас, мы жестоко отомстим японской банде. Он говорил нам: Товарищи, наша задача ясная - держать данный нам рубеж, умереть, но ни шагу назад не отступать. Его слова глубоко запали в сердца бойцов и командиров, которые еще больше готовы были драться и, как честные сыны нашей социалистической Родины, выполнить свой долг во главе с боевым командиром тов. Кропочевым.

Товарищ Кропочев! Ты был для нас как родной отец. Прощай, дорогой Василий Терентьевич. Мы твое завещание выполним и победу над бандой самураев доведем до конца.

Прощай, наш боевой друг. Ты, как бесстрашный сын, будешь жить в сердцах всего честного человечества.

По поручению митинга подписали бойцы Солонинен, Казаков, Рудней. 30.7.39.

День шел за днем. Наша оборона крепла, прибывали и готовились к наступлению войска.

Японцы по-прежнему не оставляли нас в покое. То ночью, то днем предпринимали атаки. А иногда атаковали и по нескольку раз в день. Красноармейцы и командиры хладнокровно отбивали нападения неприятеля.

Мне вспоминается случай, который имел место на центральной переправе через реку Халхин-Гол, которую обслуживала рота саперов старшего лейтенанта Зарубина. 12 августа группа японцев прорвалась через боевые порядки одного из полков и устремилась к переправе. Создалась угроза ее уничтожения. Ни пехотных, ни артиллерийских подразделений

поблизости не было. Оценив обстановку, старший лейтенант Зарубин быстро собрал свою роту и повел ее в штыковую атаку. В короткой схватке саперы разгромили врага и отстояли переправу. В этом бою был тяжело ранен Зарубин. Теряя сознание, он успел сказать своим саперам: Берегите переправу. И рота выполнила наказ командира. Вскоре имя старшего лейтенанта Зарубина узнали во всей армии. Он был награжден орденом Ленина.

В этих боях наши потери были невелики, исчислялись единицами. Мы уже даже как-то привыкли к таким боевым будням, и я не считал нужным беспокоить старшего начальника, докладывать ему о всех мелочах обыденной боевой жизни. Когда можно все сделать самому, зачем тревожить старшего командира. У него других дел много.

И вот однажды отбили мы одну атаку врага, потом вторую. Через некоторое время началась третья. Как обычно, не доношу наверх. И вдруг раздается телефонный звонок.

Снимаю трубку и слышу строгий голос Георгия Константиновича Жукова, теперь уже, с 31 июля, комкора. Голос его знал хорошо, потому что в то время, когда вверенный мне полк один держал оборону, он был в непосредственном подчинении командующего, который часто звонил мне.

- Что там у вас делается, товарищ Федюнинский? Почему ничего не докладываете? - резко спросил Жуков.

- Ничего особенного, товарищ командующий. Идет бой, отбиваем третью атаку. Справляемся, помощи не надо. Потому и не звонил.

Комкор более мягко, но довольно строго сказал:

- Хотя помощи и не требуется, докладывать нужно обязательно. Я должен знать, что у вас происходит.

Понял я свою ошибку. Действительно, надо было докладывать. Когда старший начальник знает обстановку, ему легче руководить войсками.

Отбили мы третью атаку японцев. Полагали, что на сегодня они уже больше не сунутся. Но нет, вновь полез враг, да еще с таким шумом. Это, видимо, обеспокоило командующего группой. И он тогда послал ко мне на бронемашине полковника, который недавно прибыл вместе с несколькими командирами из Генерального штаба для оказания помощи штабу группы. Очень сожалею, что не помню фамилии этого полковника. Ведь знакомство наше произошло накоротке, во время боя. Полковник буквально ввалился ко мне в окоп, с трудом отдышавшись от перебежки, которую совершил от бронемашины, сказал:

- Меня послал к вам командующий - разобраться в обстановке и узнать, что делается на вашем участке.

- Обстановка ясная, - ответил я. - Сейчас началась четвертая атака японцев. Вон видите, идут цепи.

Полковник посмотрел в сторону противника и вроде бы ничего не разобрал. Тогда я протянул ему бинокль.

- Возьмите, так виднее будет. Когда они подойдут поближе, мы откроем огонь.

- А не поздно будет? - усомнился он.

- Не поздно. Зачем зря жечь патроны? Да вы не волнуйтесь. Атака будет отбита. Давайте лучше чай пить. У меня на бруствере окопа стоял медный луженый чайник (в то время принадлежность каждой солдатской столовой) с чаем и рядом две эмалированные кружки. Горячий чай, налитый в чайник и поставленный в песок, долго не остывал под жгучим монгольским солнцем.

Полковник вначале посмотрел на меня с недоумением: мол, бой, а он чай пить. Не шутка ли? Но увидев, что я не шучу, с радостью принял приглашение. На его глазах четвертая атака врага была отбита. Он понял, что дела у нас идут нормально. Поблагодарив меня за чай, вернулся на командный пункт группы в Хамар-Даба и рассказал командующему о том, как я его угощал чаем во время атаки. Претензий к нам, вернее, к нашему полку больше не имелось.

Может быть, кто-то подумает, что это рисовка - угощать чаем во время боя представителя из вышестоящего штаба. Отнюдь нет. Просто хотел показать, что мы уверены в своих силах и на нашем участке враг не пройдет. И не прошел...

После сильных атак этого дня активность противника упала. Но мы знали, что затишью никогда нельзя доверять, особенно когда впереди жестокий и коварный враг.

Глава пятая.

Перед решающим наступлением

Потерпев неудачу в майско-июльских боях, японское командование вынуждено было временно прекратить наступательные действия и закрепиться на линии песчаных бугров и сопок в 3 - 4 километрах к востоку от реки Халхин-Гол. Но, создавая прочную систему обороны, враг в то же время начал готовиться к новой наступательной операции в целях полного овладения восточным берегом реки Халхин-Гол.

Перед советско-монгольским командованием встала задача - не только сорвать замысел противника, но и наголову разгромить его, чтобы навсегда изгнать с территории Монгольской Народной Республики. План подготовки к предстоящей операции (об этом, естественно, мне стало известно позже) предусматривал следующие вопросы: сосредоточение и перегруппировка войск, переправа частей через реку Халхин-Гол, занятие исходного

положения, организация взаимодействия и связи. Главное внимание в обучении личного состава обращалось на отработку приемов ближнего боя днем и ночью, борьбы в траншеях, умения владеть штыком и гранатой, а также на обучение самоокапыванию и маскировке, наблюдению за полем боя и разведке.

Большой упор делался на отработку совместных действий авиации с наземными войсками. Все тактические занятия стрелковых подразделений проводились совместно с танками и артиллерией.

Весь конец июля и первую половину августа шла интенсивная подготовка к предстоящей операции, накапливались силы и средства.

Недостаток ощущался главным образом в пехоте. А без нее нельзя было начинать боевые действия. Случалось, значительные успехи, достигнутые в результате атак танков, шли насмарку, поскольку не закреплялись действиями пехоты из-за ее малочисленности.

На плацдарме восточнее реки Халхин-Гол разместились только два полка 36-й мотострелковой дивизии, стрелково-пулеметные батальоны 7, 8 и 9-й бронебригад, стрелково-пулеметный батальон 11-й танковой бригады и 5-я стрелково-пулеметная бригада. На широком фронте эти части и подразделения многого сделать не могли. Кроме того, после трех месяцев напряженных боев все они понесли потери и нуждались в пополнении. Конечно, пополнение поступало, но новичков требовалось еще обучать и сколачивать коллективы.

Из глубины страны подтягивались 82-я и 57-я стрелковые дивизии, один полк 152-й стрелковой дивизии, 212-я авиадесантная бригада, 6-я танковая бригада, 85-й зенитный артиллерийский полк, 126-й артиллерийский полк, противотанковые части, тяжелая артиллерия, войска связи и другие части и подразделения. Переброска частей и соединений заняла продолжительное время, так как они выгружались за 700 и более километров от фронта, а транспорта не хватало, приходилось даже снимать автомобили с подвоза боеприпасов, продовольствия и другого имущества. Марши совершались частью на машинах, частью пешком. Помимо времени, необходимого на сосредоточение, требовалось еще время на подготовку войск. Прибывающие дивизии имели большой процент призванных из запаса. Люди эти были недостаточно обучены. Их нельзя сразу бросать в бой. С вновь прибывшими частями проводилась усиленная боевая подготовка. С красноармейцами отбатывались методы ведения ближнего боя. Командиров

знакомили с тактикой японских войск, особенностями театра военных действий, изучали они и опыт прошлых боев.

Наряду с боевой подготовкой войск большое внимание уделялось материальному обеспечению операции, что представляло значительную трудность. Наличный автотранспорт едва обеспечивал пополнение ежедневных расходов в материальных средствах и перевозку прибывающих войск. А для успешного ведения операции необходимо было создать запасы всех видов продовольствия. Для этой цели был введен жесткий режим экономии всех ресурсов и составлен план накопления запасов. К началу операции советские войска решили эту сложную задачу.

Большую работу провело командование армейской группы по дезинформации противника. Был составлен специальный план скрытной подготовки операции. Целью маскировки являлось следующее: создать у противника впечатление, что мы не собираемся наступать, а готовимся к длительной обороне, к зиме. Для этого, например, ежедневно передавались в Тамсаг-Булак распоряжения по радио о подвозе различных материалов - проволоки, кольев и других, войскам отдавались ложные приказы об устройстве заграждений, строительстве окопов в глубине, давались фиктивные заявки в Москву на подвоз зимнего обмундирования, палаток, печей. Причем все эти распоряжения были написаны кодом, который, как мы знали, имелся у противника. Была даже роздана памятка бойцу, как действовать в обороне.

На фронт доставили мощные звуковещательные станции, которые сыграли большую роль в дезинформации врага. При помощи их имитировался стук, который бывает при забивке кольев. Для введения в заблуждение противника было выделено несколько взводов танков, которые каждую ночь курсировали вдоль линии фронта со снятыми глушителями, создавая впечатление перегруппировки войск. Первое время японцы открывали артиллерийский огонь, но затем так привыкли к шуму танков, что перестали обращать на него внимание. Позже имитация шума танков очень помогла нам. Накануне наступления, 19 августа, нашему командованию удалось скрытно сосредоточить две танковые бригады на исходных рубежах, в непосредственной близости от передовой, а японцы не обнаружили этого.

Дальнейшие события показали, что наш план удался. Противник не смог раскрыть сосредоточения наших резервов и узнать о подготовке решительного удара.

Готовясь к наступлению, войска тщательно изучали врага. В

этом отношении большую пользу принесли бои с ограниченными целями, проведенные 1 и 7 августа, а также активные действия 6-й и 8-й монгольских кавалерийских дивизий на флангах обороны противника. Для уточнения данных о вражеских войсках проводились воздушная разведка, фотографирование, ночные поиски для захвата языков, рекогносцировки. Естественно, при организации всякого мероприятия строго соблюдалась маскировка. Командный состав одевали в красноармейское обмундирование, танкистов - в общевойсковую форму. Все это позволило нам к началу операции довольно хорошо изучить оборону и группировку противника.

Генеральное наступление готовилось в строгой тайне. Лишь узкий круг людей знал об этом. Командиры соединений и частей были введены в курс дела лишь за три-четыре дня до операции, а всему личному составу объявили о наступлении только в ночь на 20 августа.

Командиры частей и соединений, в числе которых находился и я, были вызваны на командный пункт армейской группы в Хамар-Даба. Мне, например, дали конкретные указания, что надо делать, чтобы подготовить полк к предстоящему наступлению, хотя, правду сказать, мы считали, что нас выведут в резерв. Личный состав нашего полка непрерывно находился на передовой и почти ежедневно вел бои. Безусловно, это потребовало немалого напряжения сил. Красноармейцам нужен был отдых, но, с другой стороны, пехоты было мало, да и нам всем хотелось принять участие в решающем наступлении. И это желание сбылось.

Тщательно готовились мы к выполнению боевой задачи. Все продумывалось до мелочей: и артиллерийская подготовка, и огонь пулеметов перед началом атаки. Я четко определил каждому батальону ближайшую и последующую задачи, направление дальнейшего наступления. В этот период с зимних квартир из района Улан-Батора в наш полк подошли 20 бронемашин, из них половина были пулеметные БА-20 и половина - пушечные БА-10. Эти машины снимали с консервации и готовили к боевому использованию жены командиров. Женщины удаляли смазку с оружия, чистили его, и, надо сказать, после этой их работы пулеметы служили безотказно. Жены командиров прислали нам знамя, на котором были вышиты портрет Владимира Ильича Ленина и слова Возвращайтесь с победой. А внизу подпись: Семьи командиров Н-ского мотострелкового полка.

Забегая вперед, скажу, что наказ семей, как и всего советского народа, был с честью выполнен. Знамя после разгрома

японцев было водружено на сопке Ремизова как знак победы советских войск в Монголии.

В ходе подготовки к операции во всю ширь развернулась партийно-политическая работа. Она была направлена на то, чтобы мобилизовать личный состав на успешное выполнение предстоящих задач. В ней принимали участие командиры, политорганы, партийные и комсомольские организации. Руководил его Военный совет и политотдел армейской группы во главе с дивизионным комиссаром П. И. Гороховым. Членов Военного совета группы в то время был бригадный комиссар М. С. Никишев, высокоподготовленный политический работник, пользовавшийся большим уважением у всего личного состава войск.

Мне не раз пришлось встречаться с этим обаятельным человеком, хорошим товарищем. Последняя встреча произошла уже в годы Великой Отечественной войны, на Юго-Западном фронте, в сентябре 1941 года. Он был членом Военного совета 5-й армии, которой командовал также бывший участник боев на Халхин-Голе генерал М. И. Потапов. Вскоре Никишев погиб смертью героя. Хотя и короткие были наши встречи, но они запомнились на всю жизнь. Член Военного совета М. С. Никишев умело направлял работу всего партийно-политического аппарата группы войск.

По его указанию политотдел группы войск разослал в части выписки из плана политического обеспечения подготовки и проведения предстоящего наступления, а также другие документы и материалы для работы с личным составом, в том числе листовки, памятки солдату в бою, советы специалистам. Приведу выдержку из плана политического обеспечения наступления:

- Глубоко разъяснять международную обстановку и политический смысл военных действий на границе Монгольской Народной Республики, политику Советского правительства и партии по защите социалистической Родины.

- Непрерывно продолжать разъяснение всех пунктов военной присяги...

- Вести разъяснительную работу о японских зверствах в отношении красноармейцев, командиров и политработников. Поднять ярость бойцов, командиров против японской военщины. Создать боевой порыв для решительного и окончательного разгрома врага.

- Охватить партийно-политическим влиянием и организовать детальное изучение личного состава прибывающего пополнения. Разъяснить ему боевую обстановку и задачу, героические

действия бойцов, командиров и политработников, добиться боевой сплоченности и сплоченности всего личного состава.

- Укрепить еще больше связь военкомов, политработников и командиров с бойцами путем посещения полков, батальонов, рот и проведения душевных бесед. Подготовить весь личный состав к решительным действиям по окончательному разгрому японских провокаторов. Мобилизовать весь командный состав и политработников, чтобы они, стоя во главе частей и подразделений, не щадя сил и самой жизни, добились полного выполнения боевого приказа командования, помня, что за выполнение боевого приказа командир и военком отвечают головой.

- Усилить партийно-политическую работу и добиться наведения большевистского порядка в тылах. Обеспечить бесперебойное снабжение боеприпасами, питанием, водой, своевременную эвакуацию раненых, отправку пленных и трофейного имущества...{23}

В проведении политической работы в войсках большую роль сыграла печатная пропаганда. В подготовительный период войска получили 17 названий разного рода памяток и листовок - общим тиражом 200 тыс. экземпляров. Кроме того, было издано 5 млн. листовок, обращенных к войскам противника.

В листовке, врученной накануне наступления воинам Халхин-Гольского фронта, говорилось:

Товарищи красноармейцы!

...На границе Монгольской Народной Республики мы защищаем свою советскую землю от Байкала до Владивостока и выполняем договор дружбы с монгольским народом.

Разгром японских самураев на Халхин-Голе - это борьба за мирный труд рабочих и крестьян СССР, борьба за мир для трудящихся всего мира.

Бойцы! Наша Родина и командование сделали все необходимое для полного разгрома и уничтожения врага. Выполним наш священный долг - воинскую присягу. За Родину, за партию - стальной лавиной ринемся вперед на окончательное уничтожение взбесившихся японских самураев.

Отомстим за кровь зверски замученных японской фашистской сволочью наших товарищей.

Вперед, славные герои летчики, танкисты и доблестные пехотинцы. Могучим и дружным ударом всех родов войск, залпами меткой артиллерии, всеокрушающим ударом героической пехоты, авиации, танков сотрем с лица земли одуревшую самурайскую нечисть.

Умножим славу советского оружия, покажем отвагу, мужество

и доблесть бойцов РККА.

В дни хасанских боев герои-дальневосточники покрыли неувядаемой славой себя и нашу Родину. Имена комиссара Пожарского, Левченко, Гольянова, Мошляка, Бамбурова, Барина не умрут в веках. Никогда не поблекнет слава, никогда не забудет Родина героев Халхин-Гола, устроивших пьяной японской военщине Баин-Цаганское побоище.

Товарищи! Помножим Хасан на Баин-Цаган и покажем, что такое советская арифметика.

Вперед, за Родину, и только вперед! Победа за нами! Вперед, за счастье нашего великого стосемидесятимиллионного народа!

Вперед, за Рабоче-Крестьянское Правительство!

Вперед, на разгром и окончательное уничтожение подлых японских провокаторов войны!

Командование корпуса, политический отдел корпуса{24}.

Большую роль сыграло и обращение командования и политического отдела корпуса к бойцам, в котором, в частности, отмечалось, что самым сильным наступательным качеством бойца РККА является неудержимое стремление вперед, в целях осуществления полного разгрома врага, указывалось на необходимость беспрекословного выполнения главных требований боевых уставов, перечислялись основные из этих требований.

Активную работу, как и раньше, среди личного состава частей и подразделений вела армейская газета Героическая красноармейская. Прямо скажем, за свою боевитость и целенаправленность она пользовалась большим авторитетом в войсках. Печатались в ней интересные, глубокие по содержанию, мастерски написанные материалы. Газета помогала командирам и политработникам воспитывать у наших воинов ненависть к врагу, любовь к своей Родине, партии, народу, верность присяге и уставам, формировать высокие морально-боевые качества.

Газета из номера в номер популяризировала подвиги пехотинцев, артиллеристов, танкистов, летчиков и воинов других родов войск. Личный состав с нетерпением ждал выпуска каждого нового номера Героической красноармейской.

Популярность армейской газеты объяснялась прежде всего тем, что она отражала мысли и чувства бойцов и командиров, поднимала самые злободневные вопросы, популяризировала боевой опыт, рассказывала о подвигах советских воинов.

Накануне наступления в нашем полку состоялось собрание, на котором было принято обращение красноармейцев, командиров и политработников полка под названием Со штыком наперевес - на врага!. Оно являлось мобилизующим средством не

только для личного состава нашей части, но и для всех наступающих войск. Думаю, что читателю будет небезынтересно, если помещу этот призыв в данной книге, а также ответы частей, соединений, напечатанные перед началом генерального наступления в газете Героическая красноармейская.

Дорогие товарищи!

3 июля наша часть прибыла на фронт и сразу, с ходу, вступила в горячий трехдневный бой с противником. Японцы все время подбрасывали все новые и новые силы, но каждый раз они были отбиты. С позором и треском провалился давно задуманный японцами план пролезть за реку Халхин-Гол и по земле Монгольской Народной Республики пробраться к советскому Забайкалью.

Час расплаты пробил! Покончим с зарвавшимися японскими авантюристами!..

Заканчивалось это обращение словами:

Идя в решительный бой на окончательный разгром врага, мы будем стремиться к одной цели:

Стремительно идти в атаку, окружить и уничтожить врага.

Первыми прийти к победному рубежу и водрузить на нем Красное знамя.

На это обращение под заголовком Мы повторим японцам Баин-Цаганское побоище ответили первыми танкисты орденоносной бригады имени М. Яковлева. Они писали, что обязуются поддерживать и крепить боевое содружество с пехотой, артиллерией и авиацией в целях скорейшего разгрома врага, не считаясь ни с какой опасностью для жизни, выполнить задачу.

Мы помним, как наш любимый командир Михаил Павлович Яковлев с гранатой в руке вел в атаку славных пехотинцев, бросая боевой клич: За Родину! Вперед! С вами командир танков!

Славные боевые традиции яковлевцев мы умножим в бою. Танкисты, товарищи, не подкачают. Мы повторим японцам Баин-Цаганское побоище с утроенной силой!

С честью и достоинством, как это подобает воинам Рабоче-Крестьянской Красной Армии, мы выполним свой долг перед любимой Советской Родиной.

По поручению танкистов подписали: Козлитин, Польшгалов, Кужин, Васильев, Степанов, Куш, Орлов, Ильченко,

Абрамов, Михайлов.

Откликнулись на обращение нашей полка артиллеристы и летчики. Последние писали:

Будьте уверены, товарищи бойцы! С воздуха, как никогда, мы будем метко и беспощадно бомбить японцев, штурмовать и истреблять их пехоту, их батареи, тыл и резервы.

Японцы за короткий срок испытали на своей шкуре страшную силу нашего оружия. Теперь они поплатятся своими злодейскими головами.

Наши друзья, товарищи по оружию - цирики монгольской Народной армии также не остались в стороне, они дали свой грозный ответ: У нас не дрогнет рука.

Мы навеки побратались с великим советским народом, - писали они. - В этой дружбе большая сила.

Много раз японцы пытались захватить наши земли и наши стада. Но ни разу им этого не удавалось. Когда приходилось туго, на помощь нам шел советский народ. И сейчас он помог нам своей армией в борьбе с японскими захватчиками за Халхин-Гол.

У нас и у красноармейцев один враг - японец. Вместе с нашими советскими товарищами мы горим одной ненавистью к японцам, одним желанием - ударить врага так, чтобы у японцев не было больше ни сил, ни охоты лезть на нашу землю.

Наступил час расплаты с заклятым врагом. Много обид нанесли монгольскому народу японцы. За все мы отплатим одним могучим ударом. Цирики научились бить японцев. Наши глаза метки, клинки остры.

Мы клянемся своему народу и нашим советским боевым товарищам: в этом решительном бою у нас не дрогнет рука. Мы сметем и уничтожим заклятого врага.

Участники боев: лейтенант Хорло, политруки Махацына, Тюмирбат, цирики Самбу, Шираб, Хайнхарна, Сосар-барма.

Я включил эти документы далекого прошлого для того, чтобы показать работу наших политорганов, партийных и комсомольских организаций на Халхин-Голе. Эти документы полностью отражают мысли, думы и чаяния воинов и выражают любовь к нашей Родине, советскому народу и нашей партии.

Да, партийно-политической работе в те дни мы придавали первостепенное значение. В нашем полку это наиважнейшее звено возглавлял комиссар Иван Васильевич Щелчков, человек исключительных качеств, обаятельный, душевный, опытный партийный работник, неутомимый труженик, смелый и храбрый человек. Он воздействовал на умы красноармейцев и пламенным словом, и личным примером, и удивительной отеческой заботой и чуткостью. Щелчков постоянно находился там, где сложнее обстановка, где необходимо воодушевлять людей словом и делом, поднять на выполнение приказа в самый критический момент. Авторитет его среди бойцов и командиров был исключительно высок. Они относились к нему с уважением. Считались с мнением комиссара и старшие начальники.

Несколько лет спустя после тех грозных событий, листая

посвященную им книгу Бои у Халхин-Гола, я наткнулся на такие строки: Чем объяснить... например, что полк Федюнинского был упорнее всех в обороне и бойцы его никогда не отходили без приказа командира? В значительной степени тем, что комиссар полка товарищ Щелчков, секретарь партбюро Пермяков, политрук Кабаньков и другие политработники не жалели ни сил, ни труда, по несколько раз в сутки обходя подразделения и даже одиночных бойцов и разъясняя им обстановку в полку, у соседей и на фронте{25}.

Так писал о комиссаре и наших политработниках начальник политотдела полковой комиссар Г. Слесарев. И они, безусловно, заслужили столь высокую оценку своей деятельности.

Я уже рассказывал, что наш полк вместе с 11-й танковой бригадой Яковлева внесли значительный вклад в разгром японских провокаторов на Баин-Цагане. Но и в дальнейшем он ни на один день не выходил из боя. И политработники вместе с Щелчковым постоянно находились в боевых порядках. Они, все без исключения, были храбрыми, смелыми, мужественными людьми, готовыми пойти за дело партии в огонь и в воду, не щадя своей крови и самой жизни, и повести за собой людей. Направляемые комиссаром Щелчковым, они уверенно вели бойцов на разгром врага.

Надо сказать, что не только в нашем полку, но и в других частях и соединениях 1-й армейской группы руководили партийно-политической работой и непосредственно вели ее замечательные люди.

С большим уважением вспоминаю я комиссара 9-й мотоброневой бригады Василия Андреевича Сычева, с которым был хорошо знаком. Бригада все время находилась на передовых позициях, не выходила из боев с начала и до конца боевых действий на Халхин-Голе. Беспрецедентные подвиги совершили его бойцы, командиры и политработники. Орденом Красного Знамени награждена была бригада за доблесть и мужество, проявленные личным составом при выполнении боевых заданий.

И этими славными делами бригада во многом обязана комиссару В. А. Сычеву, его воле, разуму. Дни и ночи он находился с бойцами под огнем, воодушевляя их личным примером и пламенным словом, словом большевика, верного сына партии Ленина. Сычев был жизнерадостным человеком, смелым бойцом, никогда не терявшимся в минуты опасности, чутким и внимательным начальником. К нему тянулись люди, любили его. Влияние комиссара на личный состав просто неосценимо.

С Василием Андреевичем мы не раз встречались на Халхин-

Голе. А в годы Великой Отечественной войны, когда я командовал 54-й армией, он был членом Военного совета этой армии. Работали мы с ним душа в душу. Находили во всем взаимопонимание. Естественно, это позволяло нам успешно решать свои задачи.

В работе с воинами мы широко использовали письма, которые получали от советских людей как с территории Советского Союза, так и из советской колонии в Монголии, а также от жен военнослужащих, оставшихся в военных городках. В этих письмах содержался наказ крепче громить врага. Приведу лишь два письма, которые были опубликованы в армейской газете Героическая красноармейская 2 августа 1939 года.

Нет пощады ненавистному врагу

(Письмо Зои Киселевой, жены старшего лейтенанта)

Дорогой товарищ боец! Примите от меня, жены старшего лейтенанта Киселева А. И., погибшего в боях с самураями, небольшой подарок. Меня постигло великое горе, но я не падаю духом. Я горжусь героической смертью своего мужа в борьбе за счастье, за свободу трудящегося народа. К вам я обращаюсь с одной просьбой: будьте беспощадными в боях с врагами, мстите за кровь павших товарищей. Я же обещаю вам быть сильной, мужественной, вполне подготовленной в любую минуту к защите нашей Родины, нашего счастливого народа. Обещаю воспитать своего сына в духе... беспредельной любви к социалистической Родине.

А вы уничтожайте подлых гадов, громите их меткими залпами.

Жму вам руку и желаю здоровья, силы и выносливости.

Зоя Киселева.

Помню тот номер газеты, помню, с каким волнением читали его красноармейцы и командиры нашего полка. На той же странице был опубликован и ответ, под которым все мы были готовы подписаться, настолько точно и правдиво он отражал наши мысли.

Ответ Зое Киселевой от младшего командира Н. Косарева

Привет боевой подруге!

Получив ваш подарок, я был еще больше воодушевлен на борьбу с зарвавшимися японцами, осмелившимися напасть на дружественную нам Монгольскую Народную Республику.

...Мы будем бить врага до последней капли крови, откуда бы он ни пришел, и стойко защищать свои границы... Вы, боевые подруги, находясь на своих постах, должны еще больше поднять революционную бдительность в борьбе с врагами.

Будьте спокойны: мы, воины Рабоче-Крестьянской Красной

Армии, зорко охраняем мирный труд советского народа. С приветом - младший командир Н. Косарев.

Такие письма в войска шли сотнями, тысячами. В них выражалась готовность советских людей в любую минуту встать на защиту Родины в боевые красноармейские ряды и вместе уничтожать японских агрессоров. Читая эти письма, присланные из родных колхозов, с фабрик, заводов, от матерей, жен и сестер, воины чувствовали, что они не одни, с ними весь советский народ. Это поднимало боевой дух личного состава, укрепляло их веру в победу.

Газеты, боевые листки, листки-молнии, листовки, памятки передавались из окопа в окоп. Воины читали их небольшими группами, по два-три человека, и в одиночку. Беседы, собрания, а иногда даже митинги устраивали, как правило, с наступлением темноты. Отличительной чертой этих мероприятий являлось то, что, когда японцы начинали ночью активные боевые действия, воины видели рядом с собой политработника, который не только разъяснял обстановку на фронте, в стране, но и, если требовалось, вел людей в контратаку. Так действовали и политруки рот, и комиссары батальонов, нередко ходил в атаку, когда было особенно трудно, и комиссар полка.

Большим уважением в нашем полку пользовались политруки рот В. Н. Кулагин, В. И. Буктерев, К. Ф. Срослов, М. Ф. Терентьев, комиссары батальонов Я. М. Козлов, И. Е. Виноградов и другие. Слово их было авторитетно. Бойцы равнялись на них, шли за ними по первому зову.

Основной упор мы делали на индивидуальную работу с личным составом. И тут уж одни политруки и комиссары, естественно, не могли охватить своим влиянием всех людей. Нужен был актив из наиболее политически грамотных и хорошо подготовленных в военном отношении людей. Такие люди нашлись в каждом подразделении. За время боев многие командиры и красноармейцы накопили богатый опыт и приобрели неплохие организаторские способности. С помощью этого актива мы учили воинов умению обороняться и наступать, разъясняли и показывали, как нужно действовать во время ночных атак японцев, как готовить днем данные для ночной стрельбы из пулеметов. Учили мы людей, в первую очередь, конечно, молодых бойцов, глубже зарываться в землю, умело маскироваться (чтобы ты видел врага, а он тебя нет), учили искусно располагать огневые средства.

Среди активистов особо выделялся младший лейтенант Григорий Доля, о котором я уже рассказывал выше. Его всегда видели среди бойцов. Как только выдавалась свободная минута,

он тут же подходил к кому-нибудь из солдат или к пулеметному расчету и заводил беседу, разъяснял подчиненным обстановку, которая сложилась на текущий день, рассказывал о коварных происках врага в бою, напоминал о бдительности.

- Если мы будем постоянно начеку, - говорил Григорий, - враг никогда не застанет нас врасплох, а значит, и никогда не победит.

Младший лейтенант учил бойцов, как лучше владеть оружием, чтобы наверняка разить противника, как действовать в той или иной обстановке. А затем в бою личным примером показывал, как надо бить самураев.

Слава о младшем лейтенанте Доле распространилась далеко за пределы полка. Секретарь партийного бюро части политрук Пермяков предложил Доле вступить в партию. Тот с радостью согласился, признавшись, что давно мечтал об этом, да не знал, достоин ли.

- Конечно достойны, - с теплой улыбкой сказал Пермяков. - Свидетельством тому ваши славные боевые дела.

И вот прямо на переднем крае 7 августа собралась парткомиссия, чтобы принять младшего лейтенанта Долю в ряды ленинской партии. В заявлении, которое подал Григорий в парторганизацию, он написал:

Прошу парторганизацию принять меня в члены ВКП(б). Учитывая настоящую боевую обстановку, в ответ на листовки проклятых провокаторов, где они пишут: Мы бьем только коммунистов, я решил доказать им еще раз, что у нас каждый честный гражданин хочет и старается стать коммунистом и бить проклятых врагов счастливого советского народа в любом месте на их территории так, как я их бил с 3 июля по настоящий день и еще крепче буду бить... Прошу парторганизацию не отказать в моей просьбе. Все решения партии и правительства обязуюсь проводить в жизнь так, как провожу их в настоящем бою.

Умелых, отважных воинов, хороших организаторов, грамотных и опытных командиров в полку с каждым днем становилось все больше. С их помощью мы решали стоящие перед нами задачи, какими бы трудными они ни были.

К сожалению, в ходе предыдущих боев мы потеряли немало заместителей политруков. А это большая опора для командиров и политработников. В течение двух-трех недель мы пополнили их ряды, выбрали в каждой роте и батарее по несколько заместителей политруков из числа комсомольцев, хорошо проявивших себя в бою. Каждый политрук теперь имел одного постоянного заместителя и одного - двух резервных. Активисты сразу же включились в работу. Оказанное доверие окрылило их.

В подготовительный период к наступлению мы провели большую работу по укреплению партийных и комсомольских рядов подразделений, добивались, чтобы в каждой роте была своя парторганизация. Ведь командиру во много раз легче управлять подразделением, опираясь на партийный и комсомольский актив.

Недостатка желающих вступить в ряды ВКП(б) и ВЛКСМ не было. Лучшие бойцы и командиры старались связать свою судьбу с партией и комсомолом, пойти в генеральное наступление коммунистами, членами Ленинского комсомола.

В партийные и комсомольские организации поступили сотни заявлений с просьбой принять в свои ряды. К началу наступления партийная и комсомольская организации нашего полка значительно возросли. А значит, возросло число воинов, которые в атаке пойдут первыми.

И слова у воинов не расходились с делом. Когда настал час расплаты, врагу был нанесен сокрушительный удар.

Высокий моральный настрой воинов, их идейное убеждение ярко выразил младший командир В. К. Пономарев, героически погибший в бою 21 августа. Накануне наступления он написал в своей записной книжке:

Настал час! Долгий период времени я ожидал той минуты, когда мне собственной рукой придется громить неприятеля. Но вот пришел час, когда по указу нашего Рабоче-Крестьянского Правительства, по воле Партии нам выпала великая честь - разгромить зарвавшихся самураев...

Нет большего счастья, как защищать и бороться за мирный труд рабочих и крестьян всего СССР, за культурную, радостную жизнь нашего 170-миллионного народа.

Эту честь я оправдаю полностью. Я, как отделенный командир, как комсомолец, отдам все силы, а если нужно, и жизнь для того, чтобы полностью разгромить врага. Пусть знают агрессоры, что я люблю свою Родину, свой народ, что я верный патриот своей Родины, ибо защищаю интересы нашего народа, Правительства и Партии.

Идя в бой, я знаю, что я не одинок.

Не одинок потому, что наш 170-миллионный народ настолько любит свою Родину, что в любую минуту готов прийти на помощь для полного и окончательного разгрома японских самураев{26}.

Пусть не очень гладко написаны эти строки. Но без волнения их читать нельзя. Они раскрывают душу советского воина, его чаяния, думы, его готовность отдать за счастье Родины самое дорогое - жизнь. Прочитав записи героя, К. Симонов написал, на мой взгляд, очень хорошее стихотворение, посвященное памяти

погибшего в бою В. К. Пономарева, и назвал он его Записная книжка. Я позволю себе привести несколько строк из стихотворения:

Прочли мы священные эти листки.

Читали их скорбно и жадно. Товарищ!

Порукою - наши штыки,

Что мы отомстим беспощадно!

Так и произошло на самом деле. Когда настал час расплаты, дорогой ценой заплатили самураи за смерть молодого воина.

С огромным воодушевлением готовились к предстоящей операции монгольские патриоты, и в частности бойцы 6-й монгольской дивизии, которая занимала оборонительные позиции левее нашего полка. Должен сказать, что цирики монгольской Народной армии сражались храбро, действовали самоотверженно. Я уже упоминал о них, сейчас хочу рассказать более подробно.

Нелегко приходилось личному составу 6-й кавалерийской дивизии. Соединение несло значительные потери от налетов японской авиации. Причина заключалась в следующем. К сожалению, в то время еще сильно было у монголов влияние религиозных предрассудков. По существовавшим канонам буддийской религии, земля считалась священной, копать ее было нельзя. И цирики соблюдали этот закон. В ходе боев они иногда совсем отказывались окапываться. Командиры, хотя многие из них и учились в наших военных школах и даже академиях, а следовательно, в большинстве своем были свободны от предрассудков, не проявляли достаточной требовательности. Лишь постепенно, благодаря разъяснительной работе, которую вели советские военные советники, цирики стали понимать свои ошибки.

В целом же надо отметить, что монгольские воины были надежными союзниками. Их бесстрашие в бою, лютая ненависть к агрессорам являлись хорошим залогом успеха в бою. Хотелось бы на конкретных примерах показать, как сражались с врагом наши боевые друзья.

Памятны для меня встречи на земле Монголии в боевой обстановке и позже, после победы, с Лодонгийпом Дандаром. Примечателен его путь. Он поведал мне о нем во время одной из теплых дружеских встреч.

Когда Дандар достиг призывного возраста, мать, провожая его на службу, сказала: Высоко держи, сынок, честь нашей Родины! Он крепко запомнил этот наказ. В первый же год службы в эскадроне показал себя одним из лучших воинов. Командование заметило способности цирика и направило его в Советский Союз,

в Тамбовское кавалерийское училище. Через три года молодого лейтенанта назначили помощником начальника штаба 22-го кавалерийского полка, а в боях на Халхин-Голе Дандар уже был командиром 17-го кавалерийского полка. Под его руководством полк геройски дрался с врагом.

Утром 28 мая 1939 года большая группа пехоты противника, поддерживаемая сильным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем, перешла в наступление на полк Дандара.

- Без моей команды не стрелять! - приказал своим бойцам Дандар.

Подпустив японцев на близкое расстояние, он скомандовал:

- Огонь!

На вражескую пехоту обрушился град пуль. Она залегла и попластунски начала продвигаться вперед, Тогда Дандар вскочил на коня и скомандовал:

- За мной!

Неудержимой лавиной понеслась на противника монгольская конница. Засверкали клинки, и враг, не выдержав удара, побежал. После этого боя полк называли героическим полком.

Бои становились еще более ожесточенными. Полку Лодонгийна Дандара приходилось в течение одного дня по несколько раз отражать атаки японцев, ходить в контратаки, и всякий раз он одерживал победу.

Вскоре Дандар стал командиром дивизии. Имя командира-патриота окружено в Монголии славой. Подвиги Лодонгийна Дандара отмечены высокой наградой. Ему присвоено звание Героя Монгольской Народной Республики.

У хорошего командира, говорят, и хорошие подчиненные. Так оно и есть на самом деле. В полку Дандара что ни воин, то герой. С большим теплом и восхищением рассказывал мне Дандар о пулеметчике Олзвое, одном из любимых своих бойцов. Жизнерадостный, ловкий, находчивый, Цендийн Олзвой быстро и четко выполнял приказы командиров. Тихий и застенчивый, в бою с врагами он был неустрашим, умел в самой тяжелой обстановке находить выход из любого положения. Воин отлично знал пулемет и мастерски владел им.

Однажды Олзвой поручили прикрывать огнем ручного пулемета переправу своего подразделения через реку Халхин-Гол. Не один самурай нашел могилу от меткого и губительного огня отважного цурика. Был и такой случай, когда Олзвой вел бой против целой роты японцев и вышел из неравной схватки с врагами победителем. Он был не только умелым пулеметчиком, но и отважным разведчиком, никогда не возвращался из разведки без важных донесений пли языка. Как-то Олзвой вместе со своим

помощником Лундээжанцаном проник в расположение японской артиллерийской части, взял в плен часового и захватил стереотрубу.

Когда друзья хвалили Олзоя за его подвиги, он отвечал: Ничего героического я не совершал. Просто, как солдат, действовал по приказу своей Родины. В историческую летопись сражения в районе реки Халхин-Гол вписано имя Героя Монгольской Народной Республики Цендийна Олзоя.

В боях с японцами прославился политрук батареи артиллерийского дивизиона 6-й кавалерийской дивизии Лувсандоржийн Гэлэгбаатар. Он показал себя способным политработником, отзывчивым начальником, мужественным и храбрым воином.

11 мая 1939 года 6-я кавалерийская дивизия была поднята по тревоге и получила задачу совершить марш в район реки Халхин-Гол. На третий день, находясь на марше, Гэлэгбаатар получил радостную весть: у него родился сын. На первом же привале он написал короткое письмо жене: Я жив и здоров. Безгранично рад сыну. Если погибну за Родину, ты одна вырастишь его.

В ночь на 28 мая японцы начали наступление. Дивизия вступила в бой. Артиллеристы Гэлэгбаатара метким огнем уничтожали неприятеля. Под напором превосходящих сил врага дивизия была вынуждена отойти на более выгодный тактический рубеж. Гэлэгбаатар получил задачу с десятью бойцами прикрыть отход частей. Он обратился к бойцам: Товарищи! Не отступать ни на шаг! Мы отвечаем за судьбу дивизии!

В течение четырех часов десять отважных пулеметчиков во главе с Гэлэгбаатаром отбивали яростные атаки противника и уничтожили более 200 вражеских солдат и офицеров. Но силы были неравными. Враг продолжал наседавать. До последнего патрона, до последней капли крови горстка храбрецов отстаивала священную землю Монголии и не отступила ни на шаг, до конца выполнив свой воинский долг. Погиб политрук, погибли и его товарищи по оружию.

Партия и правительство высоко оценили подвиг Лувсандоржийна Гэлэгбаатара. Ему посмертно присвоено звание Героя Монгольской Народной Республики.

Можно привести много примеров, таких же замечательных, как этот.

Вспоминаю отважного командира соседней монгольской кавалерийской дивизии Нянтай-Суряна - кавалера многих монгольских орденов и ордена Красного Знамени Советского Союза. Он очень храбро, умело руководил боем соединения, показывал личный пример отваги и мужества.

А разве не достойны восхищения подвиги наводчиков-зенитчиков Чултэма и Гомбосурэна, которые в одном бою сбили шесть вражеских самолетов! А подвиг командира эскадрона Хорло, который в ходе только одной атаки семью выстрелами из нагана уложил семь самураев. Такое не забывается.

Хочется вспомнить и о том, что в период, когда мы занимали временную оборону, 24-й мотострелковый полк посетил Маршал Монгольской Народной Республики Чойбалсан. За плечами этого человека был большой и трудный путь борьбы за счастье и свободу Монголии. В годы гражданской войны товарищ Чойбалсан командовал кавалерийским эскадроном, сражался вместе с частями Красной Армии за освобождение Монголии, громил банды барона Унгерна. Это был очень смелый и храбрый человек. Невысокого роста, коренастый, спокойный, вдумчивый и вежливый в обращении. Встреча с ним запомнилась навсегда.

Когда он прибыл в полк, мы собрали в укрытом от вражеского наблюдения месте между барханами всех свободных от несения боевой службы красноармейцев и командиров. Чойбалсан обратился к нам на монгольском языке. Я набрался смелости и сказал ему:

- Товарищ маршал, люди не поймут вас, потому что монгольский язык мы еще не изучили, а переводчика у нас нет. А вы знаете русский язык, и поэтому было бы очень приятно, если бы высказали свои мысли личному составу полка на том языке, на котором говорил великий Ленин.

Чойбалсан улыбнулся и произнес очень хорошую, патристическую, зажигательную речь на русском языке. В заключение он сказал:

- Дорогие советские друзья, большое вам спасибо за ту помощь, которую вы оказали нам в защите неприкосновенности Монгольской Народной Республики. Я уверен, что все завершится нашей победой над врагом, он будет изгнан со священной земли монгольского народа.

Проникновенные слова вождя монгольского народа воодушевили на новые подвиги во имя общей победы.

Друзья у нас были верные. Мы твердо верили, что монгольские циики не подведут в трудную минуту. А это очень важно, когда идешь в бой с сознанием того, что твой фланг надежно прикрыт.

Будет уместным рассказать о противнике, чтобы читатель знал, кто нам противостоял на Халхин-Голе, против кого мы сражались с оружием в руках.

Для захвата Монголии, как информировали нас, японское командование выделило самые лучшие части Квантунской армии,

которые прошли специальную подготовку. Так, например, 23-я пехотная дивизия считалась в Японии непобедимой, храброй, могущественной дивизией императорской армии.

Дивизия должна уничтожить войска Внешней Монголии в районе Номон-Хана, писал в приказе от 21 мая командующий 23-й пехотной дивизией генерал Камацубара.

Восхвалялась японцами и 7-я пехотная дивизия. Оба эти соединения были укомплектованы главным образом сынками богатых крестьян, торговцев, мелких и средних помещиков. Показательно, что при общем невысоком культурном уровне японской армии большинство попавших к нам в плен солдат этих дивизий имели образование 7 - 8 классов.

Наряду с японскими войсками в районе реки Халхин-Гол действовали части марионеточных армий Маньчжоу-Го и Внутренней Монголии. Командование Квантунской армии приняло все меры, чтобы сделать их послушным орудием в своих руках. Этими войсками руководили специально подобранные японские офицерские кадры.

Японских солдат отличали в то время религиозный фанатизм, политическая безграмотность, страх перед наказанием. В армии царили произвол, жестокость: офицеры безнаказанно избивали солдат. Малейшее проявление свободомыслия в солдатской массе бесчеловечно подавлялось. При разговорах с пленными, которых мы захватили в предыдущих боях, казалось, что это существа с другой планеты. Многие из них смутно представляли даже те политические события, участниками которых являлись.

На вопрос о причинах войны между Японией и Китаем пленные отвечали примерно так:

Офицеры рассказывают, что война идет потому, что китайцы поднимают волнения, грабят японцев. Япония наводит в Китае порядок. Сам же я по этому вопросу сказать ничего не могу, так как ничего не знаю.

Почти все пленные утверждали, что об СССР до начала боев на Халхин-Голе ничего не слыхали. Они лишь знают о существовании России, которая в 1904 1905 годах потерпела поражение от Японии. О современной Красной Армии им ничего не рассказывали.

Никакого представления не имели японо-маньчжурские солдаты о действительных причинах конфликта на границах Монгольской Народной Республики. От них это скрывали. Все пленные в один голос говорили, что советско-монгольские войска хотели захватить Маньчжурию. Именно так объяснили им события офицеры. Командование лгало солдатам о победах

японских войск и умалчивало о поражениях, утаивало правду о том, что творится на их родине.

Пропаганда в японских войсках имела целью добиться их определенного прозрения, подорвать их боеспособность. Наши органы пропаганды разъясняли японским солдатам смысл происходящих событий. Через звуковещательные станции транслировались обращения к ним. Вот одно из них:

Солдаты! Генерал Камацубара и его офицеры ведут вас на явную смерть. В районе Номон-Хана убито до 6000 японских солдат и ранено до 15 000. Вы сами видите, сколько людей осталось в каждой роте. Прибывшее пополнение из охранных отрядов плохо обучено и не хочет воевать. Вы были свидетелями их панического бегства при первой встрече с красноармейцами. Генералы завели вас в тупик, ставят под убийственный огонь советско-монгольской артиллерии и авиации.

Спасайте свою жизнь! Уходите с земли Монгольской Народной Республики! Прекращайте войну.

Группа красноармейцев, друзей японского народа.

Или вот еще:

Японские солдаты!

Почему вы терпите авантюры своих генералов и офицеров? Вас посылают, как пушечное мясо, против могучей техники советско-монгольских войск!

Вы сами чувствуете на себе силу огня многочисленной и меткой артиллерии. На Баин-Цагане ваши собратья уничтожены и буквально раздавлены танковой атакой. Зачем напрасно гибнете? Сдавайтесь в плен, вам будет обеспечена хорошая жизнь{27}.

В дни боев у Халхин-Гола активно работал пропагандистский отряд армейской группы. Забегая вперед, отмечу, что за время с 20 по 30 августа на фронте было передано одиннадцать обращений к японским солдатам, прочитанных на различных участках фронта шестьдесят раз. Некоторые передавались от двух до двадцати раз. Например, когда японские войска были уже окружены, около двадцати раз передавалось следующее обращение:

Японские солдаты!

Вы прекрасно знаете, что находитесь в окружении уже несколько дней. Вы не имеете воды и пищи. У вас израсходованы боеприпасы. Вас оставил генерал Камацубара на верную смерть. Дальнейшее сопротивление бесполезно и немыслимо. Сдавайтесь в плен. Поднимите высоко над окопами белый флаг. По этому сигналу мы прекратим огонь. Выходите из окопов без оружия, с поднятыми вверх руками и с белыми флагами. Переходите к нам. Монголо-советское командование гарантирует вам сохранение

жизни.

Командование монголо-советских войск.

Слово большевистской правды западало в души обманутых солдат противника, озаряло их сознание. Идеологическая борьба, которую мы повели против захватчиков, была для японских генералов не менее страшной, чем удары нашей пехоты, танков, авиации.

Наши пропагандисты серьезно подорвали политико-моральное состояние японо-маньчжурских войск, которое поддерживалось обманом, водкой, страхом. Без сомнения, агитационная работа среди войск противника сыграла определенную роль в разгроме японских агрессоров в районе реки Халхин-Гол.

В лозунгах, листовках, а затем и газетах, выпускаемых на японском языке, предназначенных для распространения среди японо-маньчжурских войск, разоблачался империалистический характер войны, затеянной японскими захватчиками против монгольского народа, разъяснялись вражеским солдатам военно-политические вопросы.

Примером может служить следующая листовка:

Японские солдаты!

Что вам дает и даст завоевание новых земель и порабощение чужих народов? Сотни тысяч ваших солдат, дравшихся в Китае, стали калекми. С протянутой рукой, как нищие, ходят они по улицам городов и сел. Они голодают, спят на улицах, мрут как мухи. Они никому не нужны, им никто не помогает. Всех вас ждет такая же участь. Война нужна только генералам и богачам. Они богатеют на этой войне. Солдаты, бросайте оружие, уходите с фронта!

Эта и подобные ей листовки, как потом выяснилось с опроса пленных, заставили кое-кого из них задуматься. Да, чувствовалось, что война в Китае уже начинала тяготить многих японских солдат. Угнетающе действовало на них и то, что японские власти не проявляют никакой заботы об инвалидах войны, по существу выбросив их на улицу.

Огромное влияние на успех пропаганды в войсках противника сыграли три газеты: Голос японского солдата, Китайский народ непобедим и Монгольский арат (для баргутов), которые стали выпускаться со второй половины июля.

На страницах этих газет печаталась международная информация, рассказывалось о положении Японии, Маньчжурии и Внутренней Монголии, о борьбе китайского народа против японских оккупантов, о Советском Союзе и МНР. Помещались в этих газетах письма и портреты военнопленных, зарисовки о их

жизни в плену.

Хорошо влияли на врага обзоры военных события на фронте, которые волей-неволей ненавязчиво подводили к мысли о несокрушимой мощи советско-монгольских войск, о неизбежности их победы и о срыве коварных планов японской военщины.

Опыт боев дал богатый материал, характеризующий японскую армию. Суровы были японские законы по отношению к солдатам, которые сдались в плен. Офицеры предупреждали, что семьи сдавшихся в плен будут подвергнуты преследованиям. Но все же пленных становилось все больше. И не только солдат, но и офицеров. В солдатских памятках мы встречали заповеди примерно такого рода: Пока ты жив, ты должен быть потрясен великим императорским милосердием. После смерти ты должен стать ангелом-хранителем японской империи, тогда ты будешь окружен почетом в храме. Но как ни воспитывали, как ни обрабатывали японского солдата, страх перед смертью был выше, чем посулы и заповеди об императорском милосердии.

Один японский солдат, попавший к нам в плен, на вопрос, за что он воевал, ответил:

- Не знаю за что. Мне лишь известно, что был приказ императора; этот приказ каждый солдат должен выполнять беспрекословно...

- Почему же ты не выполнил приказа и бежал с фронта?

- Когда ваши части начали наступать, стало страшно, и я вместе с товарищами бросился удирать{28}.

Однако встречались факты и иного характера. Во время нашего генерального наступления японцы были окружены советско-монгольскими войсками. Дальнейшее сопротивление врага являлось бессмысленным. Это понимали не только мы, но, безусловно, и сами японцы. Сохранить себе жизнь они могли лишь сдачей в плен. Все же многие так не поступили, а дрались до тех пор, пока почти все не были уничтожены.

В приказах и инструкциях японцам предписывалось в безвыходной обстановке обязательно кончать жизнь самоубийством, но ни в коем случае не сдаваться в плен. При этом давали и другой совет: перед тем как уйти в мир иной, оставить кошелек с деньгами, чтобы было на что похоронить.

Наряду с инструкциями, приказами существовало довольно веское средство для воспитания японских солдат - телесные наказания. Правда, есть русская пословица: Слово доходит до души, палка - до кости. Одной лишь палкой цели не достигнешь. Тогда японское командование прибегало к запугиванию. Из уст пленных часто приходилось слышать легенду, которая усердно

преподавалась офицерами для солдата на всем протяжении его службы. Согласно этой легенде, если японский солдат сдастся в плен, его в Советском Союзе немедленно расстреляют. И тот верил. Говорили ему и о том, что если он каким-либо чудом вернется на родину из плена, то его ожидает очень тяжелая участь. Вот поэтому многие солдаты упорно сопротивлялись и не сдавались. в плен.

Позже при передаче попавших к нам в плен солдат и офицеров, среди которых были и раненые, мы наблюдали такую картину: японцы грубо стаскивали пленных с машин, надевали им на голову колпаки позора. Но надо сказать, что японское командование, по-видимому, не предполагало, что пленных будет большое количество, и не заготовило нужного числа колпаков. Пришлось заменить их мешками.

Были и другие методы воспитания японского солдата, которые принимали для того, чтобы поднять его патриотизм, мужество и самурайский дух. Когда солдаты уходили в армию, многим из них выдавались талисманы омоморьи. Их хранили на груди под нательной рубашкой. Хотелось бы привести один любопытный рассказ о талисмане пленного солдата. Он говорил, что талисман подарила ему сестра. Талисман должен сохранить ему жизнь на войне, облегчить боль от ран, а кроме того, и сберечь от плена. Но на щеке у солдата еще не зажила рана от пули советского воина, и, кроме того, он попал в плен. Талисман не помог.

Жизнь показала, что солдаты Страны восходящего солнца не могли решить той задачи, которую перед ними ставил японский империализм. Сила советского оружия, высокие моральные, боевые качества советских воинов свели на нет и приказы, и инструкции, и талисманы, которыми снабжались японские императорские войска.

Все то, что японские офицеры годами вдалбливали в голову солдата, развеялось, как пыль песчаных пустынь. Общаясь с японцами, которые попали в плен, мы убедились, что упорство и патриотизм японского солдата недолговечны, хотя его воспитывали многие годы. Как только японский солдат узнавал подлинную большевистскую правду, сразу же терпели крах те идеи, которые столь усердно навязывали ему в армии офицеры и начальники. Впрочем, такова судьба идеологической обработки солдат любой капиталистической армии.

Однако вернемся ко времени начала наступления. Наши войска занимали плацдарм по восточному берегу реки Халхин-Гол в 3 - 5 километрах восточнее реки. К 20 августа 1939 года мы были готовы к нанесению решительного удара по японским

захватчикам. Наши войска вышли на исходные позиции и в назначенный час были совершенно готовы к наступлению. При изучении опыта боев на Халхин-Голе передо мною во всей полноте раскрылся план операции, который претворяли в жизнь войска группы, в том числе и наш 24-й мотострелковый полк. Этот план по своему содержанию был прост: сковав противника с фронта, нанести удар сильными группами с обоих флангов, окружить врага в районе между рекой Халхин-Гол и государственной границей и уничтожить. Для этой цели были созданы три группы: Южная, Центральная, Северная, а также резерв.

Главный удар наносился по левому флангу неприятеля, то есть там, где он менее всего ожидал и где оборона его была менее прочной. Кроме того, на южном участке наши войска занимали наиболее выгодное положение. Развернувшись фронтом на север, они имели возможность прямолинейным движением на северо-восток быстро охватить фланг врага и кратчайшим путем выйти ему в тыл. Удар предполагалось нанести по менее стойким частям баргутской конницы и маньчжурам.

Перед нашими войсками были поставлены следующие задачи:

- Южной группе в составе 57-й стрелковой дивизии и 8-й монгольской кавалерийской дивизии, 8-й мотобронетанковой бригады (без двух батальонов), одного батальона 11-й танковой бригады, 1-го дивизиона 185-го артиллерийского полка, 37-го противотанкового дивизиона и танковой роты Т-130 наступать в направлении Номон-Хан-Бурд-Обо и во взаимодействии с Центральной и Северной группами окружить и полностью уничтожить японскую группировку южнее и севернее реки Хайластын-Гол, не допустив отхода противника на восток. Эта группа наносила главный удар. Правый фланг ее обеспечивала 8-я монгольская кавалерийская дивизия.

- Северной группе в составе 601-го стрелкового полка 82-й стрелковой дивизии, 6-й монгольской кавалерийской дивизии, 7-й мотобронетанковой бригады, двух танковых батальонов 11-й танковой бригады, батальона 6-й танковой бригады, 82-го гаубичного артиллерийского полка и 87-го противотанкового дивизиона наступать в направлении озер в 6 километрах северо-западнее Номон-Хан-Бурд-Обо и во взаимодействии с Центральной и Южной группами окружить и уничтожить противника севернее реки Хайластын-Гол. 6-я монгольская кавалерийская дивизия обеспечивала левый фланг группы.

- Центральной группе в составе 82-й стрелковой дивизии (без 601-го стрелкового полка), 36-й мотострелковой дивизии и 5-й

стрелково-пулеметной бригаде атаковать с фронта, сковать противника огнем на всю глубину и лишить его возможности маневра в направлении флангов. 82-й стрелковой дивизии нанести главный удар своим правым флангом, во взаимодействии с 57-й стрелковой дивизией Южной группы окружить и уничтожить войска противника в районе к югу от реки Хайластын-Гол. 36-й мотострелковой дивизии с 5-й стрелково-пулеметной бригадой нанести удар левым флангом, во взаимодействии с частями Северной группы и 82-й дивизии окружить и уничтожить группировку противника в районе севернее реки Хайластын-Гол.

В резерв выделялись 212-я авиадесантная бригада, 9-я мотоброневая бригада, танковый батальон 6-й танковой бригады. Ему была поставлена задача - к утру 20 августа сосредоточиться в районе в 6 километрах юго-западнее горы Хамар-Даба и быть готовым развить успех Южной или Северной группы войск.

Авиации ставилась задача до начала артподготовки нанести массированный удар по главной полосе обороны противника с целью уничтожения его живой силы и огневых средств. Перед началом атаки пехоты и танков намечалось нанести второй удар по обороне врага. В дальнейшем - действовать по резервам противника, не допуская их подхода к полю боя.

Артиллерийская подготовка планировалась продолжительностью 2 часа 45 минут. Причем последние 15 минут отводились на мощный огневой налет всей артиллерией по переднему краю японской обороны.

Глава шестая.

Час расплаты настал

Занимался рассвет, медленно разгоралось утро 20 августа 1939 года. На склонах гор Хамар-Даба, Баин-Цаган и над рекой Халхин-Гол стлался серой дымкой туман. В такие часы хорошо спится, но в войсках группы уже давно никто не спал, а многие командиры вообще не смыкали глаз. В эту ночь им было не до сна. Шли последние приготовления. Вот стрелки часов приблизились к 5 часам 45 минутам. Вдалеке, в тылу наших позиций, послышался гул. Он ширился, нарастал. Вскоре мы увидели в небе большую группу наших бомбардировщиков. Они шли в строгом боевом порядке в сторону врага.

Вслед за бомбардировщиками пронеслись истребители. Развернувшись над окопами противника, они ударили по японцам, поливая их огнем пулеметов и пушек. А потом началась артиллерийская подготовка. Содрогнулась, застонала земля от разрывов тысяч снарядов. Тонны раскаленного металла врезались в землю, в укрепления врага, уничтожая его живую силу, оружие

и технику.

Бомбы и снаряды с необыкновенной точностью ложились в цель, крушили противника на переднем крае, его ближние резервы и артиллерийские позиции. Буквально в первые же минуты огнем артиллерии были подавлены зенитные батареи японцев, что облегчило действия нашей авиации: в это утро зенитчикам врага не удалось подбить ни один наш самолет.

За 15 минут до наступления авиация произвела повторный налет на районы огневых позиций противника. Интенсивный огонь открыла артиллерия всех калибров. И точно в назначенный час советская пехота и танкисты в едином порыве с боевыми призывами За Родину!, За Коммунистическую партию! стальной лавиной ринулись на врага.

Час расплаты настал!

Темп атаки был исключительно высок. Танки и бронемашин двигались на большой скорости. А за ними, на некотором удалении, бежали стрелки. В каждой роте и взводе ярким пламенем горели красные флаги. В цепях бойцов орденосного 24-го мотострелкового полка алело присланное нам боевыми подругами знамя с вышитым на нем портретом Владимира Ильича Ленина и словами Ждем вас с победой.

Атака была стремительной, неудержимой, каждый воин хотел первым ворваться в расположение врага и уничтожить его. Могучее ура неслось над всем 70-километровым фронтом, наводя панику и ужас на японцев. Удар для них оказался внезапным. В течение долгого времени они не могли прийти в себя. За первые полтора часа вражеская артиллерия не сделала ни одного выстрела. Первыми опомнились пулеметчики. По нашим наступающим подразделениям ударили длинные пулеметные очереди. Однако ничто уже не могло сдержать порыв советских и монгольских воинов, остановить их.

В первый день наступления наибольших успехов достигла Южная группа. Входившая в ее состав 8-я монгольская кавалерийская дивизия отбросила части баргутской конницы с занимаемых позиций и вышла к государственной границе. На нашу сторону с оружием в руках перешло до 250 баргутов и китайцев. В последующие дни операции 8-я кавалерийская дивизия оставалась на достигнутом рубеже, обеспечивая правый фланг, а затем и тыл Южной группы.

Успешно действовала 57-я стрелковая дивизия. Ломая упорное сопротивление врага, она продвинулась своим правым флангом на 11 - 12 километров.

Большое испытание выпало на долю 8-й мотоброневой бригады. Ей пришлось преодолевать полосу песчаных барханов.

Японцы полагали, что советские машины не пройдут здесь. Однако они глубоко ошиблись. Несмотря на все трудности, подразделения преодолели препятствие и к исходу дня вышли в район в 3 - 4 километрах юго-западнее Номоп-Хан-Бурд-Обо, а разведка достигла линии государственной границы.

6-я танковая бригада 20 августа участия в бою не принимала. Она замешкалась на переправе, потеряла время и не успела выйти в назначенный ей район.

Не совсем удачно вела бой 82-я мотострелковая дивизия. Ей была поставлена задача овладеть сопкой Песчаная и высотой Зеленая, которые противник превратил в сильные узлы сопротивления. В течение дня части дивизии штурмовали эти высоты и сумели продвинуться лишь на флангах на 500 - 1500 метров, не полностью выполнив задачи.

Наша 36-я мотострелковая дивизия наступала совместно с 5-й стрелково-пулеметной бригадой, нанося главный удар своим левым флангом, то есть 24-м мотострелковым полком. 5-я стрелково-пулеметная бригада и 149-й стрелковый полк активными действиями сковывали врага с фронта.

Вверенный мне 24-й мотострелковый полк, усиленный танковым батальоном (57-й стрелковой дивизии), успешно продвигался вперед, уничтожая огневые точки противника. К исходу дня его подразделения должны были выйти к группе сопок на подступах к высоте Ремизова. Казалось, еще одно небольшое усилие - и бойцы достигнут намеченного рубежа. Но тут произошла заминка, и враг не преминул воспользоваться ею. А случилось следующее. 2-й батальон обходил сопку, на которой был оборудован опорный пункт. Японцы открыли по нему сильный пулеметный и минометный огонь. Тут бы сделать бросок вперед, но молодой командир батальона капитан С. Е. Коровяка, сменивший погибшего старшего лейтенанта Кожухова, на какое-то время допустил промедление. Цепи залегли. Это грозило срывом атаки.

Видя такое положение, я оставил на наблюдательном пункте полка своего заместителя майора А. Белякова и на бронемашине помчался в боевые порядки 2-го батальона, чтобы принять необходимые меры. Как выяснилось на месте, каких-то особых мер и не требовалось. Надо было только твердо вести роты вперед. Так я и сделал. Батальон поднялся с криком ура, атаковал противника и вышел к опорному пункту. Задача была выполнена.

Обычный на фронте эпизод. Но он показывает, насколько огромную роль играет воля, твердость командира, его умение постоянно и уверенно управлять подразделением.

Началась подготовка ко второй атаке - к захвату опорного

пункта. Я не сомневался теперь: 2-й батальон совместно с другими подразделениями решит эту задачу. Командиру полка здесь делать уже нечего. Я решил вернуться на наблюдательный пункт, чтобы руководить боем полка. Да и комбат меня заверил, что подобного больше не произойдет. И действительно, как показали дальнейшие события, батальон дрался отлично.

Пожелав удачи командирам и бойцам, я пошел к броневика, который остался на обратном скате одного из барханов. Японцы, по-видимому, заметили меня и открыли минометный огонь. При разрыве первых мин я тут же лег. Переждав немного, поднялся и снова побежал в сторону броневика. Враг тут же повторил огневой налет. Я снова упал. Рядом разорвалась мина, засыпав меня песком. Но все прошло благополучно. Теперь до броневика оставалось недалеко. Решил преодолеть это расстояние броском. Вскочив, но успел сделать лишь несколько шагов - осколки мины настигли меня. Упал как подкошенный. В первое мгновение показалось, что правая нога оторвана. Попытался приподняться, но это не удалось. Рана, как потом выяснилось, оказалась серьезной: была повреждена кость. Но тогда, под огнем врага, я еще не знал этого и снова попытался встать. Не получилось, только дал понять японцам, что жив, и они открыло пулеметный огонь. Я пополз вверх, хотя каждый сантиметр давался с большим трудом. И вдруг услышал голос:

- Товарищ полковник, вы ранены?

- Ранен, - ответил сквозь зубы, - и, кажется, здорово... Ко мне подполз наш воин и представился:

- Красноармеец Попов, связной командира первой стрелковой роты. Он послал меня помочь вам, когда увидел, что вы упали и не встаете.

- Ну так помогите побыстрее.

- А куда вы ранены? - спрашивает боец.

- В ногу. Но сначала посмотрите, нога на месте или нет.

- На месте, но надо вас перевязать.

Попов затащил меня в углубление и стал оказывать первую помощь. Он разрезал сапог, брюки, достал из кармана новым чистый носовой платок, который хранил в гимнастерке, по-видимому шефский подарок, наложил платок на рану, ногу обернул моей же портянкой, брючным ремешком закрепил, а поясным ремнем, как жгутом, перетянул ногу. В горячке оба забыли, что у нас в сумках противогазов есть бинты, и не воспользовались ими. Я был рад, что перевязка сделана, кровь остановлена.

Теперь Попову предстояло самое трудное - вытащить меня из-под огня. И боец-то небольшого роста, не в обиду ему сказать,

щупленький, а откуда силы у него взялись! Потащил меня. Благо начали сгущаться сумерки и японцы уже не могли разглядеть нас.

- Куда же ты меня волочешь? - спрашиваю красноармейца, видя, что не к броневикам.

- Тут недалеко, за барханами, находятся танкетки, товарищ полковник, туда вас и доставлю. Там вам настоящую помощь окажут.

Настойчиво, хотя и медленно, мы продвигались по направлению к танкеткам противотанкового дивизиона нашей дивизии. Попов, обливаясь потом, тащил меня и свою винтовку. Я лежал на его спине, по возможности помогая здоровой ногой. Левой рукой обнял его за шею, в правой держал револьвер на всякий случай. Когда мы добрались до противотанкового дивизиона, там оказался врач, который сделал мне перевязку по всем правилам. После этого на одной из танкеток меня отправили на командный пункт вверенного мне полка, а оттуда на санитарной машине в ближайший госпиталь в районе Хамар-Дабы.

Ранение оказалось слепое, осколок ушел в таз. Операция была сложной. Несколько раз я слышал фамилию, которая мне запомнилась. Операцию делал Ахутин. Несмотря на все его старания, осколок он извлечь не смог. Так и остался он у меня на всю жизнь.

На рассвете следующего дня меня перевезли в госпиталь в районе Тамсаг-Булака. Это был уже тыловой госпиталь. Первую перевязку после операции мне сделал рослый, красивый мужчина, с большой шапкой седых волос, с мужественным лицом и золотыми руками хирурга. Мне шепнула сестра, что это профессор. Перевязка была очень тяжелой. Потому, видно, он и делал ее сам. Мне казалось, что меня жгут раскаленным железом.

- Профессор, ну зачем вы меня еще жжете, мне и так больно, - сказал я.

- Что вы, успокойтесь, - сказал он. - Я вас ничем не жгу, а расчищаю рану, в которой остались еще, несмотря на хорошо проведенную операцию, отдельные кусочки от вашей гимнастерки или брюк. Вот я удалю все, и вы почувствуете себя лучше.

И действительно, после этого мне стало много легче.

Уже впоследствии я узнал, что мне посчастливилось попасть на операционный стол к Николаю Николаевичу Еланскому, в то время уже доктору медицинских наук, профессору, а впоследствии ставшему заслуженным деятелем науки РСФСР, лауреатом Государственной премии СССР, Героем Социалистического Труда, генерал-лейтенантом медицинской службы.

Будучи начальником кафедры военно-полевой хирургии Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова, он слал одним из организаторов хирургической помощи раненым при боевых действиях на реке Халхин-Гол.

В годы Великой Отечественной войны Еланский был главным хирургом ряда фронтов, а в 1947 - 1959 годах - главным хирургом Советской Армии.

Но все это уже было позже, а тогда, в августе 1939 года, повторяю, меня поразило мужественное и в то же время доброе лицо с живыми, внимательными глазами, в которых сквозили чуткость и участие, свойственные характеру этого человека, а главное - золотые руки хирурга.

Кстати, у него я и поинтересовался, что за человек делал мне первую операцию в госпитале, что располагался близ передовой в районе Хамар-Дабы. Я запомнил лишь фамилию - Ахутин.

- Это мой коллега, - с теплотой в голосе пояснил Еланский. - Михаил Никифорович Ахутин до недавнего времени был профессором Хабаровского мединститута, там он возглавлял кафедру оперативной хирургии. А теперь начальник кафедры госпитальной хирургии академии. Блестящий хирург, доктор медицинских наук. Можно сказать, он спас вам ногу...

Интересны повороты судьбы. Я, человек далекий от медицины, на Халхин-Голе познакомился со светилами медицинской науки, с людьми, имена которых впоследствии стали широко известны в стране.

Не могу не сказать несколько слов и о первом своем исцелителе, за судьбой которого, конечно, следил в последующие годы, с благодарностью вспоминая то, что делали его замечательные руки.

Ученик знаменитого Владимира Андреевича Оппеля, одною из основоположников военно-полевой хирургии и клинической эндокринологии в СССР, создавшего в 1931 году первую в Советском Союзе кафедру военно-полевой хирургии ленинградской Военно-медицинской академии, Михаил Никифорович Ахутин начал работать в его клинике еще в 1920 году. И к событиям на Халхин-Голе он подошел хирургом, обладающим большим практическим опытом и высоким профессиональным мастерством. Его труды, написанные после завершения боев, по их свежим следам, способствовали решению важных задач военно-полевой хирургии.

Во время советско-финляндской войны Михаил Никифорович Ахутин был армейским хирургом-консультантом, а в годы Великой Отечественной - главным хирургом Брянского, 2-го Прибалтийского и 1-го Украинского фронтов. С 1945 года и до

последних лет жизни генерал-лейтенант Ахутин являлся заместителем главного хирурга Советской Армии, с того же года он - член-корреспондент Академии медицинских наук СССР.

Конечно, таких, как я, раненых командиров у врачей было немало. Но знаю по рассказам медицинских работников, которые с большим уважением относились к своим руководителям и учителям, что М. Н. Ахутину и Н. Н. Еланскому было присуще высокое чувство ответственности за порученное дело, их вклад в организацию оказания хирургической помощи во время боевых действий трудно переоценить. Вот это чувство ответственности и самоотверженное отношение к делу объединяло очень разных по характеру и по отношению к подчиненным людей. М. Н. Ахутин был чрезвычайно общителен, прост в обращении и в то же время стеснялся проявлять требовательность. В противоположность ему Н. Н. Еланский относился к подчиненным сдержанно, сухо, отличался немногословностью, педантичностью в обучении, особой внимательностью к так называемым мелочам в работе ординаторов и сестер у перевязочного стола и у постели больного.

Не только ради того, чтобы рассказать, с какими людьми свела меня судьба после ранения, пишу я эти строки. Моя цель - обратить внимание читателей на то, какую заботу проявляло советское командование об организации медицинского обеспечения действующих войск.

В дни вынужденного бездействия в госпитале во время лечения я живо интересовался организацией и тактикой медицинской службы, которую, признаюсь, прежде знал весьма поверхностно. Да и не до того командиру в боевой обстановке, где каждый делает свое дело. Здесь же я заинтересовался этими вопросами, тем более что не мог не заметить еще до ранения, что в августе медицинская служба стала работать значительно четче и организованнее, чем, скажем, в мае.

Оказалось, что в период майских боев медицинские подразделения и учреждения нашего 57-го особого корпуса были представлены только батальонными и полковыми медицинскими пунктами. Ни медико-санитарных батальонов, ни полевых подвижных госпиталей не было. Правда, работали два стационарных госпиталя, на 200 коек по штату каждый, но один из них, расположенный в Баин-Тумене, полностью не развернулся и имел только 80 коек. Да и хирургов было маловато, в баин-туменском госпитале, к примеру, работал, лишь один опытный хирург-военврач 2 ранга Ф. И. Исаков.

Расстояние от этих госпиталей до района боевых действий было огромное: от улан-баторского - около 1000, от баин-

туменского - около 500 километров. Все это, конечно, усложняло медицинское обеспечение войск, хотя военные врачи работали самоотверженно и справлялись с поступающим из медицинских учреждений частей и подразделений потоком раненых.

И все же медицинское обеспечение требовало значительного улучшения. Вскоре этот вопрос был решен. В Забайкальский военный округ направили высококвалифицированных специалистов Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова.

В составе отряда из Военно-медицинской академии в район боевых действий прибыли многие замечательные специалисты, в том числе начальник кафедры госпитальной хирургии дивизионный врач профессор С. С. Гирголав, начальник кафедры стоматологии и челюстно-лицевой хирургии бригадный врач Д. А. Энтин, начальник кафедры общей хирургии бригадный врач профессор И. М. Тальман, начальник кафедры военно-полевой хирургии, уже известный читателю бригадный врач профессор Н. Н. Еланский и многие другие. Начальники кафедр возглавляли группы, в которые входили наиболее опытные доценты, ординаторы и слушатели. Например, в группе, возглавляемой профессором Еланским, был участник национально-революционной войны испанского народа доцент кафедры военврач 2 ранга И. С. Колесников, впоследствии известный в стране хирург.

Иван Степанович Колесников в годы Великой Отечественной войны был сначала армейским хирургом, а затем главным хирургом Карельского фронта.

С 1944 года он стал заместителем начальника кафедры общей хирургии, затем возглавил кафедру госпитальной хирургии, а с 1976 года, после выхода в отставку, является профессором-консультантом этой кафедры. Иван Степанович академик Академии медицинских наук, заслуженный деятель науки РСФСР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, генерал-майор медицинской службы. А я помню его еще военврачом 2 ранга, помню, как высоко отзывались раненые о мастерстве тогда еще молодого хирурга.

Столь подробно останавливаюсь на медицинском обеспечении боевых действий на Халхин-Голе потому, что, во-первых, попав в госпиталь, по-настоящему оценил нелегкий, самоотверженный и такой необходимый труд советских военных медиков и, во-вторых, после этого своего посещения госпиталя, признаюсь, по-иному стал относиться к медицинской службе как в полку, так и в соединениях и объединениях, которыми довелось командовать впоследствии.

Я постоянно интересовался работой этих учреждений, их

укомплектованностью, профессиональной подготовкой персонала, по возможности стремился бывать и на медицинских пунктах, и в медсанбатах, и в госпиталях, чтобы лично убедиться, не нужна ли какая помощь в организации их более четкой деятельности.

Возвращаясь же к событиям на Халхин-Голе, должен отметить, что к августу медицинское обеспечение войск было отлажено до совершенства. Да я и на себе это испытал. Помощь при довольно серьезном ранении мне была оказана быстро, профессионально и надежно.

Невозможно переоценить труд медиков. Если бойцы героически сражались с врагом, то врачи героически боролись за восстановление здоровья, за спасение жизни красноармейцев и командиров. Даже при налетах японской авиации они не покидали своего поста, боролись за жизнь людей. Их подвиг был по достоинству оценен. Орденом Ленина награждены врачи М. Н. Ахутин, В. И. Казанский, З. Е. Смоляницкий, другими наградами отмечены многие врачи и медсестры.

И все же мне было обидно: выбыть из строя в разгар наступления. Конечно, я не сомневался, что мои боевые помощники - и майор А. Беляков, и комиссар И. Щелчков, и капитан В. Полунин - уверенно смогут руководить полком, выполнят поставленные задачи. Тем не менее хотелось сделать это самому, быть там, на поле боя, лично вести батальоны на врага...

Изредка выдавались и радостные дни. Однажды меня предупредили, что приехала жена и скоро придет ко мне. Естественно, привел себя в полный порядок и стал с нетерпением ждать. Чтобы не волновать супругу, попросил медсестру не накрывать мне одеялом ноги - пусть, мол, видит, что целы и невредимы.

Встреча была трогательной, ведь не виделись мы уже несколько месяцев. Наконец она спросила:

- Куда же ты ранен, Ваня? Я ответил:

- В ногу, - и тут же добавил: - Ничего страшного, скоро выздоровею.

Леля посмотрела на меня пристально и, очевидно, хотела уточнить, цела ли кость, а вместо этого растерянно проговорила:

- Ранен в ногу, а брюки целы.

Естественно, в палате раздался и долго не утихал смех. И мои друзья корреспонденты использовали впоследствии этот разговор. Несмотря на просьбу жены не писать об этом разговоре, сделали его достоянием многих людей. Ну что и, как говорится, из песни слова не выкинешь.

Как-то ночью - это было в конце августа - я услышал шум у дверей палаты. Прислушался, разобрал голос сестры. Она кого-то убеждала:

- Товарищи, ведь можно подождать до утра. Сейчас три часа ночи. Человек спит.

Но я уже проснулся. Подумал, что кто-то прибыл из района боевых действий. Взяв костыли, открыл дверь и увидел у дверей группу командиров, в том числе начальника и комиссара госпиталя. Позвал всех в палату. В ней мы были вдвоем с капитаном Никитиным - заместителем командира одного из полков нашей дивизии по материальному обеспечению. В небольшой комнате сразу стало тесно. Стоять мне было еще трудно, и я присел на койку. Лица моих гостей были торжественно-веселые. Значит, новость хорошая. У меня отлегло от сердца.

- Дорогой Иван Иванович, - сказал незнакомый мне полковник из штаба группы, - только что передан по Московскому радио Указ Президиума Верховного Совета о присвоении вам звания Героя Советского Союза.

Новость была такой неожиданной, что я вскочил, забыв про больную ногу. Кто-то поддержал меня под руку, кто-то обнял, кто-то пожимал руку.

- Вы что-то, наверное, напутали, - наконец вымолвил я.

- Нет, Иван Иванович, ничего не напутали. Все так, как сказал товарищ полковник, - услышал я голос начальника госпиталя. - Так что поздравляем от всей души.

Трудно передать все чувства и переживания, которые охватили меня в те минуты. Можно коротко сказать, что это был самый радостный и счастливый день в моей жизни.

Буквально на завтра я стал просить, чтобы меня выписали из госпиталя и отправили в полк. К этому времени я уже мог передвигаться на костылях. Медики запротестовали. Но мне удалось настоять на своем. В полк поехал не сразу. Меня пригласили в Президиум Великого народного хурала Монголии, где вручили орден Красного Знамени Монгольской Народной Республики.

Вскоре после возвращения в свой полк побывал в штабе группы и представился командующему - комкору Г. К. Жукову. Он поздравил меня с присвоением звания Героя Советского Союза, справился о здоровье. Увидев, что я на костылях, предложил поехать на Родину, для лечения.

- Разрешите мне остаться в полку, - попросил я. - Чувствую себя хорошо и вполне могу командовать.

- Иван Иванович, понимаю ваше рвение, но оно ни к чему, -

сказал Георгий Константинович. - Сейчас не только вам на костылях, но и тем, кто без костылей, уже делать нечего. Японская группировка разгромлена. Так что поезжайте лечиться.

И все же, вняв моим настойчивым просьбам, Г. К. Жуков разрешил остаться в полку на несколько дней. Это позволило мне стать свидетелем последних событий на Халхин-Голе...

Однако вернемся к тому дню и тому моменту, когда я оставил полк по ранению.

Все события мне удалось восстановить по многочисленным и довольно подробным рассказам их участников - моих подчиненных.

После короткой подготовки батальоны все-таки овладели тем рубежом, на котором столь упорно оборонялся противник и из-за которого мне пришлось выезжать на передний край.

В том бою отличились многие наши бойцы и командиры.

Напомню, что наступление началось утром 20 августа по всему фронту. Перешел в атаку при поддержке танков и наш полк,

От исходного положения до сопки, где засел противник, около пяти километров. Нелегко пройти этот путь с пулеметами под артиллерийским огнем. Но все время увлекало бойцов вперед боевое Красное знамя. Бойцы преодолевали броском участки заградительного и сосредоточенного огня, неотвратимо приближаясь к японским укреплениям.

Танки прорвали проволочное заграждение и начали бить прямой наводкой по вражеским огневым точкам. Роты двинулись вперед. К вечеру они уже заняли передний край японской обороны и надежно там закрепились.

Всю ночь бойцы и командиры готовились к новому удару по врагу, а утром вместе с танками двинулись вперед и закидали окопы противника гранатами. Японцы в панике стали бросать оружие и удирать. Сопка была очищена. На ней японцы оставили 12 пушек, много снарядов, пулеметов, винтовок и гранат. Некоторое время спустя противник открыл минометный огонь с соседней сопки, но наши бойцы уже успели окопаться...

Снова отличился Григорий Доля. Ему было приказано выдвинуть пулемет и приготовить его для ведения кинжального огня по противнику, если тот попытается атаковать ночью. Наши командиры уже достаточно хорошо познакомились с приемами врага и поэтому проявляли высокую бдительность. Выслали вперед дозоры. Тревожной была ночная тишина. И вдруг - взрыв гранаты... Через несколько минут к командиру роты подбежал боец и доложил, что к нашему переднему краю подползают японцы. В следующую минуту раздались крики банзай. Японцы

бросились в атаку, и тут по ним ударил в упор пулемет. Разгорелась жестокая схватка. Пулеметчик был ранен, но, истекая кровью, продолжал драться с врагами, отбиваясь гранатами, а затем отошел к нам. Григорий Доля вместе с командиром отделения Синцовым в упор расстреливали атакующих, не забывая следить за тем, чтобы в обороне не образовалось слабое место.

Вскоре крики банзай перешли в стоны. Японцы откатились в старые окопы, которые находились тут же, рядом с нами, и там укрылись. Наши бойцы стали подползать ближе и бросать туда гранаты. Немало японцев нашли могилу в старых окопах.

Один из раненых японцев среди ночи вдруг закричал истошным голосом. Григорий Доля решил взять его живым. Командир Прокофьев предупредил, что он там, вероятно, не один и что надо быть осторожным. Тогда Доля взял с собой красноармейцев Забазиева и Ефремова. Когда подползли к этому раненому, увидели возле него шесть трупов врага.

Обследовали все вокруг и неподалеку наткнулись на шестерых японских солдат, которые сразу схватились за оружие. Красноармеец Забазнов в упор убил из нагана одного из них и прыгнул к вражескому пулемету. Доля застрелил из винтовки еще двоих. Но возле него снова сверкнул японский штык. Доля отбил винтовку, да так, что она вылетела из рук японца. Но сзади на него бросился еще один вражеский солдат. Увернувшись, Доля уложил его ударом приклада.

Когда рассвело, наши бойцы увидели множество вражеских трупов. Нужно было обойти окопы. Доля взял с собой стрелков. Как только они подошли к одному из окопов, оттуда выбежали 12 японцев и пустились наутек. Видно, они надеялись спастись. Наши пулеметчики уничтожили врагов.

Бойцы забрали 4 японских пулемета, 35 винтовок, ящик патронов, много других трофеев. Подсчитали вражеские трупы. Их было 39. Лишь один японец ухитрился сбежать.

Ну что же, пусть расскажет своим, каково воевать с большевиками, - решил Доля.

Отважный командир Григорий Доля был грозой для врагов. Забегая вперед, скажу, что он не получил ни одного ранения, ни одной царапины, хотя его рота участвовала во всех боях, которые вел наш полк.

Он в шутку говорил: Нет в Японии такой пули, нет такого снаряда, которые могли бы убить Долю, бывшего батрака, а теперь счастливого советского человека...

Героически дрался политрук 8-й мотострелковой роты К. Ф. Срослов. Бойцы постоянно видели его впереди, на самом ответственном участке.

Политрук с нами, - значит, будет все в порядке, - говорили они.

Во время атаки безымянной сопки Срослов первым бросился на врага, увлекая за собой красноармейцев. Вместе с одним из них политработник втащил на высоту пулемет и стал расстреливать врагов, пытавшихся вернуть утраченные позиции. Они лезли, не считаясь с потерями. Получил ранение и выбыл из строя командир роты. Срослов взял командование на себя. Под руководством политрука подразделение отбило все контратаки японцев и устремилось вперед.

Наступление мотострелков беспрерывно поддерживали артиллеристы. Помощник командира батареи комсомолец лейтенант Н. М. Румянцев в первые же часы боя уничтожил штаб противника. И тут лейтенант заметил, что продвижению стрелковой роты мешают станковые пулеметы противника. Он быстро определил расстояние до них, подготовил данные и подал команду на открытие огня. Несколькими снарядами артиллеристы заставили замолчать три станковых пулемета врага. Рота двинулась вперед.

Высокой похвалы заслуживают действия воинов отдельного танкового батальона, и особенно их командира коммуниста майора Григория Ивановича Вороякова. Это опытный командир, участник гражданской войны. Он храбро сражался против врагов молодой Советской Республики, а теперь так же мужественно отстаивал честь и независимость братской страны - Монгольской Народной Республики. 20 августа майор Воронков трижды водил свой батальон в атаку и лично уничтожил огнем своего танка две пушки и штаб врага.

Итак, полк выполнил ближайшую задачу. День уже близился к концу, подразделения закрепились на достигнутом рубеже. Всю ночь они вели усиленную разведку, деятельно готовились к завтрашнему бою.

Удалось мне затем восстановить по донесениям и другим документам всю обстановку на фронте в тот первый день решающего удара по врагу.

Северная группа наших войск наступление начала довольно успешно. Она быстро сломала сопротивление двух полков баргутской конницы, овладела передовыми позициями и устремилась к высоте Фуи (Палец). И тут произошла осечка. С ходу захватить ее не удалось. Противник создал здесь мощный узел обороны и отразил атаки наших войск. Сказался просчет разведки. Ведь 7-я мотоброневая бригада продолжительное время занимала оборону против этой высоты, а установить, как она укреплена и какими силами обороняется, не могла. Командование полагало, что здесь имеется не более двух рот противника, а в действительности там оказалось значительно больше сил и куда более мощные оборонительные сооружения. Район высоты был приспособлен для круговой обороны, обнесен колючей проволокой. Японцы вырыли блиндажи для людей и лошадей, часть из них оборудовали бетонированными перекрытиями. Преодолеть такой узел обороны сразу не удалось.

21 августа войска всех трех групп продолжали развивать наступление. В этот день в бою приняла участие 6-я танковая бригада. Ударная сила Южной группы возросла. К вечеру ее

правофланговые части заняли Большие и Малые Пески и отрезали таким образом отход на восток частям противника, находящимся южнее реки Хайластын-Гол.

Части и подразделения 82-й стрелковой и 36-й мотострелковой дивизий в этот день продвинулись незначительно.

Но больше всего командование советско-монгольских войск беспокоило положение на северном участке фронта. Задержка частей Северной группы у высоты Палец не давала возможности завершить окружение противника, и он, прикрываясь этим мощным узлом обороны, мог маневрировать, перебрасывать силы на другие участки. Потребовалось усилить Северную группу. Из резерва 1-й армейской группы ей были переданы дополнительно 9-я мотоброневая и 212-я авиадесантная бригады. 9-я мотоброневая бригада обошла высоту с севера и вышла в тыл врагу на 10 - 12 километров. Но и после этого самураи не оставили узел обороны. Их пришлось выбивать штыком и гранатой. И все-таки сопротивление врага было сломлено. Но на это потребовалось немало сил и времени, пришлось также израсходовать часть резервов.

В течение 22 августа части Южной группы разгромили в районе Малых Песков и западнее их артиллерийские позиции и резервы противника (71-й пехотный полк), приступили к ликвидации уцелевших отдельных узлов сопротивления. Каждый дот и блиндаж приходилось брать штурмом. Орудия выкатывали на прямую наводку, и они били в упор. Огнеметные танки выжигали огневые точки врага, а затем пехота и танки завершали их уничтожение.

Во время наступления на опорный пункт японцев 22 августа проявил исключительное мужество, выдержку и решительность младший политрук Вылегжанин. Его танк двигался впереди, ведя за собой подразделение. Вот уже близко первая траншея врага, и тут вражеский снаряд ударил в борт машины. Танк вышел из строя. Пулеметчик получил тяжелое ранение. Вылегжанин попытался оказать ему помощь, но сделать это в танке практически невозможно. Тогда отважный политрук вынес товарища из машины и здесь, под прикрытием огня товарищей, перевязал его. Потом Вылегжанин подцепил на буксир подбитый танк и вывел его в безопасное место.

Красноармеец Г. Х. Хатмулин в атаке шел в передовой цепи. Он первым ворвался в траншею врага и в рукопашной схватке штыком заколол девять солдат противника. Продвигаясь дальше, воин забросал гранатами блиндаж, в котором засела группа врагов.

Командир противотанкового орудия комсомолец И. Т. Ванечкин огнем прямой наводки уничтожил два противотанковых орудия и станковый пулемет врага.

Не менее отважно дрался с врагом командир орудия комсомолец В. М. Русанов. Стрелковая рота неудержимо шла в атаку на опорный пункт противника. И вдруг из замаскированного окопа ударил вражеский пулемет. Бойцы залегли. Наши пулеметчики открыли по огневой точке японцев массированный огонь. Но она продолжала стрелять, не давая возможности роте подняться с земли.

Видя это, Русанов выкатил под сильным артиллерийским огнем противника орудие на открытую позицию и прямой наводкой разбил японский пулемет. Он замолчал. Путь пехоте был открыт.

При атаке сопки Зеленая пулеметчик красноармеец А. С. Чернов прикрывал товарищей. Вдруг рядом разорвалась вражеская мина. Воин остался невредим, а пулемет вышел из строя. Чернов не растерялся. Набрав в вещевой мешок побольше гранат, он выбрался на вершину сопки с оттуда, заметив в углублении 15 японцев, забросал их гранатами. Затем, подобрав японскую винтовку, он ворвался в окоп и пристрелил укрывшегося там вражеского офицера. Красноармеец Чернов был ранен, но остался в строю и лишь по требованию командира был отправлен на медицинский пункт.

Утром 23 августа наши войска получили обращение политического отдела:

Беспощадно уничтожим самурайских гадов до конца.

Товарищи бойцы, командиры и политработники!

В результате героических боев частей нашего корпуса 21 и 22 августа японские части 71, 4, 26 и 72-го пехотных полков полностью окружены. Пути отступления отрезаны. Наши войска начали окончательное уничтожение японских захватчиков.

Нашими частями захвачено много пленных, 36 пушек... 20 пулеметов, 4 миномета, знамена частей, много снарядов и другого военного снаряжения и имущества.

Японцы несут огромные потери.

В лагере врагов паника и разложение.

Наши листовки обладают большой взрывчатой силой. Советские листовки охотно читают японские солдаты, несмотря на беспощадные карательные меры со стороны японского офицерства.

Массовый характер принимает дезертирство маньчжурских и японских солдат и переход их на сторону наших частей. Тысячи дезертиров бродят в японском тылу, японские солдаты все чаще

сдаются в плен. Утром 22 августа 280 солдат хинганских войск с возгласами Да здравствует СССР! перешли на сторону монголо-советских войск, в том числе майор, капитан и два младших офицера. Переход солдат противника на нашу сторону продолжается.

Перешедшие солдаты и офицеры написали обращение баргутам и маньчжурам с призывами переходить на сторону монголо-советских войск.

Наши части преисполнены решимости уничтожить подлых гадов до конца. Они с чувством беспредельной любви к социалистической Родине меткими залпами, гранатой и мощными штыковыми ударами уничтожат самурайскую нечисть. 22 августа наша артиллерия на правом фланге совместно с танками заставила замолчать артиллерию противника.

Наши части своим мужеством, героизмом и силой своего удара вписывают новую славную страницу в историю героических боевых действий Красной Армии...

За полную победу, боевые товарищи!

За Родину, вперед!

Политический отдел корпуса.

Обращение политотдела подняло боевой дух наших воинов, придало им силы, вдохновило на новые подвиги.

К исходу 23 августа, после четырехдневных боев, войска Северной группы овладели высотой Палец. Из окопов и блиндажей было извлечено свыше 600 трупов японских солдат{29}.

Однако у врага оставалось еще три крупных очага сопротивления (наиболее сильный из них - в центре) в районе наступления частей 82-й стрелковой и нашей 36-й мотострелковой дивизий. Эти соединения продолжали активно сковывать противника с фронта, постепенно продвигаясь на своих флангах.

Японцы упорно дрались в узлах сопротивления, которые они укрепили за время обороны. Это были высоты Палец, о которой говорилось выше, Песчаная, Зеленая и другие. Сначала оборонительные сооружения разрушались огнем артиллерии и огнеметных танков, а уж потом шла пехота со штыком и гранатой.

Жестокие бои разгорались в траншеях. Тут враг пускал в ход не только оружие, но и бутылки с зажигательной смесью, старался засыпать глаза нашим бойцам песком, используя для этого малые саперные лопатки. Однако наши солдаты и командиры умело вели траншейный бой, ломали упорство самураев. Вот пример.

На красноармейца Ефима Корчанова напали несколько японцев в узком проходе траншеи. Боец не растерялся. Он бросил в них две гранаты. Но в это время к нему сзади подскочил японский солдат и хотел выбить винтовку из рук. Но у хорошо обученного бойца не так-то легко выбить из рук оружие. Корчанов резко развернулся и заколол японца штыком.

Красноармейцы Суханов, Нестеров и Савельев наткнулись в траншее на большую группу врагов. Те открыли огонь. Наши воины пустили в ход гранаты, уничтожив 12 японских солдат.

Так в упорной траншейной борьбе пришлось отвоевывать каждую пядь земли. Наши бойцы смело вступали в бой с неприятелем, даже если тот превосходил численно, и выходили победителями.

23 августа войска противника были окружены. Для того чтобы вывести свои части из кольца, японское командование предприняло 24 августа контратаки юго-восточнее населенного пункта Номон-Хан-Бурд-Обо силой до двух пехотных полков. Но советское командование уже создало внешний фронт окружения. Удар врага пришелся по 80-му стрелковому полку 57-й стрелковой дивизии. Хотя японцы имели превосходство в силах, советские войска не дрогнули. Они смело встретили врага, уничтожая его огнем артиллерии, минометов, пулеметов. Когда японцы подошли на близкое расстояние, в ход были пущены гранаты. Прорваться к окруженным войскам противнику не удалось.

На другой день, 25 августа, враг возобновил атаки на внешнем фронте. И опять удары принял на себя 80-й стрелковый полк. Упорный бой длился до самого вечера. Японцы не добились намеченной цели. Но и 80-й полк сильно поредел. В помощь ему командование группы выделило из своего резерва 6-ю танковую бригаду и стрелковый полк. 26 августа танковая бригада совместно с пехотой нанесла сильный удар во фланг наступающих частей противника и смела их. Попытка японцев деблокировать свои окруженные войска кончилась крахом. Понеся большие потери, враг прекратил атаки на внешнем фронте.

Зато на внутреннем фронте борьба развернулась на редкость ожесточенная. Наши войска сжимали кольцо окружения. И чем меньше становилось оно, тем упорнее сопротивлялся враг. Генерал Камацубара обманывал окруженные силы, предлагал им по радио и через голубиную почту держаться, обещая поддержку. Японские солдаты дрались с фанатичным упорством. Каждую высоту, каждый бархан приходилось брать приступом, выковыривать врага из каждого окопа.

Артиллеристы под огнем неприятеля выкатывали орудия на открытые позиции и били по траншеям врага прямой наводкой, а затем пехотинцы шли в атаку, врывались в окопы, штыком и гранатой довершали дело.

Трудно выделить, кто был храбрее в этих боях. Но нельзя не отметить, что впереди шли коммунисты и комсомольцы. Они всегда были там, где опаснее, где труднее. Во время одной из атак произошла заминка. Укрывшиеся в яме японцы открыли по нашим бойцам губительный огонь. Цепь залегла, воины начали окапываться. Тогда встал во весь рост коммунист красноармеец Петр Коптев, крикнул: Товарищи, за Родину, за партию! Вперед! - и первым ринулся на врага под градом пуль. За ним бросились сначала несколько человек, а затем и вся рота. Загремело раскатистое русское ура. Стремительным ударом враг был выбит с занимаемой позиции и уничтожен.

В этот же день комсомолец рядовой Георгий Калянда спас жизнь своему командиру. Но вскоре сам получил тяжелое ранение.

Прощаясь с товарищами, Калянда сказал:

Не беда, вылечусь и вернусь к вам. Бейте, друзья, врага, бейте беспощадно! Берегите своих славных командиров. Будьте стойкими и храбрыми бойцами.

За свои подвиги Георгий Калянда был удостоен высокой награды - ордена Ленина.

При штурме высоты Песчаная отличился механик-водитель Алексей Васильевич Торшилов. О его подвиге мне рассказали, когда я принял командование 82-й стрелковой дивизией. Но для того чтобы донести до читателя дух того времени и показать, какие мысли владели нашими воинами, я позволю привести рассказ об этом бое самого А. В. Торшилова.

...Нашей танковой роте была поставлена задача поддержать стрелковую роту, которая должна была произвести разведку боем, чтобы выявить огневые точки противника на сильно укрепленной высоте Песчаной.

Проснулся я рано. Мой танк стоял в песчаном углублении. На броне, как золотые звездочки, лежали пожелтевшие, опаленные дневным зноем листочки мелкого кустарника. Небо и река, собравшая его краски, свинцово-серые. Чуть-чуть моросит мелкий нудный дождик, шепчется с кем-то прибрежный камыш. Где-то в камышах разноголоса переговариваются дикие гуси и утки. Они частенько по утрам будят нас своим гомоном. Им и пальба нипочем: улетят куда-то на время, а ночью снова возвращаются в облюбованные камыши. Странно все это выглядит: война - и птичий гомон по утрам...

Но размышлять на эту тему некогда. Послышалась команда По машинам!. Мгновенно сажусь за рычаги своего Т-26. На подходе к высоте Песчаная танковая рота развернулась в боевой порядок и открыла огонь по укреплениям врага. Под защитой нашей брони стрелковая рота пошла на сближение с врагом.

Японцы открыли ответный огонь. Трудно нашим бойцам продвигаться по песчаному склону высоты под огнем врага. Но отважные и выносливые уральцы преодолели этот барьер и сблизились с противником. В ход пошла карманная артиллерия - гранаты. Накал боя нарастал с каждой минутой. В японской обороне скоро заговорили все огневые точки, чего и добивались наши разведчики.

И вот сигнал отхода - зеленая, красная, зеленая ракеты. Под прикрытием танкового огня наши бойцы отошли на исходные позиции. К 10 часам и мы были на своем прежнем месте. Командир танковой роты доложил командиру батальона о том, что задача выполнена, но один танк не вернулся.

Немедленно направить танковый взвод на розыски машины и спасение экипажа, - скомандовал комбат.

- Есть, - ответил командир роты и повернулся ко мне...

- Старшина Торшилов, с тремя танками отправляйтесь на поиск подбитой машины, возьмите ее на буксир и спасите экипаж, - приказал он.

- Есть, спасти экипаж и вытащить танк, - ответил я, затем позвал механиков-водителей и сказал, что я буду прикрывать их пулеметным огнем, а они должны подойти к оставшейся машине и отбуксировать ее, если она потеряла ход.

Испив из котелка холодной воды, мы устремились к сопке. Местность неровная, через смотровую щель трудно наблюдать. Но мы рады, что кустарник в какой-то степени помогает маскировке наших танков. Вот и подножие сопки. И вдруг я увидел наш застрявший танк. Он стоял недвижим, словно в специально отрытом глубоком песчаном окопе.

Развертываю свой танк в сторону японских окопов и берусь за рукоятки пулемета. Тем временем экипажи двух подошедших машин закрепили трос к крюку застрявшего Т-26, срыли крутой край рва и завели моторы. В этот момент японцы, услышав шум и обнаружив нас, открыли минометный огонь.

Пять минут длился непрерывный минометный обстрел не менее чем из трех батарей. Сплошной дым и грохот поднялись вокруг. Осколки барабанили по броне. Но вот обстрел на минуту затих. Я быстро открыл люк, выскочил из танка и подбежал к подбитой машине. Оказалось, что только один из шести танкистов остался невредим. Двое тяжело ранены, а трое не

могли передвигаться самостоятельно.

Пока оказывал помощь раненым, не заметил, как до взвода японцев пошло в атаку. Быстрее под броню танка - и я бросился к своей машине. Но японцы открыли по мне огонь, над головой засвистели пули. Залег за бугор возле танка. Японцы подошли уже близко, на расстояние броска гранаты. Они не видели, куда я скрылся, оглядывались, а я тем временем подготовил две гранаты и одну за другой бросил в притаившуюся группу врагов.

Взрывы гранат вызвали у японцев замешательство. Воспользовавшись им, быстро вскочил в свой танк, захлопнул люк. Яростно заработал мой друг и спаситель - пулемет.

Мои гранаты и пулеметный огонь уложили немало врагов. Но было совершенно очевидным, что японцы не оставят меня в покое, уж очень заманчивой была для них добыча - танк. Так оно и оказалось. Японцы стали снова продвигаться к моему танку. Впереди шел офицер. Заметил, что левое плечо у него залито кровью. Он дико кричал, взмахивал правой рукой в сторону моего танка, был страшен в своих черных роговых очках. Он силился поднять солдат в атаку на танки. Взяло меня тут такое зло, что словами не передать. Короткая очередь из пулемета - и офицер свалился на песок.

С криками банзай японцы все же бросились к танкам. Но мой пулемет снова положил их на песок. Живые смешались с мертвыми. Сколько их? Мертвых я не считал, смотрел за живыми. Вдруг увидел, что на выручку к ним приближается еще одна группа. Немедленно - огонь по ним. Залегли, но ползут, упорно ползут к танкам.

Пошел уже второй час неравного боя. В танке стало невыносимо жарко, обмундирование прилипло к телу, хотелось пить. Вода во фляге, наверное, нагрелась, да и не могу оторвать рук от пулемета. А язык, как сухой обрубок, еле ворочается во рту.

А японцы наседают. Снова большая группа во главе с офицером бросилась к танкам. Банзай! Борсевики (большевики)! - кричат они, подбадривая сами себя. Ну что и, мало вам? Так получайте. И я нажал на гашетку пулемета. Бью длинными очередями. Так вернее. И снова от большой группы в живых остались единицы. Залегли, не смеют поднять головы.

Устал я, тяжело мне стало, а вместе с тем радость поет в сердце. Радуюсь тому, что еще жив, что могу бить и бить лютого врага, что трупы японцев густо усеяли землю впереди моего танка, что враг еще не захватил наши машины и не захватит, пока жив буду.

Но что это? Японцы снова зашевелились. Неужели им мало

того, что получили? Да нет, они бегут! Бегут! И снова скороговоркой запел мой пулемет, посылая смертельные струи в спины убежавших врагов.

Вдруг пулемет умолк. Кончились патроны. В наступившей тишине я услышал рокот моторов. Ко мне подходили танки родного батальона. Рассказать, что я пережил в этот момент просто невозможно. Быстро завели моторы, вытащили из западни подбитую машину, и я вскоре оказался среди боевых друзей.

За проявленные мужество и отвагу Алексей Васильевич Торшилов был награжден орденом Ленина.

Несгибаемую волю и мужество проявил и водитель танка комсомолец И. В. Просолов. Во время атаки японцы подбили машину, члены экипажа погибли. В живых остался лишь Просолов. Ночью под покровом темноты воин мог бы незаметно оставить вышедшую из строя машину. Однако он этого не сделал. Просолов двое суток пробыл в подбитом танке, ведя огонь по противнику. Он дрался до тех пор, пока на помощь не пришли товарищи.

Когда Просолова спросили, почему он не оставил танк, водитель ответил:

Танк - народное добро, и бросать его нельзя.

Впоследствии И. В. Просолов стал Героем Советского Союза.

Бойцы смело шли в атаку, шли за Родину, за партию, мстили за смерть друзей, товарищей, родных. У Александра Чипизубова в бою погиб брат. Красноармеец написал клятвенное письмо.

24 августа при атаке погиб мой старший брат ручной пулеметчик Михаил Чипизубов. Он погиб как герой при защите своей Родины. В бой он шел уверенно, крепко держал свое оружие в руках, зная, что если и погибнет, то вместо него есть кому встать на защиту Родины. И пусть знает враг, что нас еще четыре брата, и мы готовы в любую минуту встать на защиту своей Родины. И пусть знает японская военщина, что не бывать ее грязной ноге на земле дружественной нам МНР и на земле советской. Мы всегда готовы нанести удар с такой силой, что японская военщина будет помнить десятки лет, на что способна Красная Армия, ее люди и могучая техника.

Участник боев связист Александр Чипизубов.

И воин сдержал слово. Он храбро дрался с врагом, под огнем противника не раз восстанавливал связь, обеспечивал командирскую бесперебойную связь подразделением.

Особо хочу подчеркнуть такую деталь. Идя в бой 20 августа, многие бойцы и командиры просили считать их комсомольцами или коммунистами, несли в карманах гимнастерок заявления о приеме в партию, в комсомол, которые они не успели сдать в

партийную или комсомольскую организацию. Некоторые из них не вернулись из боя, в схватках с врагом отдали свою жизнь за Родину.

После одной из атак в кармане гимнастерки убитого красноармейца Бачурина нашли заявление, в котором он писал:

Прошу комсомольскую организацию принять меня в ряды Ленинского комсомола. Я буду верен ленинскому учению, буду бороться за победу коммунизма в нашей стране и не пожалею своей жизни для защиты Родины.

Красноармеец Г. В. Измайлов написал перед атакой такую записку:

Ст. Борзя, Борзинский район, село Алонда, получить отцу Измайлову от сына Григория Васильевича. В случае моей гибели считайте меня коммунистом и сообщите всем товарищам, что погиб за Родину.

Григорий Измайлов сражался в бою как коммунист. Враги дорого заплатили за его жизнь.

В сумке убитого японского офицера нашли блокнот героически погибшего в бою красноармейца И. И. Хохрякова. В этом блокноте накануне наступления воин написал:

Я буду бороться с врагом до конца, до полного его уничтожения, чтобы стереть его с лица земли. Я не пожалею своей жизни и крови, буду биться с врагом, так как знаю, что я дерусь за свою священную Родину.

Я, Хохряков Иван Иванович, член ВЛКСМ, до конца предаю Коммунистической партии Ленина. Если меня убьют, то пусть меня считают коммунистом. Передайте моим родителям, чтобы не плакали, а знали, за что погиб их сын.

И красноармейцев Измайлова и Хохрякова, и других павших в бою солдат и командиров коммунисты частей и подразделений считали такими же большевиками, как они сами, потому что знали, что только смерть помешала им вступить в ряды партии.

27 августа противник попытался вырваться из котла. Большая группа пехоты устремила по долине реки Хайластын-Гол. Однако далеко уйти не смогла. Встреченные плотным артогнем, японцы бросали оружие и в беспорядке отошли на северный берег Хайластын-Гола. Здесь они попали под огонь 9-й мотоброневой бригады и были полностью истреблены.

Еще несколько попыток предпринял враг с целью прорвать кольцо окружения, но каждый раз терпел неудачу. Буквально считанные сотни метров удалось японцам продвинуться вперед, и тут же они были разгромлены совместными усилиями пехотинцев, артиллеристов, танкистов и летчиков. Советские воины стояли несокрушимой стеной.

Вот на одно из подразделений двинулась группа неприятеля при поддержке танков.

- Подпустить ближе! - приказал командир.

И бойцы, не дрогнув, терпеливо ожидали подхода противника. По песчаным буграм ближе и ближе катилась грохочущая стальная лавина. Выскочили из-за бугра и отошли за линию обороны наши броневики, открыли огонь из-за укрытия. И тут же раздались выстрелы со стороны врага. Японские танки вели огонь на ходу из своих 57-мм пушек.

800, 700, 600 метров... Танки поднялись на высоту прямо перед линией окопов. Красноармеец В. Ломашин точно прицелился и дал очередь из своего пулемета по танку. Тот продолжал идти на окопы. Ломашин в гневе стиснул зубы: Нет, пулеметом его не возьмешь. Пушкой его надо. И тут же он увидел, как левее, в низинке, в японский танк ударил снаряд. Танк остановился.

А тут, впереди окопов, танки прошли ложбину. До них остается немного. Они уже лезут по скату. Ломашин собрал свои гранаты с вставленными капсюлями-детонаторами, положил рядом. Когда два танка были совсем близко, он бросил гранаты - одну за другой. Обе машины остановились, потом сдали назад, в ложбину.

Обернувшись влево, воин увидел совсем рядом вражеский танк, шедший вдоль линии окопов. С гранатами в руках Ломашин выскочил на сопку, у самых ног взбила землю длинная очередь пулемета. Воин упал в траву. Грозная машина двигалась прямо на него. Когда до нее осталось десять метров, Ломашин швырнул гранату под гусеницы. Раздался взрыв. Боец увидел, как сваливается на землю гусеница. Тут же в башню танка ударил снаряд, башня перекосилась и упала. Второй снаряд попал в мотор, и он заглох. Вражеские танки не прошли.

Японцы не сумели разорвать железное кольцо советских войск. Наши воины дрались как герои. Командир отделения 9-й стрелковой роты комсомолец В. П. Тимофеев в разгаре боя увидел, что вражеский солдат целится в командира батальона. Воин метким выстрелом сразил врага. Продвигаясь дальше, комсомолец забросал гранатами блиндаж противника и расчистил путь к наступлению товарищам по оружию. При штурме высоты Песчаная Тимофеев первым достиг ее вершины и водрузил там знамя.

В боях за сопку красноармеец-стрелок этой же роты комсомолец П. И. Сенечкин заметил, что вражеский солдат приготовился бросить бутылку с зажигательной смесью в наш танк. Метким выстрелом воин уложил неприятеля.

Красноармеец П. Н. Бабенко под ружейным и артиллерийским огнем врага нес на позиции боеприпасы для пулемета. Вражеская пуля настигла солдата, но не остановила. Собрав все силы, воин упорно продолжал ползти и доставил боеприпасы по назначению. И после этого он не ушел с поля боя, а продолжал сражаться до тех пор, пока враг не был разбит.

Исполняющий обязанности командира взвода курсант И. К. Митин участвовал в четырех штыковых атаках, смело вел бойцов на врага. Проявляя мужество, ловкость, он лично уничтожил 15 японских солдат и одного офицера.

Как всегда, храбро и смело сражались политработники. Политрук 2-й роты В. Н. Кулагин участвовал во всех атаках, которые проводило подразделение. Вместе с бойцами они заняли несколько японских блиндажей. Политрук 1-й роты В. И. Бухтерев сам неоднократно водил бойцов в атаки. В одном из боев был контужен, но с поля боя не ушел.

Политрук роты связи полка Н. Н. Кондратьев в критические минуты боя лично выходил на линию, под огнем противника устранял повреждения и тем самым помогал командиру надежно управлять подразделениями.

С восхищением говорили подчиненные о храбрости комиссара отдельного танкового батальона политрука И. Е. Виноградова. В бою 23 августа он получил ранение, но остался в боевом строю. Виноградов повел батальон в атаку и своим танком раздавил пушку и пулемет противника. Отважный комиссар был награжден орденом Красного Знамени,

Особенно активно действовала в эти дни наша авиация, не давая японским самолетам бомбить и штурмовать наши войска. Советские летчики делали по 6 - 8 вылетов в день, наносили сильные удары по резервам противника, не позволяя им подойти к окруженной группировке, штурмовали загнанные в кольцо части.

За период халхингольских боев мы узнали имена замечательных советских асов: С. И. Грицевца, Н. В. Гринева, В. П. Кустова, Т. Ф. Куцевалова, Г. П. Кравченко, М. А. Юкина и других: знали номера некоторых машин, и, когда они появлялись в небе, пехотинцы с удовлетворением говорили: Теперь японские самолеты нас не достанут.

Со многими летчиками я был знаком лично. Не раз приходилось встречаться с майором Григорием Пантелеевичем Кравченко. Замечательна его судьба. Григорий Пантелеевич родился в 1912 году в селе Голубовка на Днепропетровщине. С юношеских лет ему хотелось стать военным летчиком. И его мечта сбылась. По путевке комсомола он пришел в Качинскую

военную школу пилотов. В 1931 году Кравченко вступил в ряды Коммунистической партии.

Высокое боевое мастерство Григорий Пантелеевич проявил в воздушных схватках с японской авиацией в небе Китая. 22 февраля 1939 года за мужество и отвагу, проявленные при выполнении специальных заданий Советского правительства, ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Летом 1939 года Кравченко прибыл в район Халхин-Гола. Когда в бою против японцев погиб командир 22-го истребительного авиационного полка, командование полком принял майор Кравченко. Его летчики всегда дрались храбро и упорно, приходили, когда это было нужно, друг другу на выручку. Для них образцом мужества и отваги был командир, лично сбивший 10 самолетов противника. С начала августовского наступления летчики полка провели немало блестящих воздушных боев, уничтожили около 200 японских самолетов, штурмовали вражеские позиции.

Советское правительство высоко оценило подвиг авиаторов. Семнадцати из них было присвоено звание Героя Советского Союза, полк награжден орденом Красного Знамени, а Г. П. Кравченко стал дважды Героем Советского Союза. В ноябре 1939 года ему одновременно вручили две Золотые Звезды.

В годы Великой Отечественной войны генерал-лейтенант авиации Г. П. Кравченко командовал авиационной дивизией, защищавшей небо Ленинграда от фашистских стервятников. Дивизия принимала активное участие в обеспечении прорыва блокады Ленинграда в январе 1943 года. 23 февраля 1943 года Григорий Пантелеевич погиб в воздушном бою. Он подбил несколько самолетов противника, но и его самолет был подожжен. Когда летчик оставил свою горящую машину, парашют не раскрылся: шальная пуля перебила вытяжной тросик.

Среди летчиков, сражавшихся с японскими захватчиками в небе Монголии, выделялся мужеством и мастерством майор Сергей Иванович Грицевец, с которым я тоже был знаком. Боевое крещение он получил в воздушных схватках с фашистской авиацией в республиканской Испании и тоже в феврале 1939 года за мужество и отвагу, проявленные при выполнении специальных заданий Советского правительства, был удостоен звания Героя Советского Союза.

В Монголию майор Грицевец прибыл в составе авиационного полка, которым командовал майор В. М. Забалуев. Не успели летчики как следует обосноваться, как вступили в бой. Особенно ожесточенная схватка произошла в районе озера Буир-Нур с 60 японскими самолетами. Противник потерял в том бою 25 машин,

2 из них лично сбил С. И. Грицевец.

В другом бою он спас жизнь командиру полка майору В. М. Забалуеву. Советское правительство высоко оценило подвиги мужественного летчика. С. И. Грицевец был второй раз награжден Золотой Звездой Героя Советского Союза. Всего на его боевом счету числилось около 40 уничтоженных вражеских самолетов.

Бессмертный подвиг в небе Монголии совершил летчик комиссар Михаил Анисимович Юкин. После очередной бомбежки боевых порядков японцев Юкин возвращался на свой аэродром. Но тут его самолет был подбит зенитным снарядом. Машина стала неуправляема. Тогда комиссар крикнул товарищу по экипажу старшему лейтенанту Морковину:

- Прыгай!

Тот выполнил приказ. Он добрался до своих и рассказал, как погиб комиссар М. А. Юкин. Михаил Анисимович направил превратившуюся в горящий факел машину в самый центр вражеского боевого порядка, уничтожив множество самураев.

О каждом летчике, дравшемся в небе Монголии, можно рассказать немало героического. Но я предоставляю слово летчику-истребителю Овчинникову, который вел дневник боевой работы на Халхин-Голе.

22 мая. Начинаю писать этот дневник под крылом своей машины. Сегодня такой день, который останется в памяти навсегда, на всю жизнь. Я только что вернулся из боя. Это был мой первый воздушный бой. Сколько впечатлений и захватывающих переживаний! Хотя он продолжался всего лишь несколько минут, но запечатлелся в памяти на долгие годы.

Буду последовательно, подробно описывать все по порядку. Вылетали мы три раза. Взлетели по тревоге в шесть утра, потом в восемь тридцать. Самолеты противника исчезли при нашем появлении, и мы разочарованно возвращались обратно.

Близился полдень. Я сидел у телефона и все время думал: неужели так весь день пройдет? И вдруг в телефонной трубке раздался голос:

- Самолеты противника!

В воздух, на врага! Мы летим. Смотрю на часы. Ровно двенадцать. И вот перед нами шесть японских истребителей. По всему заметно - они хотят почтительно ретироваться. Однако мы не упустили их, заставили принять вызов. Еще минута, и завязался воздушный бой. Первый бой! Описать переживания невозможно. Разве было время проверять ощущения, когда японец под хвостом у машины моего товарища. На миг оставляю свою жертву и бросаюсь на выручку ястребку. Японец отлетает в сторону.

Стрельба, сверкание крыльев, рев моторов - все это сливается вместе. Японский истребитель, весь в дыму, огне, падает на землю. Кто его сбил, неизвестно никому из нас. Голубое небо уже очистилось, и японские машины где-то далеко-далеко. Возвращаемся на аэродром, садимся. Я осматриваю свой самолет и не могу сдержать радости. Ни единой пробоины, ни одной царапины!

Сколько разговоров! Все летчики возбуждены и выглядят так, будто мы вернулись с праздника. Это только начало. Каждую секунду может взвиться ракета и... в воздух!

26 мая. В середине дня полетели на территорию японцев узнать, что у них там делается. На обратном пути неожиданно встретили стаю противника. Завязался большой, ожесточенный бой. В этом бою произошло удивительное событие, какого никогда еще не было за всю историю авиации. Мы находились над японской территорией, когда нашему командиру майору Забалуеву пришлось сделать вынужденную посадку. Он стоял в траве и глядел вслед удалявшимся самолетам. Что ожидало его на вражеской земле, понятно каждому. На этот случай любой из нас хранит один патрон. Он сделал бы все, что возможно, чтобы пробиться к своим. Мужество Забалуева хорошо известно любому нашему летчику. Но это было далеко от расположения наших войск. Что делать? Не до рассуждений. Два ястребка вернулись к тому месту, где приземлился Забалуев. Грицевец сел возле товарища, а истребитель Полоза все время прикрывал его сверху. Грицевец взял Забалуева в свою машину, взлетел и увез его буквально из-под носа японцев. У нас по этому поводу было большое ликование. В этот день мы сбили 27 японских самолетов

27 июня. Утром поднялись по тревоге. Летели двумя звеньями. Не успели сделать круг, как над нами показались пять звеньев японских истребителей. Командир покачиванием крыльев дал сигнал начать атаку.

В первую минуту на каждого из нас пришлось по 4 - 5 японских самолетов. Но никто из боя не выходил. Наши соколики дрались так смело, что противник быстро расстроился и стал сдавать. Пулеметная очередь пробила бензобак моей машины. Мотор выведен из строя. Чувствую жгучий укус в правой ноге. Значит, ранен. Выброситься с парашютом? Но ведь они расстреляют меня. И я решил садиться. Мотор не тянет. За мной неотступно следует японский истребитель Стервятник гонится за мной. Он уже совсем рядом. Сверху его прикрывает другой японец. Они хотят убить советского пилота, спускающегося на разрушенной машине. Но это не так легко, как вам кажется, господа. В последнее мгновение я схитрил. Пикируя с двухсот

метров, внезапно выровнял самолет. Японец от неожиданности проскочил мимо. В это мгновение я сел, не выпуская шасси. Тут же спрятался за стоявшую рядом грузовую автомашину. Осатаневший японец сделал пять заходов, с упоением расстреливая покинутый мной полуразрушенный самолет. Когда наконец он решил, что с советским летчиком все кончено, и стал набирать высоту, я вышел из-за грузовика. Следовало обождать и не торопиться. Японец заметил меня, узнал и снова кинулся вниз. Засвистели пули. Я опять подбежал к грузовику. Японец ни за что не оставил бы меня в покое, если бы в этот момент не появились наши истребители. Он жестоко поплатился за свою дерзость...

Вскоре я дошел до перевязочного пункта. Сначала не замечал раны, а потом нога распухла, и меня отправили в госпиталь. Не так больно было, как обидно. Но я вернусь обязательно, во что бы то ни стало вернусь...

27 июля. Прошел ровно месяц. Я снова среди своих боевых друзей. Сегодня вернулся в часть, представился командиру и скоро (жду не дожусь) отправлюсь бить японских летающих гадин. Явился в часть вечером во время ужина. Друзья встретили меня горячо,

29 июля. Начал выполнять боевые задания. Ходили на штурмовку японских войск. Японцы искусно укрылись в песках. Но, как было условлено, цели нам указывала наша замечательная артиллерия. Мы направились туда, где рвались снаряды. Зашевелились пески, забегали, заматались японцы. В разные стороны кинулись автомашины, повозки... На обратном пути стреляли японские зенитки, но мы все до единого вернулись благополучно. Как выяснилось, штурмовка прошла в высшей степени удачно.

7 августа. Ходили на штурмовку японских войск в районе их сосредоточения. Эскадрилья, которую вел я, должна была идти последней. Когда оказались на месте и наши части пошли на штурм, я заметил, что сверху на нас валятся японские самолеты. Видят это товарищи или нет? Раздумывать некогда, решил отразить атаку. Мы сразу сбили ведущий японский самолет, а потом еще восемь машин.

Героизм и отвага товарищей приводят меня в восхищение. В таком боевом коллективе каждый день чувствуешь, как растут в тебе силы и решимость.

12 августа. В воздухе 90 японских самолетов. Нас тоже немало. В разгар боя один японский самолет пошел прямо на меня. В лоб? Я не сворачивав. Оставалось 30 - 40 метров, когда японец не выдержал и взмыл вверх. Мой левый ведомый Стоянов сразил его пулеметной очередью.

Сбили 11 японских машин. По оценке командования, бой прошел хорошо.

В сражениях мелькают дни. Каждый из нас уже сбивается со счета, вспоминая разведки, штурмовки и бои. Сотни разбитых, сожженных японских самолетов лежат в высокой степной траве. Но самое главное еще впереди. Скоро мы окончательно уничтожим японских гадин, очистим от этой летающей нечисти солнечное небо Монголии.

20 августа. Сегодня день всеобщего наступления. Наконец-то! Накануне был митинг. У всех летчиков твердая решимость - бить и до конца уничтожить врага. Летчики озлоблены против наглых японских захватчиков.

- Надо покончить с ними, - говорят товарищи, - быстро и без следа.

Вылетели на рассвете. Японские истребители даже не показались. Наши бомбардировщики беспрепятственно бомбили позиции противника.

Возвращаемся. Туман до земли. Ничего не видно. Густая дымчатая пелена. Сели вслепую. Все машины целы.

Вскоре получили новое задание. Приказано всей эскадрильей разведать силы противника в районе Узур-Нура. Полетели. Обнаружили в лощине танки и автомашины. Мгновенно опустили до двухсот метров, атаковали и зажгли несколько машин. Возвратившись, донесли командованию о резервах японцев.

21 августа. Поднялись по сигналу тревоги. Противник над нашей территорией. Нас трое против пяти японцев. Они - сверху, мы - внизу. Все же одного стервятника сбили. Произошло это таким образом. Японцы пикировали и попытались забраться нам в хвост. Мы в этот момент резко взметнули вверх и встретили врага в лоб. Очередь, другая, третья, и один японский самолет, загоревшись, факелом упал вниз.

22 августа. Летчику сверху великолепно видно, как наши войска последовательно окружают японцев железным кольцом. Скоро им конец. Остались считанные дни. Сегодня эскадрилью повел комиссар. У меня открылась старая рана. Врач осмотрел меня и сказал, что, видимо, не все осколки были удалены. Нужно срочно заняться раной. В общем в ближайшие дни летать мне запрещено. Как это не вовремя! Но я рад, что участвовал в начале генерального сражения. Знаю, своими глазами видел, что летающим гадам до конца осталось недолго.

На этом пока обрываю боевой дневник. Когда потребуется Родине, рад услышать приказ: В воздух, на врага!

Я привел настоящий дневник потому, что это живое слово,

живая история, написанная по горячим следам событий. А свежие впечатления - самые правдивые, самые волнующие. Мы видим, какой любовью к Родине, каким большим желанием возможно лучше выполнить боевые задачи пронизан дневник. Слова Овчинникова наполнены ненавистью к врагам, нарушившим мирный труд Монголии и советского народа, а весь дневник - это выражение отваги, мужества и героизма.

Товарищи по оружию - пехотинцы, танкисты, артиллеристы - любили своих крылатых соколов, говорили о них с гордостью и большим уважением, восхищались их мастерством, наблюдая с земли за воздушными боями и видя результаты их бомбовых ударов по врагу.

Однако вернемся к рассказу о боевых действиях наземных войск. 27 августа 82-я и 57-я стрелковые дивизии, уничтожая уцелевшие группы противника, к 12 часам вышли на южный берег реки Хайластын-Гол. К утру 28 августа весь этот берег был очищен от врага. В руках японцев оставался последний очаг сопротивления на северном берегу - сопка Ремизова. Здесь находился когда-то командный пункт командира полка майора Ремизова, геройски погибшего в бою. Потом сопку захватил противник. И вот сейчас тут сосредоточились остатки вражеских войск. Японская артиллерия почти вся к этому времени была выведена из строя. Поэтому враг вел главным образом минометный и пулеметный огонь. Он был достаточно сильным.

Вечером 28 августа, как мне рассказал комиссар Щелчков, наш 24-й мотострелковый полк получил лично от командующего 1-й армейской группой задачу уничтожить противника, обороняющегося на высоте Ремизова, и не позднее 24 часов захватить вершину сопки.

Комкор Г. К. Жуков сказал майору Акиму Семеновичу Белякову, который возглавил полк после моего ранения, что многие части, окружившие высоту Ремизова, хотят овладеть ею. Но он выбрал наш полк, отличившийся в Баин-Цаганском сражении. Военный совет армейской группы верит, что полк и на этот раз покажет себя, первым водрузит знамя на высоте Ремизова. Днем полк провел жаркий бой на подступах к этому последнему бастиону врага. Наступая за тапками батальона майора Воронкова, мотострелковые батальоны дерзким броском преодолели участок открытой местности перед высотой. Успех решили быстрота, смелость, четкая согласованность действий. Батальоны закрепились на выгодном рубеже, с которого им предстояло начать штурм последнего бастиона врага.

Вечером накануне штурма майор Беляков собрал командиров подразделений в просторной землянке и уточнил каждому

задачу. Когда последние разошлись по своим местам, майор Беляков, обращаясь к комиссару полка, сказал:

- Бой предстоит тяжелый. Управлять им ночью будет сложно. Думаю, что нам следует пойти в батальоны. Главный удар наносит второй батальон капитана Коровяка. Я туда и отправлюсь.

- А я пойду в третий, - сказал Щелчков.

Так они и порешили.

Майор Беляков прибыл во 2-й батальон в тот момент, когда капитан Коровяк отправлял на разведку противника шестерку отважных воинов - лейтенанта Лиопаева и красноармейцев Привалова, братьев Снитковых, Мирхайдарова и Смирнова. Все они изъявили желание идти на выполнение специального сложного и ответственного задания добровольно.

Батальон деятельно готовился к ночной атаке. После получения боевого приказа комиссар батальона Тихон Буряк дал указания политрукам, секретарям партийной и комсомольской организаций помочь командирам подготовить весь личный состав к наступлению, проверить состояние оружия, узнать, все ли принимали пищу, довести до каждого бойца задачу.

В 22 часа батальоны полка двинулись на противника. Впереди действовала разведка, а на флангах - боевые дозоры. Передвигались тихо, соблюдая все меры предосторожности. Все, что могло создавать шум - котелки, фляги, оружие, саперные лопатки, - было подвязано так, чтобы не гремело. Бойцам и командирам запрещалось курить, зажигать спички, пользоваться карманными фонарями. Шум двигавшихся людей приглушал рокот танковых моторов. Один танковый взвод со снятыми с машин глушителями было приказано перемещать вдоль фронта.

Майор Беляков находился в боевых порядках 2-го батальона. В первой цепи бойцов шел Тихон Буряк. Он всего несколько дней назад стал комиссаром батальона, но уже успел показать себя храбрым политработником, настоящим вожаком личного состава.

Рядом с Буряком шагал комвзвода Василий Кирин. Он нес в руках знамя подарок боевых друзей полка. Кирин лишь вчера прибыл в батальон, участвовал только в одном бою. И вот ему оказали такое доверие. Молодой командир чувствовал себя несказанно счастливым и гордым.

Уже несколько минут батальон двигался в тишине. Где-то там, впереди за высотами, гремели выстрелы, а здесь никакого шума. Воины осторожно поднимались по скату вверх. Буряк подошел к небольшому кусту и начал обходить его. И тут он увидел на земле человека, которого на миг осветила вышедшая из-за туч луна. Это был японец. Комиссар нагнулся, чтобы

проверить, жив ли тот. Но оказалось, враг просто притаился. Он выхватил пистолет, однако выстрелить не успел. Буряк ударил его штыком. Японец истошно вскрикнул, и в тот же миг из вражеских окопов раздались выстрелы.

- Вперед, за Родину! - крикнул комиссар и первым ринулся на противника. Выхватив на ходу гранату, он метнул ее в траншею врага.

Вслед за комиссаром устремились бойцы батальона. Завязался ночной бой за высоту Ремизова, бой стремительный, жестокий. В ход пошло все - пули, штыки, приклады, гранаты.

И батальон ворвался на высоту.

Комиссар Буряк отыскал Кирина.

- Где знамя? - спросил он.

- На вершине, товарищ комиссар!

Да, знамя, ясно видимое на фоне неба, развевалось и трепетало на ветру. Возле него стоял на посту разведчик Василий Смирнов. Это он водрузил на вершине сопки Ремизова знамя, которое ему в разгар боя передал лейтенант Кирина.

Красноармеец Смирнов был самоотверженным, храбрым воином. В бою 8 июля он был ранен и находился на излечении в лазарете. В часть он вернулся 20 августа, за несколько часов до наступления.

- За вами что, гнались? - спросил его комиссар полка, заметив, что воин едва переводит дух после быстрого бега.

- Нет, товарищ комиссар, никто не гнался, - возразил Смирнов, и на совсем еще юном его лице появилась растерянная улыбка.

- А почему же у вас такой вид усталый?

- Да я от переправы до командного пункта бежал, боялся опоздать к началу боя. Мне сказали, что скоро начнется.

- Молодец, коль так. Прибыли вы вовремя. Идите в свой батальон. Желаю успеха в бою. - Комиссар крепко пожал руку солдату.

Пожелал удачи бойцу и я.

И вот он в числе первых ворвался на сопку Ремизова, а вместе с ним комсомолец Захар Степанов. Этот воин продемонстрировал свою отвагу еще в бою на горе Баин-Цаган. С тех пор его всегда видели в первых рядах атакующих. 23 августа Степанов был ранен, однако, перевязав рану, продолжал драться с врагом.

В числе отличившихся в боях за высоту Ремизова мне назвали имя командира взвода 7-й роты младшего лейтенанта И. К. Берлюга. Это очень смелый и искусный воин. 28 августа он шесть раз водил в атаку своих красноармейцев, нанося противнику большой урон.

Вершина была уже в наших руках, но бой за высоту продолжался. Повсюду слышались выстрелы винтовок, частая дробь пулеметов, взрывы гранат. И вдруг раздалось победное ура. Это 3-й батальон капитана Александра Максимовича Акилова ворвался в окопы противника. Одновременно 1-й батальон капитана Федора Яковлевича Панькова дружным штыковым ударом выбил врага с занимаемых позиций и вышел на указанный рубеж. Надо сказать, что с начала наступления батальон под руководством коммуниста Панькова десять раз участвовал в штыковых атаках, десять раз обращал в бегство самураев. Непременным участником этих атак был сам комбат. Он показывал примеры храбрости, умения искусно владеть оружием. В этом бою Федор Яковлевич был ранен, но не покинул поля боя и продолжал руководить подразделением.

Итак, полк выполнил поставленную задачу. К полуночи 28 августа он овладел вершиной сопки Ремизова. Майор Беляков уточнил позиции батальонам и приказал занять круговую оборону. В центре боевых порядков, фронтом на восток, встала полковая батарея, которой в это время командовал лейтенант Н. Румянцев.

Наступал рассвет. И вдруг предутреннюю тишину разорвали взрывы гранат, треск пулеметов, крики банзай. Разведка доложила: японцы идут в атаку. Значит, враг предпринимает попытку вырваться из окружения. Майор Беляков приказал артиллеристам выкатить вперед свои орудия. В то же время по распоряжению командира 2-го батальона капитана Коровяка командир пулеметной роты подтянул к угрожаемому участку пулеметы.

Крики японцев становились все громче. Вскоре бойцы и командиры увидели врага. Он двигался густой массой по узкой ложбине между двумя высотками. Все ближе и ближе подходили они. И тут батальоны одновременно открыли мощный пулеметный и ружейный огонь, в противника полетели гранаты. Батарея лейтенанта Румянцева ударила картечью. Японцы, наткнувшись на сплошной свинцовый ливень, устилали землю трупами, но продолжали лезть вперед.

Вот одна группа неприятеля ринулась на окоп, в котором находился комиссар батальона. По вражеской группе ударили наши пулеметы, свинцовый ливень буквально вымел японцев. Бойцы поспешили на помощь раненому комиссару, вынесли его в безопасное место и перевязали.

Между тем, не выдержав нашего меткого и губительного огня, японцы откатились назад, оставив на скатах высоты сотни трупов солдат и офицеров.

Приближалось утро. За высотой Ремизова, в долине реки Хайластын-Гол, грохотали залпы орудий, рвались мины и слышался треск пулеметов. Это воины других частей отбивали попытки врага вырваться из окружения.

Медленно занимался рассвет. На фоне восходящего солнца алели знамена, трепещущие на легком степном ветерке. На вершине выделялось знамя нашего 24-го мотострелкового полка с надписью: Ждем вас с победой...

Казалось бы, уже исход боя ясен, японцы потерпели сокрушительное поражение, и сопротивление бесполезно. Но нет, они еще продолжали драться, и порой отчаянно. Приходилось бросать против них не только взводы, роты, но и батальоны. 30 августа боем двух батальонов нашей части против большой группы неприятеля руководил начальник штаба полка капитан Василий Васильевич Полунин. Здесь особенно ярко раскрылись его способности как командира. Спокойный и немного флегматичный в обычной обстановке, в бою он становился порывистым, энергичным, решения принимал дерзкие.

Под руководством капитана Полунина батальоны полностью уничтожили окруженного противника, не дав ему вырваться из кольца.

В этом бою во время ночной атаки получил ранение командир 3-го батальона капитан Акилов. Превозмогая боль, он продолжал руководить боевыми действиями подразделения.

Если на земле 28 - 31 августа шли уже небольшие схватки, то в небе в эти дни разгорались ожесточенные воздушные бои. 31 августа с советской стороны в бою принимали участие 126 истребителей, со стороны японцев - 27 бомбардировщиков и 70 истребителей. В результате враг потерял 22 самолета. Всего с 28 по 31 августа наша авиация сбила 45 японских истребителей и 4 бомбардировщика.

К утру 31 августа территория Монгольской Народной Республики была полностью очищена от японских захватчиков. Наши войска ни на одном из направлений не пересекали границу, хотя враг не имел сил задержать нас. Это явилось еще одним подтверждением тому, что Советский Союз и Монгольская Народная Республика не были сторонниками развязывания войны, они стремились к миру, и только к миру, который пришлось завоевывать с оружием в руках.

31 августа в войсках был получен и зачитан приказ командования: Товарищи бойцы, командиры и политработники! Вашими боевыми подвигами гордится великий советский народ. Вы вписали новые славные страницы в историю героических побед Рабоче-Крестьянской Красной Армии. История войн знает

не много примеров такого блестящего выполнения плана окружения и уничтожения большой группы противника, какой ощутили вы...

Командование поздравляет всех бойцов, командиров и политработников с блестящей победой над врагом и объявляет благодарность всем участникам боевых действий в районе реки Халхин-Гол...{30}

С 1 сентября советско-монгольские войска развернули работы по укреплению государственной границы Монгольской Народной Республики. Но японцы всячески стремились помешать этому. Подтянув свежие части 2-й пехотной дивизии, они 4 сентября двумя пехотными батальонами предприняли наступление на высоту Эрис-Улай-Обо, но контратакой наших частей, выдвинутых из резерва Южной группы, были отброшены. Противник оставил на поле боя свыше 350trupов.

В ночь на 8 сентября в этом же районе четыре роты японцев атаквали наши позиции, но снова были отброшены с большими для них потерями.

Не прекращались бои в воздухе. В течение первой половины сентября советская авиация провела 6 воздушных боев. Наиболее крупный из них произошел 15 сентября, когда японцы, собрав все имевшиеся у них самолеты, решили нанести удар по нашим аэродромам, чтобы лишить советскую авиацию господства в воздухе.

Но план врага и на этот раз не удался. Его самолеты - а их насчитывалось 120 единиц - были встречены на подступах к аэродромам. В жаркой схватке 20 машин врага рухнули на землю.

Всего за сентябрь в воздушных боях было уничтожено около 70 самолетов врага. Таким образом, попытка врага завоевать господство в воздухе окончилась для него полным провалом.

Получив сокрушительный отпор на земле и в небе, японцы обратились к Советскому правительству с просьбой о прекращении боевых действий. 16 сентября 1939 года боевые действия были прекращены.

Итак, августовское наступление советско-монгольских войск закончилось победоносно. В барханах и долине Халхин-Гола была разгромлена и уничтожена 6-я японская армия.

В ходе боев на реке Халхин-Гол с мая по сентябрь противник потерял около 61 тыс. солдат и офицеров, из них убитыми не менее 25 тысяч, много техники, в том числе 660 самолетов. Только в последней операции наши войска захватили огромные трофеи: 175 артиллерийских орудий всех систем, из них более 30 тяжелых, 115 станковых и 225 ручных пулеметов, 12 тыс. винтовок, около 2 млн. винтовочных патронов и массу другого

имущества{31}.

Все, что японцы привезли на поля сражений, - все это осталось на монгольской земле. Красноармейцы совершали экскурсии на так называемые трофейные поля. Здесь были целые улицы орудий, пулеметов, целые горы патронов, сложенных штабелями, ящики со снарядами, зенитки, крупнокалиберные пулеметы и гранатометы и несметное количество другого военного имущества. На зеленом лугу близ дороги, на участке в четыре квадратных километра, лежало снаряжение.

Комиссия, принимавшая трофеи, работала круглые сутки, ночью и днем, встречая все новые и новые обозы. А их было множество: по сто, двести машин ежедневно.

Вражеская армия готовилась, как видно, провести всю зиму на монгольской земле. Японцы собрали в интендантских складах запасы суконной одежды, тулупы, отороченные волчьим мехом, жаровни с углем. Теперь все это находилось здесь, у нас, на трофейном поле.

Глубокая непроходимая пропасть между офицерами и солдатами, существующая в армии противника, была видна наглядно в каждом лежавшем здесь предмете. Вот офицерское имущество: обеденные приборы, удобные термосы, теплые набрюшники, карманные кухни, духи и пудреницы, каски с двойной броней.

А вот солдатский скarb: заржавленные металлические палочки для еды, грязные обмотки, котелки.

На траве были сложены полковые радиостанции, телефонные коммутаторы, тюки проволоки, взрывные дымовые шашки, чуть в стороне стояли японские грузовики и разбитые нашим огнем танкетки и броневики, тяжелые орудия.

Всевозможный хлам устилал землю: лубочные картинки, открытки с изображениями японских офицеров. Здесь же лежали новенькие географические атласы, только что изданные в Токио. На одном из листов атласа изображена Монгольская Народная Республика и пограничные местности Маньчжурии. Возле монгольских городов поставлены японские названия. Берега реки Халхин-Гол и даже оба берега озера Буир-Нур окрашены в тот же цвет, что и Япония.

Среди трофеев стояли большие ящики с дневниками и записными книжками японских солдат и офицеров. По ним можно было легко представить моральный облик, думы и чаяния вояк непобедимой армии Страны восходящего солнца. Авторы этих сочинений писали о том, что среди японских солдат имеются лишь единицы, которые умеют читать, о международных событиях говорят им очень редко, зато часто рассказывают о

могуществе Японии.

Кормят солдат плохо, мясо дают один раз в неделю, а рис - последнего сорта. Дают рыбу, но она зачастую порченная и очень соленая, отчего солдат мучает жажда. Хлеба и сахара не дают. О сахаре слышали, но, как с ним пить чай, не знают.

Среди офицеров процветает пьянство. Появляясь в казармах, офицеры бьют своих подчиненных за каждую мелочь.

Так солдаты говорили о своих командирах. А ведь в Японии с самых ранних лет, начиная со школьной скамьи, юноше вдалбливают в голову, что у него два отца: первый отец, который его воспитал, а второй - это командир, когда он будет служить в армии. С детских лет японцам вдалбливалось: Нет лучше Страны восходящего солнца, нет краше цветка вишни, нет краше цвета военного.

В бой японского солдата прежде всего заставлял идти страх смерти от руки своего же командира, именуемого японской пропагандой вторым отцом.

Наши переводчики перевели целый ряд документов, которые мы затем использовали в своей работе, на конкретных примерах показывая преимущества нашего социалистического строя, разъясняли подлинные причины упорного сопротивления японцев, доходившего иногда до сумасбродства и не всегда объяснимого.

В связи с этим определенный интерес представляли дневники солдат и унтер-офицеров.

Вот хоть один из них:

1.7 (имеется в виду 7 июля 1939 года. - И. Ф.). Погода хорошая. Выступление в девять было отменено и назначено на четыре часа. Весь личный состав был поднят, и начались приготовления к выступлению. В назначенное время батарея разместилась на четырех грузовиках и выступила из Джин-Джин-Сумэ.

В Джин-Джин-Сумэ всего лишь двадцать домов, имеется монастырь. Батарея двигается по новой дороге, так как старая очень узкая. Машины несколько раз застревали в грязи, и мы испытывали величайшие трудности.

На расстоянии 2 - 3 ри{32} от границы батарея была сильно обстреляна слева.

Нынешние бои совсем не похожи на бои с партизанами.

Противник крепко удерживает свои позиции в трех ри перед нами.

2.7. С утра хорошая погода. В шесть часов после полудня - ливень. Выступили в 5.30. Продвинувшись вперед на расстояние около двух километров, мы услышали страшную канонаду и

пулеметную стрельбу на передовой линии...

Сегодня на завтрак и на обед были сухари, но во рту пересохло, а воды нет. В этом пункте мы простояли до двадцати трех часов.

В двадцать три часа выступили в направлении реки Халха.

3.7. Мы двигаемся под дождем, осторожно, почти полностью замаскировав свет. В 4.30 мы направились к пункту переправы и с этого времени перешли под командование начальника разведотряда. Около переправы мы были обстреляны самолетами противника.

Пуля попала в бензиновый бак нашей машины, и машина загорелась. В это же время снизился наш самолет, чтобы сбросить пакет с донесением, но за эти дни многие из нас так напуганы, что приняли его за самолет противника. Самолет был обстрелян и сбит. После этого мы все страшно нервничали. Вскоре на левом берегу Халхи появились танки противника. Удобный момент для обстрела уже был нами упущен, и это опять вызвало досаду.

Эта переправа через Халху была действительно большим событием. После переправы мы сели в машины и отправились разыскивать танки противника, двигаясь все вперед и вперед. В 9.30 начался бой.

В этом бою погибло много моих товарищей, которые на всю жизнь останутся в памяти. Их гибель является большой утратой для нашего государства. Первый бой окончен.

Очень хотелось есть, и несколько человек, стоя на машинах, быстро достали остатки своего обеда. Вдруг прибыло донесение о приближении спереди около двадцати танков противника, но отделения все же выехали выполнять задание. Не успели проехать 300 метров, как столкнулись с танками противника, обстрелявшими нас слева.

Мы тотчас же сняли орудия с автомашин, откатали их на 100 метров и начали обстрел танков противника. На миг танк противника замолк, но сейчас же мы были осыпаны градом пуль из пулеметов. Я был как во сне. Когда немного очнулся, то оказалось, что около нашего орудия лежало много окровавленных тел. Среди них Хакуяма и Аихара. Этот ужас я никогда не забуду. Мы сейчас же переместились к высоте No 3.

Хакуяме пуля попала в грудь, а Аихаре пуля попала в правое ухо и пробила ему голову.

От сегодняшнего боя осталось глубокое впечатление. Осколком снаряда был убит также командир взвода автомобильного отряда. В каждой части много убитых и раненых. Кажется, что и его превосходительство командир дивизии тоже ранен. Бой достиг своего кульминационного пункта. Когда

стемнело, наша батарея, прикрывая штаб дивизии, отступила к пункту переправы. На передовой линии осталось много разного военного имущества, и штаб дивизии нас торопил. Наши автомашины двинулись за имуществом, но мы здорово помучались, так как не могли найти дорогу. По пути мы встретили артиллерийскую часть, переправляющуюся через Халху, и связались с ней. Эта часть нам сообщила, что мост уже тоже захвачен противником.

Тихо и осторожно движется машина командира дивизии. Луна освещает равнину - светло как днем. Ночь тиха и напряжена так же, как мы. Халха освещена луной, и в реке отражаются огни осветительных бомб, бросаемых противником. Картина ужасная! Надо быть начеку.

4.7. Погода хорошая. С утра не прекращается артиллерийский обстрел из тяжелых орудий. Один раз мы были обстреляны самолетами противника. Автомашины, находившиеся сзади нас, загорелись.

На ужин мы сварили последние запасы пищи. Со вчерашнего дня мы не кушали риса, но вечером тоже не ели, так как во рту все пересохло.

В 7.30 мы расположились в 400 метрах за штабом дивизии, около позиции зенитной артиллерии, однако, опасаясь бомбардировок в этом пункте, мы передвинулись еще на 300 метров. Идет дождь. Холодно, а у нас шинелей и другой теплой одежды нет.

Гул артиллерии противника не прекращается. Мы мокнем под дождем, потеряв связь с нашими частями. Не знаем направления, куда нам двигаться.

6.7. Погода переменная. Батарея Хаяси, не успев сжечь свои трупы, снова отступила. Наше отделение осталось для прикрытия штаба дивизии и присмотра за трупами. Редуют наши ряды.

Сегодня два-три раза прилетали самолеты противника. Их обстреляла наша зенитная артиллерия, но не сбила ни одного самолета. Когда стемнело, мы снова приступили к сбору трупов...

Далее запись обрывается.

Так унтер-офицер рассказал о боях на горе Баин-Цаган. Не сладко пришлось там самураям... А что запись обрывается - это понятно. Оборвала ее советская пуля или штык.

Хлебнул лиха и фельдфебель из 64-го пехотного полка

23-й японской дивизии. В найденном нами его дневнике было записано:

20.8. Рано утром бомбардировщики противника начали бомбить наши позиции. Затем последовала танковая атака, все спрятались в блиндажи...

21.8. Множество самолетов советско-монгольской авиации ежедневно бомбят наши позиции. Артиллерия также беспокоит нас все время. После бомбежки и артиллерийского огня бросается в атаку пехота противника. Ночью авиация противника бомбила наши тылы и подходившее подкрепление. В этот же день был убит фельдфебель. Число убитых все больше и больше увеличивается.

22.8. Бомбардировщики противника в шесть часов утра начали бомбежку. Артиллерия открыла ураганный огонь по нашим позициям. С девяти часов самолеты противника повторили бомбардировку наших позиций. В 9.30 пехота противника начала атаку, пулеметы противника открыли сильный огонь. Мы были в большой опасности и страшно напугались, настроение заметно ухудшилось. Когда всех убили, меня назначили командиром роты. Это меня страшно волновало, и я всю ночь не спал.

23.8. С 8.30 усилился артиллерийский огонь тяжелых орудий. Наша авиация и артиллерия нас не поддерживали. Артиллерийская стрельба была очень жестокая. В двенадцать часов пехота противника бросилась в атаку, во время которой осколком снаряда был убит солдат 1-го разряда Мурада. Ночью бомбежка продолжалась.

24.8. С трех часов утра началась бомбежка авиации. Несмотря на сильную бомбежку, сильный огонь артиллерии, остатки нашей роты настолько были измучены и устали, что начали дремать.

25.8. Было убито шесть наших солдат, а остальные разбежались. Было очень трудно собрать эти остатки. День был относительно спокойным.

26.8. Тридцать танков советско-монгольских войск и один батальон пехоты оказались на нашем правом фланге и начали окружение. Наша рота, получив некоторое подкрепление из вблизи находившейся части, начала контратаку, но не выдержала атаки пехоты противника. В это время приблизились три танка. В тылу на расстоянии 700 метров также появились танки и пехота противника. Фельдфебель Кимура в этом бою был убит. Через некоторое время был убит солдат первого года службы Такахаси; раненых было четыре человека. Часть, не имея никакой поддержки со стороны нашей авиации и артиллерии, была на грани уничтожения.

Императорские войска стали пушечным мясом, мы не могли устоять перед огромной техникой и силой советско-монгольских войск. Полк Ямагата был окружен, его тактика оказалась ошибочной. Связь с тылами была прервана. Ночью стало немного тише.

27.8. Стало рассветать. С утра настроение немного улучшилось. Наша артиллерия начала стрелять, но вскоре пехота противника повела ожесточенную атаку. Сегодня бой был ужасный. Не вижу выхода...

Запись обрывается.

Комментарии к дневнику фельдфебеля, думаю, излишни. Хочу только сказать, что он пишет о начале августовского наступления 1939 года. Из его слов можно сделать вывод, какой ужас наводили на японцев советское оружие и боевая техника, как мастерски и героически сражались советские воины и монгольские цирики.

Итак, враг потерпел сокрушительное поражение на реке Халхин-Гол, что явилось ярким доказательством силы и могущества Красной Армии, ее превосходства над хваленной императорской армией.

Японское военное командование в течение многих лет намеревалось захватить Монголию, тщательно готовилось к этому преступному акту. Казалось, все предусмотрено, все продумано: и где напасть, и когда напасть. А каков результат? Авантюра японцев кончилась провалом. Их войска были разгромлены и выброшены за пределы Монголии. А точнее сказать, выброшены не войска, а то, что от них осталось. Большинство захватчиков нашли бесславный конец на земле братской страны.

За образцовое выполнение боевых задач на реке Халхин-Гол Советским государством были награждены: орденом Ленина - 36-я мотострелковая дивизия, 11-я танковая бригада, 7-я мотобронетанковая бригада, 100-я бомбардировочная авиационная бригада, 175-й артиллерийский полк, 24-й мотострелковый полк; орденом Красного Знамени - 57-я стрелковая дивизия, 8-я и 9-я мотобронетанковые бригады, 127, 293, 601-й стрелковые полки, 149-й мотострелковый полк, 22, 56, 70-й авиационные полки.

Всего получили награды 25 частей и соединений.

За мужество, отвагу, беззаветную храбрость, верность присяге Указами Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик от 30 августа и от 17 ноября 1939 года было присвоено звание Героя Советского Союза 70 участникам боев. А Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1939 года вторично звание Героя Советского Союза было присвоено комкору Я. В. Смушкевичу, майорам С. И. Грицевцу и Г. П. Кравченко.

Героями Советского Союза стали комкор Г. К. Жуков, командиры стрелковых полков майоры Н. Ф. Грухин, П. Н. Зайюльев, командиры танковых батальонов майор К. Н. Абрамов, капитан В. А. Концов, командир артиллерийского дивизиона

майор А. С. Рыбкин, командир батареи капитан Л. М. Воеводин, храбрый летчик-истребитель лейтенант С. П. Данилов, командир эскадрильи капитан В. П. Кустов, командир взвода связи П. Е. Пономарев и другие.

Об одном из перечисленных героев, о Василии Алексеевиче Копцове, хочу рассказать подробнее, потому что не раз с ним встречался и знал его лично. Кстати, Г. К. Жуков очень высоко оценил его заслуги. Представляя Копцова, тогда еще командира батальона 6-й танковой бригады, Георгий Константинович писал:

Капитан Концов участвовал во всех атаках ежедневно по несколько раз. 22 августа лично вел батальон в ночную атаку и после разгрома противника первым вышел в долину реки Хайластын-Гол, отрезав противнику пути отхода. Находясь в засаде с двумя ротами танков, смело уничтожал отходящего противника.

25 августа получил задачу уничтожить наступающий пехотный полк. При выполнении боевой задачи его танк был подбит.

В подбитом танке он оставался в расположении противника восемь часов, расстреливая наседавших японцев, сохранил машину и экипаж до подхода своих частей.

Вскоре после окончания боевых действий в районе реки Халхин-Гол Герой Советского Союза В. А. Концов был назначен командиром 6-й танковой бригады. Это был смелый, решительный, грамотный командир, он отличался собранностью, инициативностью, организованностью, мысли свои всегда формулировал кратко и четко.

Проявляя высокую требовательность к подчиненным, он не забывал о личной примерности, оставался скромным, внимательным и заботливым командиром. Была у него широкая, добрая русская душа.

Забегая вперед, добавлю, что В. Л. Концов в годы Великой Отечественной войны командовал 46-й танковой дивизией, а затем 15-м танковым корпусом. Он и погиб на этом боевом посту.

Но вернемся к итогам событий на реке Халхин-Гол. Я уже писал, что многим участникам боев было присвоено высокое звание Героя Советского Союза, высоких государственных наград, удостоены сотни бойцов, командиров, политработников. Орден Ленина получили 83 человека, Красного Знамени - 595, орден Красной Звезды - 134, медали За отвагу и За боевые заслуги - 90 человек{33}. Кроме того, многие были награждены орденом Красного Знамени Монгольской Народной Республики.

Народный комиссар обороны Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов в своем приказе от 7 ноября 1939 года писал:

Подлинной славой покрыли себя бойцы и командиры - участники боев в районе реки Халхин-Гол. За доблесть и героизм, за блестящее выполнение боевых приказов войска, участвовавшие в боях в районе реки Халхин-Гол, заслужили всенародную великую благодарность.

Разгром японских войск на монгольской земле имел огромное международное значение. Во-первых, поражение на Халхин-Голе нарушило планы реакционных правящих кругов Японии и в значительной мере охладило их агрессивный пыл.

Красная Армия совместно с монгольскими войсками, разгромив японских провокаторов на Халхин-Голе, обеспечила прочность положения Советского государства на Дальнем Востоке и неприкосновенность его границ, укрепила независимость Монгольской Народной Республики.

В боевых действиях на Халхин-Голе Советская Армия с честью выполнила свой интернациональный долг, оказав братскую помощь монгольскому народу в разгроме агрессора. Поражение японских войск сорвало надежды правящих кругов Англии и США умиротворить Японию за счет СССР и МНР, направить японскую агрессию против Советского Союза. Разгром японских захватчиков на Халхин-Голе способствовал усилению национально-освободительного движения китайского народа. Поражение Японии оказало серьезное влияние на внешнеполитическую позицию ее правительства и было одной из причин, удержавших ее от выступлений против СССР в годы второй мировой войны.

В боях на Халхин-Голе еще более окрепла дружба между братскими народами Советского Союза и Монголии, летопись которой ведется с подписания в Москве 5 ноября 1921 года Соглашения об установлении дружественных отношений между Советской Россией и Народной Монголией и с исторической встречи В. И. Ленина и Д. Сухэ-Батора. Оба государства официально признали друг друга и обменялись дипломатическими и консульскими представителями; ранее подписанные неравноправные соглашения царского правительства с Монголией были аннулированы; теперь отношения между двумя странами основывались на совершенно новых принципах - на пролетарском интернационализме при полном равноправии и взаимном уважении суверенитета и независимости, на взаимной помощи и поддержке. Соглашение явилось надежной гарантией государственного суверенитета, независимости и процветания Монголии, ибо Советский Союз, действуя в соответствии с его пунктами, неоднократно приходил на помощь братской Монголии.

Даже в период гражданской войны, когда на Дальнем Востоке

шла борьба с японскими интервентами, а в стране царил разруха, советский народ помогал монгольскому народу отстаивать завоевания народной революции.

Новым значительным этапом укрепления дружбы стал Протокол о взаимной помощи между СССР и МНР, подписанный 12 марта 1936 года в Улан-Баторе. В соответствии с этим документом наше правительство в сентябре 1937 года направило в МНР свои войска, в задачу которых входило оказание помощи монгольскому народу в защите его свободы и независимости.

И эту задачу мы выполнили с честью.

Тогда, в 1939 году, я, командир полка, но мог не оценить значения нашей победы у реки Халхин-Гол, ее влияния на развитие тактики и оперативного искусства, ну и впоследствии, уже в годы Великой Отечественной войны, командуя соединениями и объединениями советских войск, я по-настоящему осознал, сколь много дал нам опыт, приобретенный в период боев с японскими милитаристами.

Мало того, что в схватках с врагом у реки Халхин-Гол были на практике проверены основные положения новых уставов и наставлений и выявлены слабые и сильные стороны теоретических разработок советского военного искусства, - опыт боевых действий дал поучительные примеры использования авиации, бронетанковых соединений и артиллерии. К примеру, августовская наступательная операция позволила советскому командованию приобрести опыт организации взаимодействия бронетанковых частей с общевойсковыми соединениями при выполнении оперативно-тактических задач. Именно на реке Халхин-Гол советское командование впервые применило бронетанковые войска для решения не только тактических, но и оперативных задач, использовав их в качестве основного средства охвата флангов противника и окружения главной группировки его войск. Советские танкисты показали блестящее мастерство, дерзость и решительность, совершив глубокий обходный маневр, выйдя во вражеский тыл навстречу друг другу и сыграв решающую роль в окружении противника.

В то же время опыт показал, что одним танкам и бронемашинам невозможно решить задачи по окружению противника. Надежный фронт окружения можно создать лишь в тесном взаимодействии бронетанковых и мотострелковых частей и соединений.

Кроме того, итоги боев показали, что использование танков более эффективно не при прорыве подготовленной позиционной обороны, а при введении в прорыв или для маневра во фланг и тыл противника.

Опыт боевых действий советских войск на Халхин-Голе позволил также определить наиболее целесообразное построение боевого порядка в полках и дивизиях. Наступательный бой частей и соединений в основном организовывался в соответствии с требованиями Полевого устава 1936 года, однако практика боевых действий показала, что делить боевой порядок на ударную и сковывающую группы нецелесообразно, как нецелесообразно и построение дивизии в один эшелон, что не позволяет наращивать силу удара в глубине обороны противника.

Под влиянием опыта боев на Халхин-Голе в проекте Полевого устава 1939 года для увеличения тактических плотностей даны были несколько меньшие полосы наступления дивизий, полков и батальонов по сравнению с шириной полос, указанных в Полевом уставе 1936 года. Именно под влиянием опыта боевых действий на Халхин-Голе был уменьшен фронт наступления для дивизий, полков, батальонов и внесены изменения в построение их боевых порядков.

Важное значение в успешном осуществлении операции имели правильный выбор направления ударов, искусное маневрирование силами и средствами в наступлении.

Как я показал в своих воспоминаниях, оборона японских войск на Халхин-Голе строилась по системе узлов сопротивления и опорных пунктов, для которых использовались выгодные в тактическом отношении высоты и сопки. Опыт показал, что наиболее эффективным способом преодоления такой обороны являются удары по промежуткам. Вклиниваясь между опорными пунктами, наши части нарушали взаимодействие между ними, расчленив всю оборону на ряд не связанных между собой участков, а затем блокировали и последовательно уничтожали отдельные очаги сопротивления. Лобовые атаки опорных пунктов, таких, как сопка Песчаная, высоты Палец, Зеленая, Ремизова, не давали должного успеха.

Большую роль в борьбе за опорные пункты сыграли наши огнеметные танки и артиллерия. Действуя в боевых порядках, отдельные орудия (вплоть до 152-мм) прямой наводкой расстреливали огневые точки противника. Под прикрытием их огня подходили огнеметные танки и выжигали японскую пехоту из укрытий. После этого пехота гранатами, огнем и штыком довершала разгром врага.

Боевые действия на Халхин-Голе подтвердили положение о том, что современный бой является общевойсковым боем и решается усилиями всех родов войск в тесном взаимодействии. Они показали возросшее значение авиации в современной операции. Решающую роль за господство в воздухе сыграли

истребители, которые выполняли разнообразные задачи: прикрывали наземные войска и объекты, вели воздушную разведку, сопровождали бомбардировщики, штурмовали огневые позиции и скопление войск противника.

В ходе операции был накоплен весьма ценный опыт организации и поддержания взаимодействия между различными родами войск: пехотой, танками, артиллерией и авиацией. Танки поддержки пехоты, как правило, придавались стрелковым батальонам и ротам, а иногда даже взводам, что увеличивало их ударную силу.

В обороне танки использовались и для проведения контратак, и как огневые точки (они закапывались в землю по башню). С помощью танков создавались так называемые броневые укрепленные районы.

Таким образом, опыт боев у реки Халхин-Гол был использован для дальнейшего совершенствования тактики и оперативного искусства Советских Вооруженных Сил. Он показал возросшую роль бронетанковых войск при проведении операции по окружению противника и его ликвидации, а также высокую эффективность мероприятий по достижению оперативной и тактической внезапности при организации наступления. Весь накопленный опыт был тщательно обобщен и учтен при дальнейшем развитии советского военного искусства.

Решительная победа на Халхин-Голе была одержана благодаря преимуществам советской экономики. Страна оснастила Красную Армию по тому времени передовой боевой техникой и первоклассным оружием. Советско-монгольские войска не испытывали недостатка в вооружении и боеприпасах. Как потом подсчитали, только за десять дней августовской наступательной операции в боях было израсходовано свыше 490 тыс. снарядов, 120 тыс. гранат, около 8 млн. патронов. Победа была обеспечена морально-политическим превосходством советских и монгольских воинов над армией захватчиков. На славных героических традициях Халхин-Гола воспитывались будущие герои Великой Отечественной войны.

Да, нам, участникам боев у реки Халхин-Гол, в последующие годы не раз приходилось вступать в борьбу за честь и независимость Родины. Хочу сразу сказать, что мне, например, закалка, полученная в боях с японскими милитаристами, очень пригодилась в грядущих боях с врагом.

Глава седьмая.

Мирные дни

Я вернулся в Монголию в тот период, когда боевые действия на Халхин-Голе закончились. В штабе группы объявили приказ о

моем назначении командиром 82-й мотострелковой дивизии, которая незадолго до того была передислоцирована в город Баин-Тумен. Назначение, конечно, было неожиданным. С волнением и тревогой выехал я к новому месту службы. Беспокоило, как встретят будущие подчиненные, как пойдут дела.

Работу начал со знакомства с людьми, с частями и подразделениями соединения, прежде всего объехал все три мотострелковых полка, побывал и в обоих артиллерийских, в разведывательном батальоне.

Поразила теснота, в которой размещался личный состав. Красноармейцы жили в больших землянках, в которых были установлены четырехъярусные нары.

Сразу отметил: нужно строить военные городки, в качестве строительного материала можно использовать камни и глину - горы рядом, - а вот лес придется возить за 200 километров.

Порадовало то, что, несмотря на тяжелейшие условия жизни и быта - да они и понятны: прежде здесь размещалась мотобронетанковая бригада, значительно уступающая по численности, - части и подразделения дивизии занимались боевой подготовкой с полным напряжением. Впрочем, результаты ее я решил проверить незамедлительно, ибо обстановка по-прежнему оставалась крайне сложной и напряженной к необходимо было поддерживать наивысшую боеготовность, чтобы незамедлительно дать отпор всем попыткам японцев взять реванш за поражение, если они вдруг решатся их предпринять.

Приятно было встретить в должности командира одного из полков бывшего комбата 24-го мотострелкового Героя Советского Союза майора Н. Н. Зайюльева. Этот исключительно храбрый, решительный и грамотный командир уверенно руководил батальоном, и тогда уже чувствовалось, что достигнутое для него не предел, - он пойдет выше. И вот передо мной командир мотострелкового полка...

Мы вспомнили с ним боевых товарищей, родной 24-й мотострелковый полк, я поинтересовался текущими делами, боеготовностью подразделений, размещением людей в полку. Организованность и порядок в части, которой командовал Н. Н. Зайюльев, заметно отличались в лучшую сторону, и я не мог не порадоваться успехам бывшего своего комбата и, можно сказать, воспитанника.

Дела я принял быстро и уже через несколько дней после вступления в должность приступил к проверке боеготовности и боеспособности частей и подразделений.

Подняв полки по тревоге, я поставил задачу совершить многокилометровый марш и сосредоточиться в указанном

районе. Марш приказал совершить в пешем порядке. И что же... Уже на первых десяти километрах колонны подразделений растянулись и, мало того, поределели.

Стал выяснять, в чем же дело. Мне объяснили, что в дивизию пришло совсем недавно большое пополнение. Новички, конечно, не имели хорошей физической подготовки. Мне было это понятно, и все же я поинтересовался, почему с первых же дней командиры частей не приступили к сколачиванию, к тренировкам личного состава.

Оказалось, что некоторые командиры посчитали, что времена маршей, проводимых в пешем порядке, теперь отошли в прошлое. Зачем тренировать людей, когда есть автомашины, которые доставят подразделения в любой район и в более короткие сроки. Это было конечно же заблуждением. Даже спустя много лет после Великой Отечественной войны маршевая подготовка войск не потеряла своего значения, хотя уровень моторизации частей и соединений вырос неизмеримо. Тренировать бойцов и командиров в совершении длительных маршей и стремительных марш-бросков необходимо всегда, ибо в период боевых действий могут сложиться и такие обстоятельства, при которых использование техники станет невозможным.

Что же касается тех предвоенных лет, когда только начинали создаваться мотострелковые части и соединения, то и говорить нечего. Ни для кого не секрет, сколько пришлось пройти по дорогам Великой Отечественной нашим пехотинцам.

Убедившись в слабой подготовленности людей к совершению маршей, я собрал командиров на совещание и поставил им четкие и определенные задачи по устранению столь серьезного недостатка.

А решил я сделать следующее. Военный городок находился на берегу реки Керулен, а на противоположном берегу были наши учебные поля и стрельбища для каждого полка. Расстояние до них было около 3 километров. Учебными полями и стрельбищами мы пользовались почти каждый день. Вот я и приказал ходить туда только пешком, ни в коем случае не пользоваться автомашинами.

- Прошу учесть, - сказал я командирам полков, - когда идете туда - время ваше, а на обратном пути - время командира дивизии. Причем люди должны иметь на обратном пути положенное им снаряжение в вооружение. Одним словом, полную выкладку.

Так и поступили. По пути на учебные поля и на стрельбище командиры полков сами тренировали личный состав.

Обратный же путь мы использовали следующим образом.

Разбили его на несколько отрезков и определили, где двигаться шагом, где бегом, где ползком. На определенных точках стояли командиры штаба и контролировали правильность действий. Такие тренировки продолжались в течение почти двух месяцев. Физическая подготовка личного состава резко возросла. И скоро стали не страшны длительные марши.

Проблем в обучении и воспитании подчиненных было много, и каждый день занятий выдвигал новые, более сложные. Подняли физическую выносливость личного состава, маршевую выучку, сколотили подразделения, а тут появились другие задачи - надо и о командирах подумать.

Заметил я, что у некоторых из них маловато инициативы, решительности частенько поглядывают на старшего начальника, ждут подсказки, не решаются действовать сами. Надо было приучать к самостоятельности. А где, как не на учениях, лучше приучать.

Однажды рано утром я собрал работников штаба дивизии и поставил перед ними задачу: поднять полк, которым командовал полковник Соловьев, по тревоге.

- Прошу вас совершенно не вмешиваться в распоряжения командира и в действия полка, - предупредил я. - Но обязательно проследите, чтобы было взято на трое суток продовольствия, чтобы у бойцов имелись котелки, кружки и ложки. На экипировку командиров не обращайтесь внимания...

И вот прозвучал сигнал тревоги. Подразделения быстро выстроились на плацу. Красноармейцы были в полной экипировке, и никаких недостатков командиры штаба не нашли. Что же касается комсостава, то не ускользнуло от моего взгляда, что подавляющее большинство командиров были налегке.

Ко мне подошел командир полка полковник Соловьев и спросил:

- Товарищ командир дивизии, а полевые кухни брать с собой или нет?

- Полковник Соловьев, вы же командуете полком, а не я, - ответил ему. Поэтому решайте сами, что вам нужно.

Полк был построен и выведен в район угольных копей недалеко от Баин-Тумена. Здесь я попросил Соловьева достать карту, указать точку, где сейчас сосредоточен полк.

- Вот тут, - указал он безошибочно.

Я взял его карту и обозначил на ней маршрут от того места, где мы находились, до Худука. Худук - это колодец. В степи такой ориентир более чем приметен на карте. План учений я, разумеется, продумал и обсудил с командирами штаба дивизии заранее, и теперь каждый из них знал, что проверять и чем

заниматься.

- Сегодня вы совершите марш вот до этой точки. Сколько вы там будете отдыхать - это ваше дело, но завтра вы должны быть вот в этой точке, то есть у Худука. Послезавтра вы выйдете к реке Керулен - вот в этот район. Общая протяженность марша сто - сто двадцать километров. В последней точке буду вас ждать.

Я предупредил командира полка, что дальнейшие задачи поставлю на берегу реки.

Командир полка выслушал молча, сделал необходимые пометки на карте, которую я вернул ему с уже нанесенным маршрутом. Потом растерянно огляделся и неожиданно спросил:

- Товарищ командир дивизии, разрешите взять походные кухни?

- Это невозможно, - сказал я. - На Баин-Тумен налетели самолеты врага, город горит и разрушен.

- А как же я буду кормить личный состав?

- Если сами не сообразите, вам подскажут. Выполняйте задачу...

На марше полк сопровождал начальник оперативного отделения штаба дивизии подполковник Крюков. Я заранее проинструктировал его по всем вопросам, которые он должен проверить. Вмешиваться в деятельность командира и давать ему какие-либо советы я запретил, за исключением одного - как покормить личный состав. Хотя я, конечно, надеялся, что командир полка и сам догадается, что ему нужно для этого сделать.

В целом марш прошел успешно, и точно в назначенный срок полк прибыл в указанный мною пункт.

Когда показались головные подразделения, я вышел из машины и поднялся на небольшой холм, чтобы лучше видеть походные колонны батальонов.

Заметив меня, красноармейцы заулыбались. Вид у них был бодрый и бравый. Видимо, они поняли, почему их заставили совершить столь трудный марш, поняли, что их экзаменуют и что этот экзамен они выдержали. Подразделения переходили на строевой шаг, выравниваясь, подтягиваясь и приветствуя меня и командиров штаба, затем, миновав холм, сворачивали на поле, где выстраивались в линию взводных колонн.

Командир полка доложил, что полк прибыл в полном порядке, отставших нет. Я выслушал доклад и поздравил личный состав с успешным окончанием первого этапа учений.

После построения спросил у командира полка:

- Как удалось наладить питание? Он ответил:

- Продукты были, а пищу готовили в котелках. Ели все с

аппетитом. Одно лишь плохо. И в этом мы виноваты сами...

- Случилось что-то?

- Ничего серьезного не произошло. Но командиры по ночам мерзли. Шинели-то не взяли с собой. Да и с питанием неладно получилось. Есть-то им оказалось не из чего и нечем: котелки, фляги и ложки взять не удосужились.

- И как же вышли из положения?

- Бойцы выручали, кормили своих командиров.

- Ну что же, для вас это будет хорошей наукой - нельзя так собираться по боевой тревоге.

- Выводы уже сделали, - сказал командир полка, - подобное больше не повторится.

Личный состав расположился на отдых, а я собрал командиров, чтобы поставить им новую задачу. По разработанной мною для учений обстановке противник нарушил государственную границу и развивал наступление в глубь Монголии. Полку надлежало переправиться через реку Керулен, совершить марш в предвидении встречного боя, разгромить противника и восстановить государственную границу.

- Да, и еще, - прибавил я, - в Баин-Тумене развернулись тылы дивизии. Получить походные кухни и продовольствие на трое суток.

Командир полка посмотрел на карту, потом вдруг спросил:

- А как же мы переправимся через реку? У нас и нет переправочно-десантных средств.

- Ничем не могу помочь. У меня их тоже нет.

Командир полка явно растерялся. Я же объявил, что все свободны, и приказал Соловьеву уяснить задачу, оценить обстановку и доложить решение.

И тут ко мне подошел командир артиллерийского дивизиона капитан Ветров.

- Товарищ полковник, разрешите сказать? У меня есть предложение...

- Пожалуйста...

- Я направлял разведчиков вдоль берега вверх и вниз по течению... Они доложили, что в нескольких километрах отсюда есть брод... Там и переправимся.

- Хорошо, действуйте. И командиру полка подскажите.

Вот так, просто и ясно. Нельзя не отметить, что капитан Ветров был инициативным, грамотным, находчивым командиром. Правда, и дерзким на язычок. Вспомнив свою первую с ним встречу, я, смеясь, спросил:

- Ну что, продолжаете курить в клубе?

- Нет, что вы, - ответил он. - Да ведь там теперь и не

закуришь...

Я отпустил капитана, а сам невольно вспомнил тот случай.

Как-то ко мне в кабинет зашел начальник дивизионного клуба. Он был возмущен и расстроен.

- Хочу пожаловаться на капитана Ветрова, - начал он. - Не считается с правилами поведения в дивизионном клубе.

- Где он сейчас?

- Там, в клубе.

Зашли в читальный зал. Капитан Ветров, сидя за столом, курил. При нашем появлении встал, ткнув сигарету в импровизированную пепельницу.

Я сделал ему замечание, сказал, что курить здесь нельзя и что за это следует наказывать.

- Товарищ командир дивизии, разрешите объяснить?

- Пожалуйста...

- Я не курю там, где чисто и опрятно, а там, где грязно, неуютно, можно и закурить.

- Ну что и, - заметил я, - есть доля правды в ваших словах. А вам, начальник клуба, вот что должен сказать. Если хотите, чтобы у вас не нарушали порядок, то все здесь приведите в надлежащий вид. Ветров прав. Если здесь будет чисто, уютно, и курить никто не станет.

Начальник клуба учел замечание, больше ко мне с жалобами не приходил, да и положение дел, надо заметить, изменилось: в помещение клуба войти стало приятно.

Вот таким был капитан Ветров.

О найденном брое он доложил командиру полковнику Соловьеву, а мотострелковый полк вместе с приданным ему артиллерийским дивизионом переправился на противоположный берег реки.

И вот снова марш, причем теперь в предвидении встречного боя. Полк выдвигался в походных порядках, выслав вперед охранение, находясь в готовности к немедленному развертыванию и вступлению в бой. Я поручил подполковнику Крюкову постоянно находиться возле командира полка, но в его решения, как и прежде, не вмешиваться и не давать никаких советов.

Еще до начала выдвижения, ставя боевые задачи подразделениям, полковник Соловьев нет-нет да и поглядывал то на меня, то на подполковника Крюкова, словно пытаясь определить, правильно ли действует. Но я сохранял бесстрастное выражение лица, казался равнодушным и Крюков. Я понимал, что, стоит сейчас остановить полковника неосторожным замечанием, указать ему на какую-то, пусть даже незначительную

ошибку - и вновь в нем возродится желание действовать с оглядкой на старшего начальника, желание принимать решение не для победы в предстоящем учебном бою, а для нас с Крюковым.

И заметил, что командир перестал видеть в нас контролеров, а от этого сразу стал как-то увереннее чувствовать себя, решать все вопросы смелее, проявлять инициативу.

А когда полк стремительно пошел на сближение с противником, полковник Соловьев окончательно уверился в том, что действовать ему придется, рассчитывая только на себя.

Я упомянул слово стремительно, а ведь действовал полк по-прежнему в пешем порядке. Но как действовал! Все решительно изменилось к лучшему. Этот марш был действительно похож на марш-бросок, но вовсе не на такой, при котором подразделение растягивается на многие сотни метров. Не только взводы и роты, но и батальоны шли компактно, не нарушая строя. Полк должен был упредить противника в выходе на выгодный рубеж, в развертывании на нем и вступлении в бой.

Этим выгодным рубежом была гряда пологих высот, которые и высотами-то можно было назвать с большой натяжкой, но степь есть степь, другую трудно было выбрать...

Полковник Соловьев провел весь расчет марша с учетом того, что именно на эту гряду надо выйти раньше и на ней развернуться. Но и здесь я уточнил задачу. Противник по новой вводной не только занял эту гряду, но успел продвинуться значительно дальше. За противника на учении действовали подразделения другого полка дивизии.

Я выехал вперед, к месту встречи походных охранений, к месту боя. В степи видно далеко. Противоборствующие стороны обнаружили друг друга за многие десятки километров.

Рота полка Соловьева, действовавшая в походном охранении, стремительно пошла на сближение, и от нее полетел сигнал в авангардный батальон, оттуда - в полк. Я следил за действиями командира роты. Вот рота приблизилась к противнику на дальность действительного огня тех систем его артиллерии и минометов, которые могли бы быть в его передних подразделениях, и развернулась в цепь.

Судя по действиям авангарда, командир полка решил сковать противника с фронта и нанести удар во фланг, потому что два батальона резко изменили направление своего движения...

Кто не восхищался стремительностью и красотой развертывания современных мотострелковых и танковых подразделений на крупных учениях! Гул, грохот, рев моторов. Мчатся на противника приземистые боевые машины пехоты, да и

танки, многотонные громадины, быстро совершают маневр, преодолевают препятствия. Взмечиваются султаны взрывов. Все горит, дымится. И машины идут сквозь огонь, словно в настоящем бою. Величава картина учений. И не удивительно, какая техника на них представляется - и истребители-бомбардировщики, и боевые вертолеты, и танки, и боевые машины пехоты, и самоходные гаубицы. Всего и не перечислишь. А средства имитации! Конечно же ничего этого у нас тогда не было, но и там, в степи, глядя, как разворачивается для удара по противнику полк вверенной мне дивизии, я гордился им, потому что главное-то и тогда и теперь все-таки не машины, а люди, наши замечательные бойцы и командиры!

Между тем авангардный батальон уже вступил в соприкосновение с противником. Завязался встречный бой. Противник стал теснить подразделения полка, но тут подоспел батальон, совершивший обход. Он ударил во фланг и смял боевые порядки противника. Третий батальон Соловьев бросил к высотам, чтобы оседлать их, занять выгодный рубеж и лишить противника возможности отойти в организованном порядке.

Бой закончился полной победой полка полковника Соловьева.

Через неделю я поднял полк майора Н. И. Зайюльева. Но здесь уже не потребовалось давать инструктаж начальникам отделов штаба и указаний командиру полка. Сказался приобретенный опыт, боевые качества командира. Все шло, как надо. Подразделения быстро, без суеты выходили на тревогу на построение. Экипировка командиров соответствовала требованиям, не были забыты и походные кухни

Полк пошел по тому же маршруту, что и предшествующий. И выполнил все задачи, как говорится, без сучка, без задоринки.

А потом и третий полк, и другие части дивизии мы провели аналогичным образом.

Спустя некоторое время после этих учений нас посетил командующий войсками Забайкальского военного округа комкор Иван Степанович Конев. И мы не ударили в грязь лицом.

Но особенно И. С. Конев удивило вот что. Когда раздался сигнал тревоги, личный состав дивизии быстро оставил территорию военного городка, а жены командного и политического состава вместе с детьми укрылись в щелях, которые были выкопаны в районе домов и землянок командного состава. Конев широко улыбнулся, развел руками и сказал:

- Ну это уж совсем неожиданно. Я впервые вижу такую дисциплину среди семей командного состава. Я поделился опытом, как мы добились таких результатов, как готовили семьи, чтобы они выполняли приказ начальника гарнизона в условиях

боевой тревоги.

Когда объявлялись тревоги, жены наши, несмотря на указание прятаться в щели, не делали этого. И вот однажды я подъехал к магазину и увидел возле него жен командиров. Они спокойно стояли, разговаривая между собой.

- А вы разве не слышали сигнала тревоги? - спросил я.

- Слышали, - отвечают.

- И где вам теперь положено быть?

Молчат.

- А вдруг налетит японская авиация и начнет бомбить. Тогда как?

- Иван Иванович, так тревога-то учебная, чего же тут бояться, - ответила самая бойкая.

- Откуда вы знаете, что учебная? А если боевая, тогда что? По нашим расчетам, самолеты противника могут оказаться над городком через десять пятнадцать минут. Тогда не только вас самих, но и ваших детей может постигнуть беда... Разве вы не слышали, что произошло в этом гарнизоне, когда японцы нанесли бомбовые удары по военному городку Баин-Тумен? Семьи тоже подумали, что тревога учебная... и из-за своей беспечности пострадали.

Женщины молчали. Видимо, упоминание о событиях прошлого года не на шутку взволновало. Я оставил их, решив, что пусть подумают сами, тем более многие наверняка слышали о том трагическом случае.

После окончания проверки действий по сигналу тревоги пригласил к себе начальника политотдела дивизии полковника Т. Ф. Цыганова, посоветовался с ним, какую еще дует работу провести с женами командиров.

- Давайте соберем их и поговорим, - сказал Цыганов.

- Вы побеседуете с ними, Тихон Федорович?

- Нет, лучше вы, Иван Иванович, вы - начальник гарнизона.

Так и порешили. Собрали наших боевых подруг в клубе. Я обратился к ним как можно деликатнее, повторил, но уже более подробно, рассказ о том, что случилось 11 мая 1939 года, о том, сколь коварны японцы, которые не щадят ни женщин, ни детей. А тем, кто не верит в реальную опасность, посоветовал сходить на кладбище, чтобы воочию убедиться, каков был результат бомбежки японцами нашего городка. После той беседы, едва лишь раздавался сигнал тревоги, жены укрывались в щелях раньше, чем покидал военный городок личный состав.

- А ведь это правильно и убедительно, - сказал Иван Степанович Конев. - В приграничном районе, где каждую минуту грозит опасность, без такой дисциплины нельзя.

Вот так мы жили и занимались боевой подготовкой в далеком монгольском городке Баин-Тумен.

Вскоре после окончания проверки меня назначили командиром 15-го стрелкового корпуса. Но до вступления в должность послали на учебу в Москву, и в Ковель, где размещался штаб корпуса, я прибыл в апреле 1941 года, когда обстановка на нашей западной границе становилась все более напряженной.

В начале мая я решил объехать части корпуса, познакомиться с командирами дивизий, полков, батальонов, проверить боевую готовность войск, уточнить на месте задачи частей и подразделений в случае разворачивания боевых действий на границе. На эту поездку пришлось затратить около месяца.

Войска корпуса располагались в лагерях и военных городках километрах в сорока и более от границы. По одному полку от каждой из трех дивизий было занято строительством полевых укреплений. Артиллерийские полки находились на учебных сборах на Повурском артиллерийском полигоне.

Дивизии содержались по штатам мирного времени. Подавляющее большинство солдат и младших командиров составляли старослужащие, неплохо подготовленные в военном отношении.

Как раз в это время проходили учебные сборы приписного состава - уроженцев западных областей Украины. Когда началась война, приписники были влиты в кадровые дивизии.

По вооружению наш стрелковый корпус в целом находился в несколько лучшем положении, чем механизированные и авиационные соединения округа. В танковых частях, например, накануне войны шла замена устаревших машин на вполне современные KB и Т-34. Авиационные дивизии тоже получали технику новых типов, хотя в основе своей имели на вооружении самолеты, уступавшие гитлеровским и по скорости и по маневренности. В стрелковых же частях такой основательной замены вооружения не производилось. Стрелки и артиллеристы хорошо знали свое оружие, привыкли к нему, верили в его силу.

Первое знакомство с командным составом корпуса и с политическими работниками произвело на меня благоприятное впечатление.

Пока я объезжал части и подразделения корпуса, напряжение на границе нарастало.

Вернувшись в штаб корпуса, я позвонил командующему 5-й армией генерал-майору танковых войск М. И. Потапову.

Попросил разрешения по два стрелковых полка 45-й и 62-й дивизий, не занятых на строительстве укреплений, вывести из

лагерей в леса, поближе к границе, а артиллерийские полки вызвать с полигона. В этом случае войска будут находиться в восьми километрах от границы, в густом лесу.

Командарм, подумав, согласился.

То, что первые эшелоны дивизии находились в нескольких километрах от границы, сыграло известную роль. К пяти часам утра 22 июня 1941 года основные силы корпуса вышли к границе и с ходу вступили в бой.

А дальше были тяжелые приграничные бои, в которых активно участвовал мой стрелковый корпус. Затем, в период обороны Ленинграда, я командовал 42-й армией, а во главе 54-й армии защищал Волхов.

Летом 1942 года получил назначение на должность командующего 5-й армией и участвовал в операциях под Москвой. Затем снова был направлен в Ленинград, где, начиная с декабря 1943 года, командовал 2-й ударной армией. Во главе этого объединения мне довелось пройти с боями трудный путь от стен Ленинграда и до логова германского милитаризма - Восточной Пруссии.

Но обо всех этих событиях, о мужестве и героизме советских воинов, о том, как ковали мы нашу великую Победу, я уже рассказал в своей книге Поднятые по тревоге.

Примечания

{1}КВЖД начиналась от станции Маньчжурия, проходила через хребет Большой Хинган, Северо-Восточную равнину, хребет Чапбайшань до станции Суйфыньхэ и имела ответвление Харбин - Чанчунь - Далянь (Дальний), а также ветки на Бэньси, Фушунь, Инкоу, Чэнцзытун и Люйшунь (Порт-Артур). Ее протяженность составляла около 2500 километров

{2}Цит. по: На удар двойным ударом. Новосибирск, 1932, с. 6..

{3}Цит. по: Созвездие полководцев. Благовещенск, 1972, с. 180.

{4}Цит. по: Кулагин В., Яковлев Н. Подвиг Особой Дальневосточной. М.. 1970. с. 95-96.

{5}См.: Кузьмин Н. Ф. На страже 1940 гг.). М., 1959, с. 124. (1921)

{6}Цит. по: Созвездие полководцев, с. 181.

{7}В телеграмме начальнику политуправления ОДВА Н. Е. Доненко от 7 сентября 1929 года сообщалось политотделам частей армии о провокационных действиях китайских войск в районе станции Пограничная. - И. Ф.

{8}ЦГАСА, ф. 32213, оп. 1, д. 2, л. 190.

{9}Китайцы в боях на КВЖД и японцы в боях на Халхин-Голе

использовали блиндажи в качестве укрытий и огневых точек. Это объясняется тем, что местность в данных районах степная, леса ног. Строить отдельно блиндажи и дзоты было слишком трудно.

{10}Цит. по: Кулагин В., Яковлев Н. Подвиг Особой Дальневосточной, с. 122.

{11}Цит. по: Кулагин В., Яковлев Н. Подвиг Особой Дальневосточной, с. 123.

{12}Лиимаи Н. Записки красноармейца-дальневосточника. М., 1933, с. 229-230.

{13}См.: Зубенко. На удар двойным ударом: Сборник. Новосибирск, 1932.

{14}Созвездие полководцев, с. 188.

{15}Макс Гельц - видный немецкий коммунист и один из пламенных, неутомимых руководителей революционного коммунистического движения в Германии. Социал-фашистским правительством был приговорен к пожизненному тюремному заключению, но освобожден после настойчивых требований пролетариата Запада и нашей страны. В 10-ю годовщину Октябрьской революции товарищ Гельц награжден ЦИК СССР орденом Красного Знамени.

{16}Цит. по: Бои у Халхин-Гола. М., 1940, с. 10.

{17}Баргуты - народность, живущая в Хайларском округе Северо-Западной Маньчжурии.

{18}См.: Бои у Халхин-Гола, с. 13.

{19}См.: Созвездие полководцев, с. 390.

{20}См.: Шишкин С. Н. Боевые действия Красной Армии у реки Халхин-Гол в 1939 году. М., 1946, с. 18.

{21}См.; Шишкин С. Н. Боевые действия Красной Армии у реки Халхин-Гол в 1939 году, с. 14, 16.

{22}См.: Шишкин С. Н. Боевые действия Красной Армии у реки Халхин-Гол в 1939 году, с. 20.

{23}Бои у Халхин-Гола, с. 28 - 29.

{24}Бои у Халхин-Гола, с. 44.

{25}Бои у Халхин-Гола, с. 199.

{26}Созвездие полководцев, с. 204.

{27}Бои у Халхин-Гола, с. 508 - 509.

{28}См.: Бои у Халхин-Гола, с. 496.

{29}См.: Созвездие полководцев, с. 198.

{30}Созвездие полководцев, с. 202.

{31}См.: Кузьмин Н. Ф. На страже мирного труда (1921 - 1940 гг.), с. 214 216.

{32}Ри - японская мера длины, равная 3,93 километра.

{33}Красная звезда, 1939, 30 авг.